

ОГОНЁК
№ 51 ДЕКАБРЬ 1950
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ УЧАСТОК

ЗА РОДНОГО СТАЛИНА.

Рисунок В. Высоцкого

На первой странице обложки: ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ! Рисунок З. Правдиной

Copyrighted material

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 51 (1228) 17 ДЕКАБРЯ 1950

28-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Советский народ единодушно назвал своим первым кандидатом в Советы депутатов трудящихся любимого друга, отца и учителя, вождя прогрессивного человечества, знаменосца мира во всем мире Иосифа Виссарионовича СТАЛИНА.

Copyrighted material

ОРГАНЫ ВЛАСТИ ТРУДЯЩИХСЯ

П. БАХМУРОВ,
Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР

Сегодня, 17 декабря 1950 года, проходят выборы в местные Советы депутатов трудящихся девяти советских социалистических республик: Российской Федерации, Украины, Белоруссии, Грузии, Казахстана, Литовской, Латвийской, Эстонской и Карело-Финской ССР. В семи других советских республиках выборы состоятся 24 декабря.

На основе великой Сталинской Конституции и самой демократической в мире избирательной системы советский народ сегодня вновь изберет местные органы государственной власти — краевые, областные, окружные, районные, городские, сельские и поселковые Советы депутатов трудящихся.

Избирательная кампания по выборам в местные Советы депутатов трудящихся проходит при огромном патриотическом подъеме, охватившем всю страну, и еще теснее сплачивает наш народ вокруг большевистской партии и советского правительства.

Рабочие и колхозники, служащие государственных учреждений, учителя и врачи, работники науки и искусства, воины Советской Армии и Военно-Морского Флота — все граждане СССР отмечают выборы в Советы как всенародный праздник, как важнейшее политическое событие в жизни нашего государства. Трудящиеся встречают день выборов новыми производственными и политическими победами, прославляющими нашу Родину, ее героический народ, большевистскую партию.

С огромным воодушевлением советские патриоты идут сегодня на выборы и отдают голоса за кандидатов блока коммунистов и беспартийных, за всенародного кандидата в депутаты, за любимого вождя и учителя, знаменосца мира Иосифа Виссарионовича Сталина.

Большевистская партия и советская власть обеспечили народам нашей Родины победу социалистического строя, победу социалистической, до конца последовательной демократии и тем самым подняли каждого советского гражданина до положения активного участника политической, хозяйственной и культурной жизни страны.

Советское государство — это социалистическое государство рабочих и крестьян, вся власть в котором принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся.

«Советы, — говорил товарищ Сталин, — являются **непосредственными** организациями самих масс, то есть **наиболее демократическими** и, значит, наиболее авторитетными организациями масс, максимально облегчающими им участие в устройстве нового государства и в управлении последним и максимально развязывающими революционную энергию, инициативу, творческие способности масс...»

Возникнув впервые в огне революционных боев 1905 года, Советы уже тогда были оценены большевиками как органы революционной борьбы масс. Идея Советов сразу же стала родной и понятной рабочему классу. Вот почему в 1917 году, на другой же день после свержения царизма, вновь образовались Советы, но теперь уже для того, чтобы, пройдя через полосу победных боев с буржуазией и буржуазными партиями, стать единственной политической основой новой власти — власти рабочего класса и всех трудящихся.

Объясняя коренные причины победы Советов в Октябре 1917 года, Ленин говорил: «Если бы народное творчество русской революции, прошедшее через великий опыт 1905 года, не создало Советов еще в феврале 17-го года, то ни в каком случае они не могли бы взять власть в октябре, так как успех зависел только от наличности уже готовых организационных форм движения, охватившего миллионы. Этой готовой формой явились Советы, и потому в политической области нас ждали те блестящие успехи, то сплошное триумфальное шествие, которое мы пережили...»

Понятна поэтому та живая, неразрывная связь между народными массами и Советами, которая является источником силы нашего государства, опорой Советов во всей их многообразной государственной деятельности.

За тридцать три года существования социалистического государства Советы прошли славный путь развития. Под постоянным большевистским руководством Советы беспощадно подавляли врагов советской власти в период гражданской войны. В годы индустриализации нашей страны и коллективизации сельского хозяйства Советы играли важнейшую роль организаторов трудящихся масс, мобилизуя их на решение поставленных партией задач построения фундамента социалистического общества.

На основе победы социализма и дальнейшего укрепления советской власти в Советском Союзе развернулись такие могучие движущие силы, как морально-политическое единство советского общества, сталинская дружба народов,. советский патриотизм. Эти движущие силы особенно ярко проявились в Великой Отечественной войне советского народа против гитлеровской Германии и империалистической Японии.

Война показала, что советский строй является не только лучшей формой организации экономического и культурного подъема страны, но и лучшей формой мобилизации всех сил народа на отпор врагу.

Великие преимущества советского строя с новой силой сказались в годы победоносно завершаемой сейчас послевоенной пятилетки.

Пользуясь заслуженным авторитетом среди широчайших масс, Советы депутатов трудящихся успешно борются за выполнение грандиозных планов восстановления и дальнейшего развития хозяйства и культуры советского государства, сталинского плана преобразования природы, за быстрое осуществление величественных строек коммунизма на Волге, в Средней Азии, на Украине и в Крыму.

Нет таких задач, которые были бы не под силу Советам, ибо они в своей работе опираются на многомиллионную армию депутатов и активистов, на весь советский народ.

Мудрое большевистское руководство Советами депутатов трудящихся обеспечивает Советам всенародную поддержку, объединяет в них рабочих, колхозников и советскую интеллигенцию.

Большевистская партия является руководящей силой сталинского избирательного блока коммунистов и беспартийных, и поэтому в Советы избираются лучшие представители народа, всецело поддерживающие политику коммунистической партии и способные неуклонно проводить ее в жизнь.

Советы депутатов трудящихся служат большой школой политического воспитания советского народа, осуществляющего через Советы управление государством.

В 1939 году были впервые проведены выборы в местные Советы на основе Сталинской Конституции. Советский депутат — слуга народа, он работает под постоянным контролем со стороны избирателей и общественных организаций, выдвинувших его в Совет, стремясь оправдать доверие народа, быть государственным деятелем ленинско-сталинского типа.

Именно такими людьми являются и кандидаты в депутаты местных Советов третьего созыва, за которых голосует ныне советский народ. Среди них — Герой Советского Союза тов. Гринев, кандидат в депутаты Малоархангельского районного Совета Орловской области; Герой Социалистического Труда председатель колхоза тов. Гаранин, кандидат в депутаты Ульяновского областного Совета; лауреат Сталинской премии академик тов. Жданов, кандидат в депутаты Ростовского областного Совета; профессор медицинского института тов. Соркина, выдвинутая кандидатом в депутаты Иркутского областного Совета, и многие другие знатные представители трудящихся.

Громадным достижением большевистской партии, свидетельствующим о жизненной силе и непобедимости социалистической демократии и советского строя, является рост общественной активности советских женщин, которые в нашей стране и по закону и в жизни стали равноправны с мужчинами во всех областях государственной, культурной и общественно-политической деятельности.

Вот несколько цифр, показывающих рост числа женщин в составе Советов. В 1923 году в сельских Советах РСФСР было лишь около одного процента женщин, в 1924 году — 2,9 процента, а при выборах в местные Советы в 1939 году в сельские Советы было избрано женщин-депутатов уже 32,3 процента, в 1947 году — 34,5 процента; в нынешних выборах среди кандидатов в депутаты сельских Советов РСФСР женщин 35,3 процента.

Ясно, что ни одна капиталистическая страна, как бы ни восхваляли продажные защитники буржуазии насквозь прогнившую буржуазную «демократию», не давала и не может давать такого политического подъема народных масс, какой мы имеем в Советской стране.

Невиданный рост политической зрелости и патриотизма советских людей объясняется огромной воспитательной и организационной работой нашей родной большевистской партии, которая с первых дней своего прихода к власти борется за вовлечение трудящихся в повседневную работу по управлению государством, за повышение культурно-политического уровня народа.

В своей знаменитой работе «Удержат ли большевики государственную власть?», написанной незадолго до Октябрьской революции, Ленин с величайшей верой в творческие силы народа и большевистской партии высмеивал тех, кто пророчил гибель Советов и советской власти: «Россией управляли после революции 1905 года 130.000 помещиков, управляли посредством бесконечных насилий над 150 миллионами людей...

И Россией, будто бы, не смогут управлять 240.000 членов партии большевиков, управлять в интересах бедных и против богатых».

Жизнь показала, что эта мысль Ленина блестяще сбылась. Большевистская партия не только удержала власть, но и превратила нашу страну в могучую социалистическую державу — оплот мира, демократии и социализма во всем мире.

Большевистская партия, великий Сталин открыли перед нашей страной широкую перспективу коммунистического строительства. Советский народ, народ-победитель, творит чудеса в борьбе за дальнейшее укрепление могущества нашей любимой Родины.

Мы идем в авангарде борьбы всего прогрессивного человечества за мир во всем мире, против развязывания новой мировой войны американо-английскими агрессорами.

В славных делах нашего народа выдающуюся роль играют местные Советы депутатов трудящихся — самые массовые и демократические организации советского народа.

Сегодняшние выборы в местные Советы вольют в них новые и новые силы из неисчерпаемого родника народных талантов — из нашего рабочего класса, колхозного крестьянства, советской интеллигенции, сплоченных в единую семью вокруг большевистской партии, вокруг любимого вождя народов Иосифа Виссарионовича Сталина.

И, как всегда, под мудрым руководством партии Ленина — Сталина всепобеждающий советский народ, воодушевленный великими идеями коммунизма, пойдет к новым победам по пути, который указывает ему светлый гений великого Сталина.

Copyrighted material

ЗДЕСЬ БАЛЛОТИРУЕТСЯ ТОВАРИЩ СТАЛИН

Собрание трудящихся Сталинского района города Москвы в Колонном зале Дома союзов, посвященное выборам в местные Советы депутатов трудящихся. Выступает шлифовщица-стахановка Московского инструментального завода Л. И. Кузнецова.

Фото А. Устинова

Человек, попавший в эти дни в Сталинский район столицы, сразу же оказывается в атмосфере необычайной торжественности и взволнованности. Все тут — и яркие плакаты, и разговоры людей, и прекрасные производственные дела — все напоминает о большом празднике:

— 17 декабря мы будем голосовать за Сталина!

Над входом в агитпункт, на стене большого нового жилого дома, — вчера сюда въехали новоселы, — на фасаде завода — везде и всюду красочные портреты вождя. Все добытое, завоеванное, пережитое, все, о чем мечтает советский человек, связано с именем товарища Сталина.

О Сталине мудром, простом и великом говорят во всех квартирах, агитпунктах, цехах заводов и фабрик, лабораториях институтов района, жителям которого выпала большая честь голосовать за нашего вождя и учителя.

В лучших своих нарядах, как на праздник, пришли люди в Колонный зал Дома союзов на предвыборное собрание трудящихся Сталинского района столицы. И, выражая настроение собравшихся — а их было около двух тысяч человек, — модельщик-стахановец машиностроительного завода В. С. Западнов сказал:

— Светло и радостно сегодня на сердце у каждого из нас!

Светло и радостно, ибо с нами Сталин и мы со Сталиным, — везде и всегда!

Счастье миллионов

Выборгская сторона — прославленный заводской район старого Питера! Красногвардейцы-выборжцы несли караульную службу в Смольном в октябре 1917 года. В пору сталинских пятилеток слава о заводах Выборгской стороны шла по всей стране вместе с мощными турбинами, первоклассными станками и машинами. К выборжцам часто приезжал Сергей Миронович Киров. Он дружески беседовал с рабочими и инженерами, вдохновенно рассказывая о том, как отечески заботится о городе Ленина товарищ Сталин.

Грозными крепостями были заводы Выборгской стороны в дни героической обороны Ленинграда. В летописях советской эпохи навсегда увековечены трудовые подвиги стахановцев — передовых рабочих завода имени Сталина, «Красного выборжца», «Пролетария»...

Празднично сегодня на старой Выборгской стороне! Большая честь выпала на долю этого района: Иосиф Виссарионович Сталин баллотируется здесь в депутаты областного и городского Советов. Каждый избиратель гордится тем, что будет голосовать за любимого вождя и учителя.

Дорогое имя озаряет светлый путь в будущее — к коммунизму. Для строек коммунизма трудятся здесь, в Сталинском избирательном округе Ленинграда. В эти дни дела людей, выполняющих заказы волжских ГЭС, по-особому хорошо спорятся. Каждому хочется порадовать страну трудовым вкладом в великие стройки.

Для выборжцев, как и для всех советских людей, задание партии, задание Сталина превыше всего. В годы послевоенной пятилетки товарищ И. В. Сталин оказал ленинградцам величайшее доверие, поставив перед ними задачу исторического значения: превратить Ленинград в крупнейший центр технического прогресса страны.

Ленинградские рабочие и мастера, инженеры и техники, конструкторы и ученые выдвинули из своей среды много выдающихся людей, чьи имена приобрели известность во всей Советской стране.

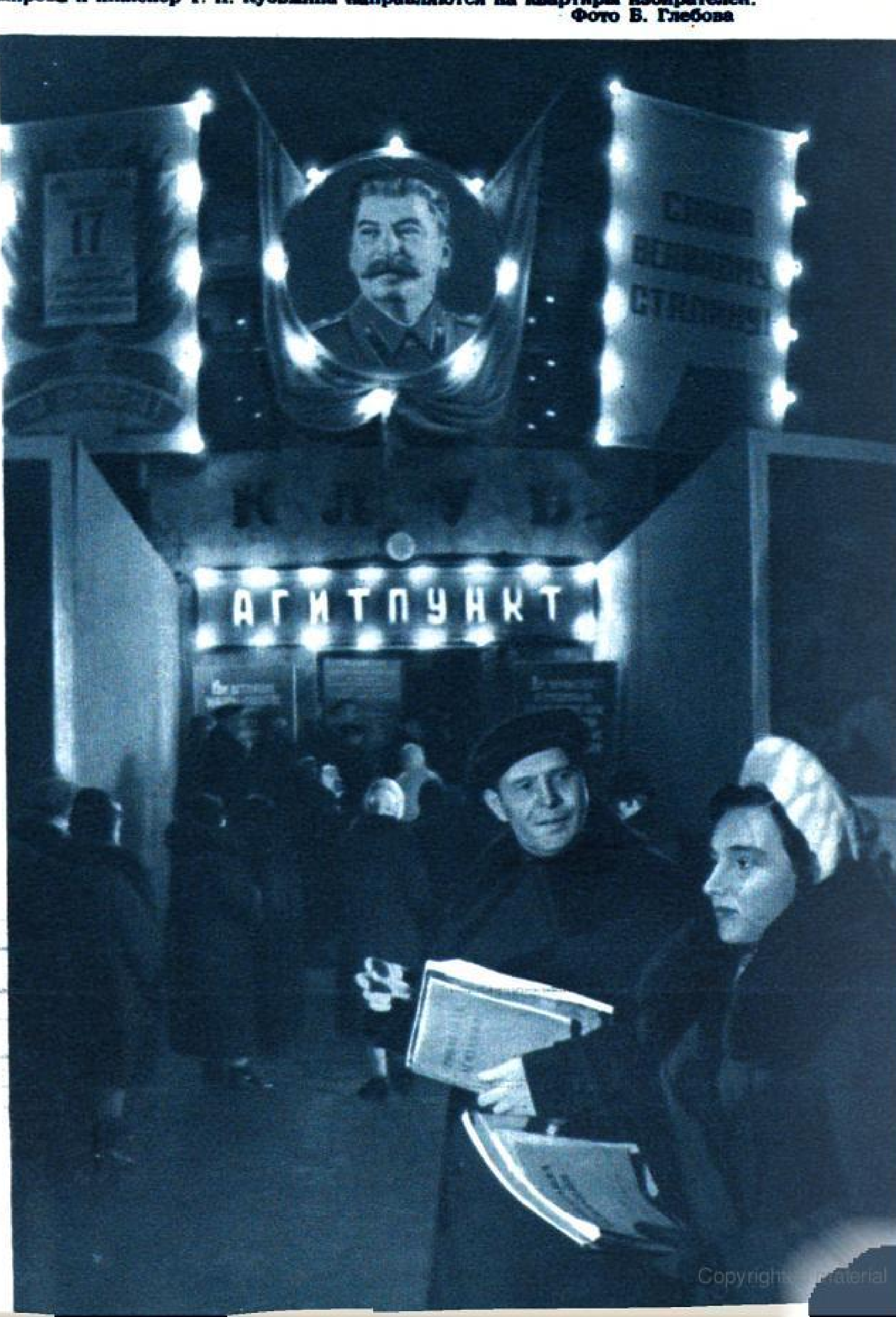
В эти дни сотни агитаторов рассказывают избирателям о жизни и революционной деятельности И. В. Сталина. Ленинградцы гордятся тем, что многие страницы жизни Иосифа Виссарионовича связаны с их городом. Как много в Ленинграде исторических мест, хранящих память о Ленине и Сталине! С каждым днем величественней становится город Ленина. Ленинградцы знают, что всем счастьем своей жизни они обязаны Сталину, чей полководческий гений на протяжении четверти века дважды спас город Ленина от вражеского вторжения.

Сталин — это счастье миллионов, это мир, это прекрасное будущее. За Сталина, за коммунизм будут голосовать ленинградцы вместе со всей страной.

В. САЯНОВ

В Сталинском избирательном округе Ленинграда. Агитаторы с завода имени Сталина старший мастер ремонтно-механического цеха Д. М. Тихомирова и инженер Т. Н. Кузьмина направляются на квартиры избирателей.

Фото В. Глебова

Улица Мира

Это было в Сталинграде. В развалинах дома строители как-то обнаружили каску советского бойца. На ее затылочной части виднелась потускневшая от времени и непогоды надпись.

— Дайте-ка мне, — сказал один из рабочих. — Я ведь тут воевал. Может, ее кто-нибудь из наших носил...

Он взял каску и прочитал: «А. Никиф.». Потом подумал немного и отрицательно качнул головой:

— Нет, Никифоровых у нас не было.

Каску бережно положили в сторону и принялись разбирать завалы. Но в обеденный перерыв строители вновь вспомнили о ней. Разговор зашел о сталинградской битве. Штукатур Василий Сычугов, работавший на отделке соседнего дома, рассказал об одном комсомольском собрании, проходившем в окопах Сталинграда. В протоколе — он хранится в музее — комсомольцы записали:

«Слушали: О поведении комсомольца в бою.

Постановили: Лучше умереть в окопе, но не уйти с позором. И не только самому не уйти, но сделать так, чтобы и сосед не ушел.

Вопрос к докладчику: Существуют ли уважительные причины ухода с огневой позиции?

Ответ: Из всех убедительных причин только одна будет приниматься во внимание: смерть».

Рассказ о собрании воинов-комсомольцев, стоявших насмерть, надолго запомнился строителям. И когда восстановительные работы на их улице были в разгаре, каменщики, штукатуры, землекопы, Василий Сычугов и его друзья обратились в горисполком с просьбой: назвать улицу, на которой строятся новые дома, улицей Мира.

Просьбу уважили, и строители собрались, чтобы обсудить это важное в жизни города событие. Вот что записано в протоколе собрания:

«Слушали: Сообщение о переименовании Саратовской улицы в улицу Мира.

Постановили: Свято хранить традиции защитников Сталинграда, отстоявших мир и наше право на мирный труд. Всегда, при любом задании высоко держать честь строителей улицы Мира. Не уходить с лесов, пока задание не будет выполнено. И не только самому выполнять, но и помогать товарищу».

Строители сдержали свое слово: они работали день и ночь. В широко развернувшемся соревновании приняли участие все коллективы, трудившиеся на этой улице. С необычайной быстротой росли стены новых зданий. Каменщики коллектива «Тракторострой» под руководством прораба тов. Румянцева за 28 дней воздвигли большой четырехэтажный дом.

В начале ноября на новой улице были посажены многолетние деревья и установлены столбы с гроздьями матовых шаров. Перед праздником Октября рабочие сняли заборы, окружавшие новостройки. Вспыхнул яркий свет — и перед сталинградцами открылась широкая, прямая, как стрела, ярко освещенная улица. Далеко был виден перекинутый от дома к дому плакат: «Мир — миру!»

Утром 7 ноября здесь прошла многолюдная колонна демонстрантов. Она двигалась к площади Павших борцов. Новая улица с красивыми домами вызвала ликование среди сталинградцев.

Рождение новой улицы совпало с началом подготовки к выборам в местные Советы. Здесь был образован избирательный округ с трехзначным номером. Жильцы дома № 13 не согласились с этим. Они послали в городской Совет просьбу, чтобы их округу был присвоен № 1. Горисполком направил эту просьбу в Президиум Верховного Совета РСФСР, и желание граждан улицы Мира было удовлетворено.

Еще одно страстное желание запало в сердца жителей новой улицы. Работники Управления «Сталинградджилстрой» выдвинули своим кандидатом в депутаты Сталинградского городского Совета великого Сталина. С нетерпением ждали сталинградцы заветной телеграммы. Она пришла в воскресенье 26 ноября. О ней сразу же узнал весь город: Иосиф Виссарионович Сталин дал согласие баллотироваться в Сталинградский городской Совет по избирательному округу № 1.

Больше всего этому известию радовались жители улицы Мира. На одном из предвыборных собраний в избирательном округе № 1 слово предоставили пенсионерке Агафье Федоровне Саксельцевой, проживающей в доме № 13.

Взойдя на трибуну, она произнесла всего несколько слов. Обратясь к портрету товарища Сталина, старая женщина, двадцать лет проработавшая на лесозаводах Сталинграда, сказала:

— Живи долгие годы, дорогой отец. Земной поклон тебе от нашего народа!

Т. ЧЕРНУЩЕНКО

На родине вождя

Москва — шеф Гори. Минувшим летом председатель исполкома Горийского городского Совета Николай Георгиевич Чубинишвили ездил к шефам — в Моссовет. Вернулся он с подарками. Это были машины, столь необходимые в городском хозяйстве.

Гори строится! Это — одно из самых сильных впечатлений, которое оставляет город. В домике-музее, известном всему миру, мы раскрыли книгу с записями посетителей — пятнадцатый по счету, большой, многолистный том. Записи последних месяцев. Пишут советские люди, пишут гости из-за рубежа. Перевод китайских иероглифов гласит: «Десять тысяч лет жизни товарищу Сталину! Слава городу, давшему человечеству великого знаменосца мира и показывающему пример великой строительной работы!»

Начало нынешнего года ознаменовалось большим событием в жизни Гори. 18 января был опубликован Указ Президиума Верховного Совета Грузинской ССР: Гори, значительно выросший за последнее время, из районного центра превратился в город республиканского подчинения. Одновременно начались работы по осуществлению генерального плана реконструкции Гори — плана, рассчитанного на 15 лет. Уже возводятся монументальные здания по обе стороны проспекта Сталина. Появились две новые благоустроенные улицы — Советская и Чавчавадзе. Сооружаются многоэтажные жилые дома, началось строительство более чем 200 индивидуальных двухэтажных домов.

...По городу разнеслась быстрокрылая весть:

— Товарищ Сталин дал свое согласие баллотироваться в депутаты Горийского городского Совета!

В этот радостный для Гори день — 25 ноября — рядом с историческим домиком состоялся общегородской митинг. Собрались все жители — от мала до велика. Люди поздравляли друг друга.

— Счастливый день! — сказал с трибуны митинга начальник строительства хлопчатобумажного комбината Семен Северьянович Лорткипанидзе. — Запомним его навсегда, товарищи!

В тот же день Окружная избирательная комиссия избирательного округа № 30 зарегистрировала товарища Сталина кандидатом в депутаты Горийского городского Совета.

Избирательный округ № 30. Председатель Окружной избирательной комиссии инженер-строитель Владимир Лаврентьевич Кикнадзе и его заместитель прораб Иван Георгиевич Ломиташвили знакомят нас с территорией округа. Охватывает она поселок комбината, раскинувшийся в живописной местности: горы на горизонте, Кура и Лиахва, фруктовые сады.

Здесь мы беседовали с инженером Вахтангом Хинчикашвили.

— В прошлые выборы мне выпало большое счастье голосовать за товарища Сталина в Сталинском избирательном округе Москвы. После учебы в столичном текстильном институте я вернулся в Гори. Руковожу сейчас приемкой оборудования для комбината. И вот огромная радость: буду здесь, на родине товарища Сталина, голосовать за нашего отца и учителя.

Горийцы готовятся к поездке в гости к избирателям округа № 57 Ленинского района города Тбилиси и к избирателям округа № 200 города Батуми, где товарищ Сталин также зарегистрирован кандидатом в депутаты городского Совета.

Гори, Тбилиси, Батуми — этапы большого пути, заря революционной деятельности товарища Сталина!

Н. РЯБИНИН

В этом доме находится Окружная избирательная комиссия избирательного округа № 30 по выборам в Горийский городской Совет. Здесь баллотируется в депутаты Горийского горсовета И. В. Сталин.

Copyrighted material

Вместе с народом

В. АКШИНСКИЙ

1

Зимой 1922 года в Карагу, на Камчатском побережье, нагрянул белогвардейский отряд. Солдаты оцепили село, согнали охотников и рыбаков в одно место. Начальник, от которого несло водкой, сказал:

— Инородцы! Вы должны немедленно сдать все меха для доблестной русской армии, борющейся с варварами-большевиками. Если вы будете сопротивляться, я прикажу стрелять. — И он снял чехол с пулемета, поставленного на нарту.

После этого белогвардейцы обошли юрты и забрали все, что им попадало под руку, — меховую одежду, спальные мешки, шкурки соболей, лисиц, выдр. Тех, кто не отдавал свое имущество, — били. Потом бандиты поехали дальше, на север.

Этот произвол возмутил молодого охотника-коряка Макара Обухова. Вместе со всеми жителями села он долго смотрел вслед удаляющимся нартам.

«Вот они, аткен-солдаты, — думал он, — плохие люди. Наверное, так поступают все русские».

В ту же зиму Макару пришлось снова увидеть русских. Они въехали в село на десятках нарт и остановились на дневку. Охотники и рыбаки попрятались в юртах, но командир отряда в шапке с красной звездой побывал у каждого и говорил испуганным корякам и ительменам:

— Товарищи, не бойтесь. Мы едем на Север, чтобы уничтожить белогвардейцев, которые грабят и обижают корякский народ. Нас прислала к вам советская власть, большевики. Ленин и Сталин хотят, чтобы вы жили хорошо, и будут помогать вам устраивать свою жизнь так, как вы хотите.

Охотники с удивлением слушали эти речи: так с ними еще никогда не говорили. И они вышли из юрт, чтобы лучше разместить красноармейцев, помочь им кормом для собак. Вечером было собрание. Многие коряки вызвались ехать проводниками. В их числе был и Макар Обухов.

Крепкого, живого паренька приметил командир отряда Зенков. Он взял его каюром на свои нарты.

Макар жадно слушал рассказы красноармейцев о советской власти, которая уже установилась на Большой земле и пришла на Камчатку. По пути к Парапольскому долу он близко познакомился с политруком Гавриловым, с бойцами. В этой поездке Макар много узнал и перечувствовал. Ему захотелось остаться навсегда с этими смелыми, честными людьми, и он попросил записать его в отряд.

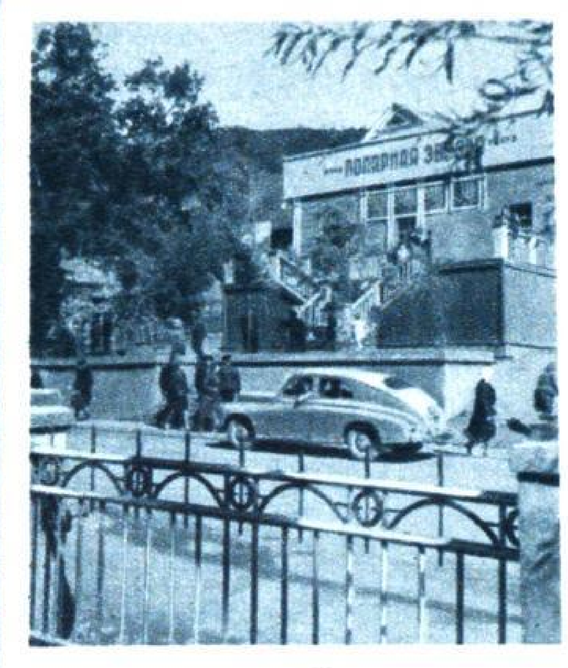
Гаврилов и Зенков поблагодарили Макара, но взять в отряд отказались.

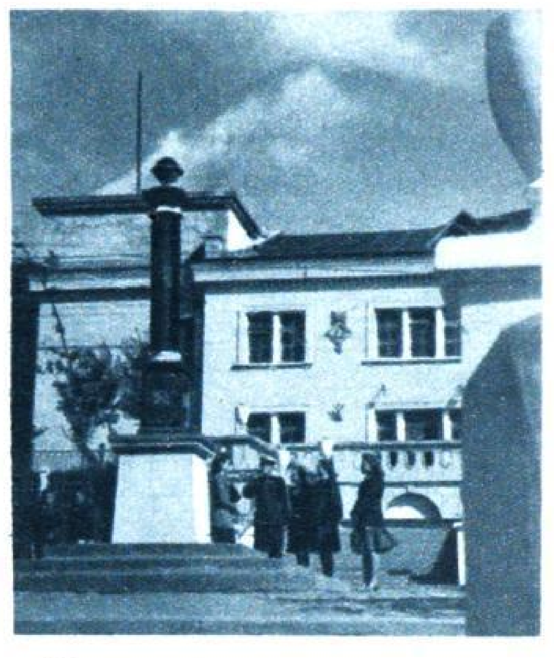
— Ты нужен в селе, — сказал Зенков. — Белых мы разобьем и без тебя, а ты возвращайся домой и помоги людям жить так, как мы тебе говорили.

Прощаясь, Гаврилов обнял юношу, как друга:

— Кто знает, Макар, может быть, ты будешь большим человеком: советская власть открывает всем трудящимся широкую дорогу. Ты молод; учись и честно служи народу. Жди нас с победой.

Вернувшись в родное село, Макар Обухов горячо взялся за дело. Он рассказывал своим односельчанам обо всем, что видел и слышал в отряде. На собрании он предложил избрать в сельский Совет самых надежных

Сегодня на Камчатке

Далеко на Камчатке, как и в каждом уголке нашей страны, за годы, отделяющие нас от прошлых выборов в местные Советы, произошли большие перемены.

На снимке слева вверху: Ленинская улица Петропавловска-Камчатского.

Около памятника известному русскому мореплавателю Витусу Берингу построено большое здание областного комитета радиоинформации (снимок вверху справа). Из этого здания ежедневно ведутся передачи, которые слушают рыбаки в море, оленеводы в далекой тундре, рабочие на многих предприятиях и у себя дома. Каждый день слышит Камчатка голос родной Москвы.

Камчатка стала областью сплошной грамотности. И там, где американские и японские колонизаторы грабили и разоряли народы, населяющие полуостров, теперь бьет ключом культурная жизнь. Здесь открыты средние школы и техникумы. На первом курсе отделения народов Крайнего Севера в областной фельдшерской школе занимаются эскимосы, чукчи, эвены, коряки (снимок в центре).

На Камчатке раньше не знали вкуса свежего картофеля, помидоров и огурцов. Туда завозились только сушеные овощи. Теперь на далеком полуострове созданы крупные овощеводческие хозяйства, снабжающие население овощами. На снимке слева внизу — работница А. Пермякова собирает урожай огурцов в теплице опытной сельскохозяйственной станции.

Трудящиеся Камчатки отмечают эти знаменательные дни высокими производственными успехами. Рыбообрабатывающий завод № 2 Озерновского рыбкомбината досрочно выполнил годовой план и обязался дать до конца года несколько десятков тысяч центнеров рыбы сверх плана. Директор этого завода Н. Трусова проверяет качество рыбы, поступившей на обработку (снимок справа внизу).

Фото С. Кропивницкого (ТАСС)

Памятник Амангельды Иманову

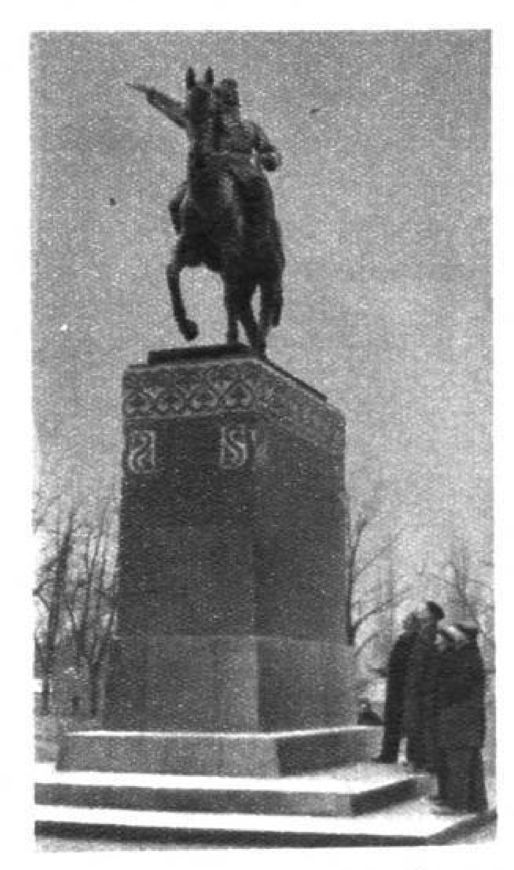

Фото В. Шишкина

В 1916 году казахская беднота восстала против царизма. В Тургайских степях это восстание возглавил народный герой Амангельды Иманов. В годы гражданской войны его боевые отряды храбро сражались против контрреволюционных банд. Все свои силы отдал Амангельды борьбе за власть Советов в степях Казахстана.

В мае 1919 года враги казахского народа — буржуазные националисты — предательски убили Амангельды.

Труженики Казахстана свято чтут память отважного героя. Акыны слагают о нем песни. Один из первых художественных фильмов молодого казахского киноискусства посвящен Иманову. Драматург Габит Мусрепов воссоздал образ героя в пьесе «Амангельды». Народный художник Казахстана Абылхан Кастеев написал ряд портретов и картин, отражающих боевую деятельность Амангельды Иманова.

В радостные дни тридцатилетия советского Казахстана в столице республики Алма-Ате был торжественно открыт памятник народному герою. На центральной площади города, среди молодых деревьев, возвышается пятиметровый пьедестал из серого и розового гранита. На нем высечена надпись на казахском и русском языках:

Амангельды Иманов. 1873—1919.

На пьедестале установлена бронзовая скульптура высотой в четыре метра. Удерживаемый туго натянутыми поводьями, конь нетерпеливо переступает с ноги на ногу. Сейчас прозвучит последнее слово призыва — и всадник помчится во главе своего отряда навстречу победе!

Автор памятника — заслуженный деятель искусств Дагестанской АССР скульптор Хас Булат Аскар-Сарыджа.

Дм. Снегин

людей из бедноты. Кулака Попова и шамана Никифорова лишили избирательных прав.

С Севера доходили хорошие вести. Во многих селах установилась советская власть. Красноармейцы ликвидировали белогвардейские банды в селах Дранка и Апука. Весной проезжие каюры рассказали, что разгромлены последние белогвардейцы — в Гижиге и Наяхане. Макар с нетерпением ждал возвращения своих друзей, но потом узнал, что Зенков и Гаврилов погибли в бою геройской смертью.

Молодой охотник навсегда сохранил в своей памяти светлый образ впервые увиденных им большевиков: это они принесли на Север свободу, слово Ленина и Сталина, это они спасли северные народности от голода и нищеты. Он поклялся всегда и во всем следовать примеру этих русских.

Вскоре односельчане избрали Макара Михайловича Обухова председателем сельского Совета. С тех пор он непрерывно на советской работе: инструктор райисполкома, председатель райисполкома, председатель исполнительного комитета Корякского окружного Совета депутатов трудящихся.

Рыбаки, охотники и оленеводы хорошо знают своего председателя окрисполкома, большевика Обухова. Они не раз видели его на рыбалках, в тундре, в тайге. Он всегда приносил людям живое слово, поднимал их на большие дела, помогал создавать колхозы, заботился о больных, присылал учителей. За эту безупречную работу они трижды избирали своего верного сына депутатом Верховного Совета СССР и сейчас снова назвали его своим кандидатом в депутаты окружного Совета депутатов трудящихся.

2

Там, где угрюмо шумело море, на пустынных когда-то берегах Камчатки выросли мощные рыбные комбинаты, рыбоконсервные заводы, моторно-рыболовные станции, колхозы. Появилось электричество, радио, кино. В заснеженных тундрах созданы крупные оленеводческие совхозы.

Макар Михайлович был не только живым свидетелем этих огромных перемен. Он сам осуществлял эти преобразования. Вместе с народом он строил и строит новую жизнь.

Когда нужно было доказать кочевникам преимущество оседлой жизни, Обухов поехал в самые отдаленные районы. Он побывал во всех стойбищах, беседовал со стариками и молодежью. Он говорил им:

— Как мы жили в старое время? Ходили в шкурах, голодали, гибли от разных болезней. Царские чиновники тратили на лечение каждого из нас одну копейку в год. А сейчас у нас десятки больниц, сотни школ, изб-читален, красных яранг. Советская власть хочет, чтобы мы жили хорошо. Надо селиться у рек, строить постоянные жилища, обрабатывать землю.

Этот совет человека, которого все хорошо знали и которому верили, убедил многих. Оленеводы начали перестраивать свой веками установившийся быт. Сейчас уже выросли целые поселки, заселенные осевшими на землю оленеводами: Белоголовое-кочевое, Седанка-кочевая, Воямполка-кочевая. В этих селах построены деревянные дома, открыты школы, фельдшерские пункты, пекарни, магазины. Только названия еще говорят о том, что в них живут бывшие кочевники.

Когда партия и правительство указали на необходимость создать на Камчатке мясо-молочную и овощную базы и этим разгрузить морской транспорт от лишних перевозок, Обухов снова в каждом селе терпеливо разъяснял огромные выгоды, которые сулит развитие сельского хозяйства на Севере.

— Да будет ли что расти на нашей земле? — сомневались некоторые. — Сумеют ли корякские женщины доить коров? Как рогатый скот перенесет суровый камчатский климат?

Макар Михайлович убеждал, внушал уверенность, советовал попробовать и убедиться на деле, что нет ничего невозможного, если приняться за дело сообща, организованно. Окружной Совет деньгами и строительными материалами помогал тем, кто уже взялся за решение этой важной задачи.

Жизнь подтвердила правильность политики партии. Завоз сельскохозяйственных продуктов в округ значительно сократился. Сейчас только в одном колхозе имени Кирова поголовье оленей выросло в пятнадцать раз. Здесь создана крупная молочно-товарная ферма, построены скотные дворы, телятники, конюшни. Колхоз собирает хороший урожай картофеля, капусты, моркови, репы. Годовой доход артели превысил один миллион рублей. Колхозники получают за год на трудодни по 7—8 тысяч рублей деньгами, овощи, мясо, молоко.

Важнейшая отрасль экономики округа — рыбное хозяйство. И здесь много сделал председатель окрисполкома. Макар Михайлович, узнав, что инженер Чернигин изобрел рыбный гидронасос, сразу же позаботился о снабжении этими насосами рыбных комбинатов округа. Новые машины значительно ускорили все производственные процессы на предприятиях: сейчас сельдь с рыболовных судов потоком идет прямо в засольные чаны. Большое количество рабочих высвобождено для других промысловых работ.

По инициативе Обухова в округе построены два кирпичных завода, организованы десятки различных промысловых артелей, проведена радиофикация сел, начато строительство колхозных электростанций. Можно смело сказать, что ни одно дело, направленное к улучшению жизни колхозников — рыбаков, охотников и оленеводов,— не обходится без его непосредственного участия.

Особенно много работает депутат Обухов с молодежью. При его помощи только в этом году около двухсот юношей и девушек поехали в разные города учиться в техникумы и институты.

Председатель окрисполкома стремится, чтобы к участию в партийной, советской, общественной работе привлекались все более широкие слои местного населения. И сейчас трудно найти в округе такое учреждение, где не работали бы коренные местные жители. Десятки и сотни коряков стали учителями, киномеханиками, радистами, председателями колхозов, сельских Советов. Коряк Н. В. Арефьев — инструктор окружкома ВКП(б), коряк П. И. Бекеров — заведующий рыбным отделом Тигильского райисполкома, ительмен Ф. И. Лонгинов — заместитель председателя окрисполкома, коряк Терентий Наянов — секретарь окружкома ВЛКСМ.

Рассказывая об этом, Макар Михайлович тепло улыбается:

— Нашим отцам и дедам и не снилась такая жизнь!

3

Макар Михайлович Обухов сейчас в Москве: только что закончил учебу на курсах. Но и здесь он живет жизнью своего округа. Его беспокоит все: завезли ли охотникам порох и дробь, достаточно ли послано в школы учебников и тетрадей, как доставляются в округ последние новинки кино и литературы.

...Макар Михайлович часто вспоминает Первую сессию Верховного Совета СССР.

— Тогда, — рассказывает он, — я впервые увидел нашего родного Сталина. Я рано потерял отца и не помню родительской ласки. Это Сталин обласкал меня и сделал счастливым. Это он послал в нашу тундру красноармейцев, чтобы они освободили от белогвардейцев, от американских и японских хищников наш далекий край. Это он поднял к радостной, счастливой жизни наш маленький народ. Я смотрел на Сталина, и мне казалось, что он смотрит на меня. Я вспомнил посланцев Сталина — Зенкова и Гаврилова, отдавших жизнь за нашу свободу. И мне казалось, что не политрук Гаврилов, а сам Сталин положил мне тогда на плечо свою руку:

— Честно служи своему народу, Макар!

Copyrighted material

ПО ДОЛГУ СЕРДЦА

Галина ШЕРГОВА

Фото М. Михайлова

Сухов шел, хлюпая по талым лужам тяжелыми валенками в калошах. На правах председателя уличного комитета Иван Евгеньевич Сухов имел собственные взаимоотношения с природой — с сыростью, слякотью, распутицами. Он неодобрительно покосился на небо. Огромные, неповоротливые хлопья снега как бы нехотя вертелись над головой. Снег не таял только на крышах. Он оседал на белые арки высокой старой церкви, на спящих в арках ворон, делая их тоже белыми, будто прилепленными к стенам.

— Ворон считаешь, Иван Евгеньевич? — Сухова хлопнули по плечу.

Он оглянулся:

— Привет Николаю Николаевичу! Куда путь держишь?

Подошедший Гадалов, механик с шелковой фабрики, протянул руку.

— По домам иду, Иван. На агитацию.

Они постояли минут десять, поговорив о том, о сем, посудачили по-стариковски о городских делах. Разошлись. Но, пройдя два квартала, Гадалов обернулся и посмотрел, как в колышущемся белесом дыму снега таяла черная фигура Сухова. А когда Николай Николаевич пришел к избирателям на Большую Ивановскую, он уже точно знал, что тему беседы нужно изменить.

В комнате было натоплено не по погоде, и у Гадалова сразу запотели очки. Пока он протирал их — внимательно и сосредоточенно,—из других квартир, уже узнав о его приходе, подошли люди. Он начал беседу так:

— Вот, значит, товарищи, опять предстоит нам избирать нашу местную советскую власть. Дело для всех уже давно привычное. Сейчас шел я к вам и встретил на дороге Сухова Ивана Евгеньевича. Да знаете вы его! И вспомнилось мне, как мы вместе с ним эту власть тут, в городе, под руководством Фрунзе, Михаила Васильевича, основывали и как боролись за нее — вспомнилось. Потому что для человека рабочего, какими мы с Иваном были, в ней вся надежда была. Вы народ молодой и обо всем этом только в книжках читаете. А мы знали другую жизнь...

И на фабрике Гадалов рассказал об этом...

Гадалов сейчас ощутил прошлое, снова увидел все отчетливо:

...Обгоревший на пожаре, умирает от чахотки пожарный. Это отец. Мать, свесив между колен руки, сидит и смотрит, не отрываясь, на висящую на стене цветную крышку от конфетной коробки. Он, Колька, трогает ее за плечо, а она даже не поворачивается к нему.

...Потом он, щупленький, двенадцатилетний, таскает к наковальне неподъемные куски железа, а кузнец Буров, весь пестрый, в черных и рыжих пятнах, покрикивает на подручного.

...Бастует фабрика. Фабричный двор полон народа. Требуют повышения заработной платы и сокращения рабочего дня. Гадалов с Сашей Котовым выкатывает на тачке приказчика Андрея Степановича, и весь двор гудит. Котова хватают жандармы, и Гадалов уже не видит его. Через девять лет Сашу выпускают из тюрьмы. А через четыре дня после освобождения его хоронят. Николай первым идет за гробом и плачет.

После стачек начинаются массовые увольнения. По всем дорогам от фабрики к фабрике ходят люди в поисках работы. Сейчас Гадалов представляет, как через поле в легких сапожках идет по морозу Ванюшка Сухов, идет за двадцать верст, а пурга, забегая вперед, пересекает ему дорогу. Два дня спустя он идет обратно, идет медленно, то и дело останавливаясь: работы «бунтарям» не дают.

...На проходном дворе у кабатчицы Хомячихи стоит стол. Его вынесли на улицу: весна, теплынь, на припеке веселей гулять. Кто-то залихватски кричит:

— А ну, кума, налей сама! — Хомячиха останавливается на пороге, обтирая руки о передник, лоснящийся на толстом брюхе. Арсений (Николай в то время знал только подпольную кличку Фрунзе) смеется:

— Ладно, без тебя управимся. Такое дело — легкое! — Он поочередно смотрит на оба выхода с проходного двора и говорит сидящим за столом:

— Экономические забастовки, товарищи, хороши только в качестве временной меры. Но главное внимание должно быть сосредоточено на политической борьбе, борьбе за власть рабочего класса. На одних стачках далеко не уедешь. Ну, накинул пятиалтынный сегодня фабрикант, завтра втрое больше сдерет. Не пристало нам пренебрегать традициями политической борьбы, ведь у нас здесь по соседству, в Иванове, еще в 1905 году были созданы первые в России Советы. Сейчас надо собирать все революционные силы, готовить народ к пролетарской революции, к борьбе за власть Советов. — Точно Гадалов сейчас не помнит, но примерно так говорил Фрунзе.

И сила стекается. С дальних фабрик едут к Арсению рабочие. И вот по разморенной от зноя реке Тезе тащится баржа. На тюках миткаля, закинув руки за голову, лежат уволенный снова с работы Иван Сухов и поднадзорный матрос. Матрос бередит прутиком воду за бортом и лениво, будто о чем-то постороннем, говорит:

— Как приедем, Иван, в Шую, так расстанемся. А завтра, в 12 часов, буду ждать тебя в чайной Литвинова. — Потом матрос косится на дремлющего над тюками сторожа и прибавляет тихо: — Постараюсь с Арсением увидеться.

Назавтра Сухов сидит у Литвинова, окруженный пузатыми чайниками с отбитыми курносыми носами, и ждет. Час, два, три. Матроса нет. Потом Иван узнает, что его арестовали. Но арестами уже не помочь правительству. Вся Россия волнуется...

А токарь Николай Гадалов тогда думал: «Что же это такое — «власть Советов»?»

* * *

Прямо перед Гадаловым на диванчике сидела молоденькая ткачиха с «Шуйского пролетария». На протяжении всего рассказа она смотрела на Гадалова, не отрываясь, и сосредоточенно наматывала на палец косу. И почему-то он обращался именно к ней. Сейчас девушка подобрала под себя ноги в синих шерстяных носках и тапочках и вздохнула: «Ох, интересно!» От ее одобрения и от сознания того, что воспоминания интересны не ему одному, Гадалов воодушевился:

— Да, думал я, значит, что же это за власть Советов? Чувствовал, что от нее весь переворот нашей жизни будет, а как это все произойдет, не представлял точно еще. И вот в марте 1917 года создается у нас в Шуе «организационное бюро» по выборам в Советы. И меня в это бюро выдвигают, говорят: ты сознательный товарищ, Николай, понимаешь. Прикрепляют меня, значит, к одной фабрике. Митинг проводить. Вот собрался в цехе народ. Ждут. Выхожу я перед ними, а самому страшно: дело-то какое, надо людям всю будущность открыть и смысл их последующей жизни разъяснить. Вышел. Стихли все. Откашлялся я — дыхание так и перехватывает — и говорю:

«Товарищи, рабочий класс! Царь в России свергнут, самодержавие пало от рабочей руки. Но управляют Россией не рабочие, а буржуазия, которая интересу рабочего не понимает и даже, как бы сказать, ему враждебна. Необходимо нам создать свою, народную

Зоя — инженер-электрик на «Шуйском пролетарии».

Copyrighted material

власть. Нужно избрать Советы рабочих». Вдруг из зала выкрик: «Слезай, что еще за Советы! Долой твои Советы!» Пригляделся я в зал и узнал: Семен Виколов, мастер, крикнул. А зал уже к нему повернул головы. И тогда меня как подмыло. Как пошел, как пошел! Говорю и чувствую: сам все в подробностях осознаю и представляю. «Советы,— говорю, — это народная власть во главе государства и на местах. И потому, что она из народа, то и народные интересы ей всего важнее...»

Прошли по фабрикам митинги, и собрался общегородской сбор. В «дворянском собрании». Я как раз на карауле стоял. Стою, и вдруг меня кто-то за рукав трогает. «Привет, — слышу, — часовому революции Гадалову». Оборачиваюсь—Арсений, Фрунзе. «Ну,— говорит, — пошли, Николай Николаевич». Пошли мы с ним в здание и прямо на сцену вышли. А в зале шум, споры. Но как только Михаил Васильевич на сцене появился, все как замерли. Он им речь произнес о Советах. Прямо сказать, не моей чета. И после этой речи весь рабочий люд в сторону Советов обернулся. Конечно, в повороте этом многолетняя работа, которую большевики в городе проводили, воздействие оказала. Но и речь свое дело сделала.

Избрали, выходит, Советы. Рабочих — Сухова, других там выбрали. И меня также избрали. А во главе наших Советов товарища Фрунзе поставили. И начали мы жизнь на новый путь переводить.

Гадалов передохнул, и девушка, воспользовавшись паузой, встала на диванчике на колени:

— Ну, и выбрали. А занимались-то вы там чем? Что делали-то? Как наши депутаты, теперешние?

Теперешние? Гадалов сразу представил себе их депутата Татьяну Васильевну Молоснову. По работе они не сталкивались: Молоснова была директором соседней фабрики. Но на всех городских активах и собраниях они в перерывах сидели где-нибудь на подоконнике и беседовали. Он любил слушать ее рассказы о проверках больниц, о том, что и топливом, и медикаментами, и санитарным состоянием заняться пришлось. Но когда речь заходила о школах, Гадалов делал короткие замечания и смотрел проницательно на Татьяну Васильевну: произвела ли впечатление его осведомленность? Она и вправду удивлялась. Разгадка-то была простая: сын Гадалова директорствовал в Пусташской школе, и Николай Николаевич всегда подробно допрашивал Леонида о школьных делах. Но и Молосновой, в свою очередь, он удивлялся и качал головой: «На все-то у тебя время, Татьяна Васильевна. И откуда ты про школу такое знаешь? Не по твоему ведь ведомству? Гляди-ка ты — устарелые наглядные пособия раскритиковала!» Она смеялась: «По долгу службы!»

Позавчера они встретились в городе. Вертлявый «газик» Молосновой прыгал по талому снегу, вздымая с дороги ворохи брызг и воробьев. Поровнявшись с Гадаловым, она остановила машину и помахала ему:

— Откуда и куда, Николай Николаевич?

Он ответил:

— Направляюсь из зала заседания. Народным заседателем присутствовал.

— Вон какой ответственный! А я по домам еду. Поступили заявления от избирателей. Знаешь, все производство да производство, а быт-то и запустила. Пять дней заявление лежит. Стыд!

Он сказал:

— Трудная у тебя работа, Татьяна Васильевна, — за всем усмотреть. Но почетная: людская жизнь тебе доверена.

Молоснова погрозила пальцем:

— Не прибедняйся! А тебе? В суде-то человеческую судьбу определяешь. Оба мы с тобой советская власть! — И уехала. А он еще стоял и думал о ее большой депутатской жизни, в которую входили и наглядные пособия в школе, и больничные занавески, и дрова для работницы Речкиной, и семейные дела фабричного механика. Думал о том, что не зря они за эти ее дела боролись в пятом году и в семнадцатом...

...Гадалов не сразу ответил девушке. Не сразу, потому что вспомнил все это. А потом сказал:

— Нет. Непохожи были наши заботы на дела теперешних депутатов. Теперь все заводы и фабрики государству принадлежат, а государство наше рабочие интересы хорошо защищает. В первые же годы после революции еще много старых директоров и хозяев на предприятиях было, и, конечно, Советы рабочих контроль над производством осуществляли. Вот Сухов же этот мне как-то бумаги показывал, до сих пор у него целы: «Депутат Сухов направляется Советом на фабрику Девочкиных для урегулирования конфликта между рабочими и дирекцией». А теперь какие конфликты? Так же по депутатской линии на заводе приходилось мне в Красную Гвардию призыв производить — на защиту советской власти. Был я и инспектором почт и телеграфов, и в землеуправлении от Советов работал. Правду сказать, я к земле отношения никогда не имел. Лошадь — и ту с трудом запрягу. Но на первых порах советской власти приходилось всем заниматься. А сколько она, наша власть, дел за это время переделала и во что страну нашу превратила, вы сами каждый день видите. Да вот хоть меня возьмите... Что моя молодость! Четыре класса школы прошел, а там завод, увольнения, жизнь впроголодь да нагайки полицейские! А взять детей моих. Леонид — в школе директор, Зоя — инженер-электрик на «Шуйском пролетарии». Сам персональную пенсию имею. Вот она, советская власть!

* * *

По обочинам текла густая снежная муть, капало с крыш, чмокало под ногами. Гадалов вышел из дома на Большой Ивановской, поглядел под ноги, поежился и решил идти к дому. Потом остановился, подумал и двинулся к фабрике. Захотелось еще раз рассказать об этом и уже там, на работе, потому что это были не просто стариковские воспоминания. Еще раз он оценил сегодня всю жизнь вокруг. И понял, что делает он свою славную работу агитатора от всей души, по долгу сердца.

Ее мечта

Вероника ТУШНОВА

ПОРТРЕТ

Конечно, пальцы вымазаны клеем,
В обрезках стол, давно простыл обед,
Но дела нет почетней и милее
Для девочки одиннадцати лет.

Ей от звена поручено заданье
И до утра отпущен краткий срок...
Уже стекло протерто до сиянья,
И темнокрасный высох ободок.

Она сперва не замечала в спешке
В глазах Вождя родительской усмешки,
И только после показалось ей,
Что стало как-то в комнате светлей.

Он так смотрел, покуривая трубку,
Как будто был всегдашним гостем тут,
И девочка вдруг протянула руку
И пионерский отдала салют.

И покраснела и до слез смутилась,
Восхищена, взволнована, горда,
Как будто бы и впрямь осуществилась
Ее мечта, и он пришел сюда!

И в этом, право, не было ошибки —
Ведь он пришел бы, если б не дела...
И сталинская добрая улыбка
В том лучшею порукою была.

Но даже на далеком расстоянье,
За сотни километров, все равно,
Его любви великое сиянье
У девочки в глазах отражено!

УРОК РУССКОГО ЯЗЫКА

Ты сегодня вызвана к доске.
Стиснув мел в ребяческой руке,
Не спеша, старания полна,
Пишешь ты: «Нам не нужна война».
Как березка тонкая, пряма,
В сорок первом рождена году,
Словно правда вечная сама,
Ты стоишь у мира на виду.
Нам войны не надо. Ты права.
Ты на школьной вывела доске
Четкие, короткие слова
На родном, на русском языке.
Но слова твои прочесть смогли
На любом наречии земли.
Этим он, язык наш, и велик,
Ленина и Сталина язык!
Да, тебя сегодня слышат все
На земле, сжигаемой огнем,
Маленькую, с ленточкой в косе,
В платьице коричневом твоем...
Прямо на тебя наведены
Жерла грозных пушек и мортир...
Но народы не хотят войны,
Слово СТАЛИН означает МИР!
У людей желания просты.
«Мы желаем мира», — пишешь ты.
В сжатых пальцах крошится мелок...
Тише!
Продолжается урок.

НАД ГАЗЕТНЫМ ЛИСТОМ

В доме — тих и уютен,
за окошком — суров
Мирный вечер, похожий на сто вечеров...
Под настольною лампой, в кругу золотом,
Наклоняется девочка над газетным листом.
Наклоняется девочка с тонкой косой
Над четвертой, над черной, как ночь, полосой.
Ветер горя и смерти ей дышит в лицо:
Интервенты Сеул захватили в кольцо...
Песня грозная ходит по руинам, в дыму...
Ей ни пуля, ни штык не прикажут: «Молчи!», —
Потому что народ не убить никому
И Корею сломить не вольны палачи.
Вот на снимке иранские дети-рабы...
Им хозяин минуты вздохнуть не дает.
Их тела, невесомые от худобы,
По ночам лихорадка смертельная бьет...
Вот заметка.
Короткие строки о том,
Как малыш получает свой первый урок.
Как его, с позволенья сказать, педагог
Бьет за то, что он негр.
По лицу.
Кулаком.

Ты читаешь... Вот брови нахмурила ты,
Вот вгляделась, потом закусила губу...
Никогда я не видела
этой жесткой черты
На твоем безмятежном ребяческом лбу.
Потемнели глаза твои, словно свинец, —
Значит, в Армии Мира будет новый боец!
Сероглазая девочка, сердце мое!
Я напрасно желала когда-то тебе,
Чтоб безоблачным было твое бытие,
Чтоб тревог ты не знала в грядущей судьбе.
Ты не вправе не знать, как жесток, как велик
Этот век, беспощадный своею борьбой.
Свет и счастье — у нас!
Тьма и горе — у них.
Это есть наш последний, решительный бой!

Copyrighted material

Кандидат в депутаты Ивановского областного Совета директор Тезинской текстильной фабрики в Шуе Т. В. МОЛОСНОВА.

Фото М. Савина

На Московском тормозном заводе имени Л. М. Кагановича выпускается «стахановский календарь», в котором ежедневно появляются портреты стахановцев, особо отличившихся в труде. И когда был вывешен портрет револьверщика Михаила Петровича Акимова, выполнившего норму на 235 процентов, наладчик С. В. Панкратов (в центре) и мастер цеха Д. И. Ефремов (справа) поздравили своего товарища. Степан Владимирович Панкратов сказал: «Желаю почаще видеть тебя, Миша, здесь!»

Фото Дм. Бальтерманца

Copyrighted material

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ДЕКАБРЯ

Академик Е. ТАРЛЕ

Декабрьское восстание 1825 года — 125-летие которого мы отмечаем — навеки памятная историческая веха в движении русского народа к окончательному торжеству политического и социального освобождения, наступившего в октябре 1917 года.

Декабристы, как и Герцен, которого они, по выражению В. И. Ленина, разбудили, были дворянами, но их революционная программа была не дворянской: на их знамени был начертан лозунг освобождения крестьян. Декабристы были первым революционным поколением, первым по времени классом, начавшим в XIX столетии атаку против самодержавия. «Чествуя Герцена,— говорил Ленин,— мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной Воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом».

Это было второе революционное поколение, второй класс, включившийся в революционную борьбу: «...Но это не была еще сама буря.

Буря, это — движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой, революционной борьбе миллионы крестьян».

Этому третьему революционному поколению, третьему социальному классу, поднявшему на свои плечи гигантскую революционную борьбу, и суждена была окончательная победа, если не в первом его выступлении 1905 года, то при втором, победоносном, грандиозном взрыве 1917 года.

Именно оттого, что декабристы не имели еще не только поддержки со стороны народных масс, но даже и со стороны какой бы то ни было и сколько-нибудь значительной группы населения, это небольшое сообщество первых пионеров революционного движения в России XIX века всегда поражало мысль и чувство всех, занимавшихся историей их движения. Личный героизм, самоотверженный отказ этих, в большинстве своем знатных и состоятельных людей от всяких личных успехов, от благополучия и радостей, которые им сулила жизнь, — вот что прежде всего влекло к ним внимание и сочувствие. У людей, не разделявших их убеждений, вроде, например, поэта Тютчева, это сочувствие проявлялось лишь в форме сострадания, смешанного с недоумением: как это надеялись безумцы своей кровью «вечный полюс растопить», повернуть русскую историю на другие пути? У тех же, которые сочувствовали движению, как, например, Пушкин, восхищение подвигом декабристов смешивалось с болью и печалью, вызванными их гибелью, и с надеждой на будущее торжество их идеи:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Инициаторами и участниками политического движения, возникшего около 1817 года, были офицеры, состоявшие на действительной службе, вроде Пестеля, или Матвея и Сергея Муравьевых-Апостолов, или Якушкина. Основной целью их было уничтожение крепостного права и замена самодержавия либо конституционной монархией либо республикой. Сформировавшееся в марте 1821 года в Тульчине, на квартире Пестеля, Южное общество приняло окончательно республиканскую программу. Одновременно образовавшееся Северное общество склонялось в лице большинства своих сочленов к конституционной монархии, но там тоже были налицо сильные группы, стоявшие за республику.

В 1824 году начались переговоры о соединении Северного и Южного обществ для совместного выступления. Выработанная Пестелем конституция (Русская Правда) далеко не во всем соответствовала убеждениям северян. Во всяком случае, решено было, если восстание победит, созвать Учредительное собрание, а не вручать власть революционному диктатору, на чем настаивали южане, имея в виду полковника Пестеля...

Если между двумя обществами существовали разногласия в программах относительно будущего государственного устройства России, то план непосредственных революционных действий в общих своих чертах не возбуждал очень больших пререканий. Решено было воспользоваться первым подходящим случаем, чтобы произвести при помощи готовых к восстанию полков внезапный государственный переворот и, если понадобится, убить царя или, как предлагали некоторые, истребить царскую семью. Главными, так сказать, путеводными маяками подготовлявшегося переворота были уничтожение крепостного права и свержение самодержавия. Предполагалось, что эта основная программа будет поддержана всенародным сочувствием.

Рисунок из герценовской «Полярной звезды».

Хотя бесспорно, что план военного переворота отчасти подсказывался декабристам еще свежими в памяти событиями в Испании, в Неаполе, в Пьемонте в 1820—1822 годах, где именно военным переворотом начинались восстания, но следует сказать, что русские офицеры, готовившие нападение на самодержавное правительство, вовсе и не нуждались ни в каких западных образцах для своего выступления. Русская история XVIII столетия давала ряд примеров удавшихся государственных переворотов, произведенных или поддержанных вмешательством вооруженных сил, расквартированных в столице и ее окрестностях.

Множество такого рода прецедентов из недавней русской истории, понятно, могло преисполнить самыми радужными надеждами русских офицеров, выступавших на этот раз не во имя торжества того или иного претендента на императорскую корону, не во имя эгоистических интересов той или иной группы дворцовых карьеристов и интриганов, а во имя широких, великодушных целей освобождения народной массы от крепостного рабства и обуздания ничем не ограниченного деспотизма царя, его клевретов и прислужников.

В последние месяцы своей жизни Александр знал о существовании заговора. Два провокатора, втершиеся в доверие будущих декабристов, Шервуд и Бошняк, систематически выведывали очень многое из того, что делалось в окружении Пестеля, Муравьевых, Вадковского и других руководителей дела. Но никаких решительных мер Александр принять не успел: наиболее обстоятельные донесения были получены лишь перед самой его смертью и в первые дни после смерти.

И нужно признать, что хотя далеко не все было сделано для того, чтобы обеспечить за восстанием максимальные шансы на успех, — так, например, пропаганда среди солдат едва только начиналась и вовсе не был разработан план захвата главных правительственных учреждений (кроме сената), — но обстановка внезапно сложилась так благоприятно для затеваемого дела, что заговорщикам показалось просто совершенно непозволительным отложить немедленное выступление. «Случай удобен. Ежели мы ничего не предпримем, то заслужим во всей силе имя подлецов», — писал самый близкий друг Пушкина, член Северного общества Иван Иванович Пущин. А ведь он был человеком сдержанным, зрело обдумывающим всякое свое слово, всякое действие.

Дело в том, что 27 ноября (9 декабря нового стиля) 1825 года в Петербург примчался курьер из Таганрога с известием о том, что 19 ноября скончался Александр I. Известие о смерти 48-летнего царя, никогда серьезно не болевшего, поразило, как громом, тех немногих в Петербурге лиц, которые знали о крайней неясности и запутанности вопроса о престолонаследии. Прямым законным наследником должен был стать, как все думали, немедленно, с момента смерти императора, брат его Константин Павлович, находившийся в Варшаве в качестве наместника Царства Польского. Но Константин добровольно отрекся от престола в пользу младшего своего брата Николая еще в 1822 году, и Александр манифестом от 16 марта 1823 года собирался объявить, что после его смерти престол должен перейти к Николаю.

Однако ни этот манифест Александра, ни отречение Константина опубликованы не были. Об этой важнейшей государственной тайне знали в России только три человека: князь Голицын, граф Аракчеев и архиепископ Филарет. Поэтому Николай не счел возможным настаивать на своих никому до той поры неведомых правах на престол и поспешил вместе с гвардией и всем гарнизоном присягнуть своему брату Константину. Но Константин категорически подтвердил свое отречение и, в свою очередь, принес в Варшаве верноподданническую присягу Николаю.

Так как Константин не только присягнул Николаю, но и отказался приехать из Варшавы в Петербург, то Николай после долгих колебаний, продолжавшихся больше двух недель (с 27 ноября до вечера 13 декабря 1825 года), решил наконец вступить на престол, и на утро 14 декабря велено было привести войска к новой присяге. В гвардейских казармах возникло полное недоумение: только что они торжественно присягали императору Константину, а теперь им приказывают ни с того ни с сего присягать Николаю, причем самого Константина в Петербурге нет, и согласен ли он разрешить солдат от присяги, которую они ему приносили, неизвестно.

Вот это-то междуцарствие, длившееся больше двух недель, и возникшая смута умов по поводу странной, небывалой и неожиданной вторичной присяги и показались руководителям заговора тем «удобным случаем», которым, по мнению И. И. Пущина, позорно было бы не воспользоваться. Конечно, если бы это междуцарствие не захватило заговорщиков совершенно врасплох, если бы они могли предвидеть внезапную смерть Александра и сумятицу, которую породило в императорской семье, в Зимнем дворце и во всем правительстве внезапное выявление никому неведомых секретных документов о переходе престола не к Константину, а к Николаю, то декабристы успели бы размножить и зачитать солдатам и населению столицы уже составленный ими проект манифеста. В этом манифесте говорилось не только об освобождении крестьян и о полном равенстве всех граждан в правах, но

и о значительном облегчении податей и налогов, об уничтожении длившейся больше 35 лет солдатской службы, о полном преобразовании суда и управления на началах выбора должностных лиц и судей и так далее.

Манифест не успели ни размножить, ни зачитать полностью даже солдатам. Несколько облегчала агитацию среди солдат и офицеров глубокая непопулярность нового претендента на престол — Николая Павловича. Его требовательность, грубость, склонность к жестокости, к палочной дисциплине отталкивали от него всех в бригаде, которой он до той поры командовал. Константина не знали, а Николая знали очень хорошо и именно поэтому терпеть не могли. Будущий Николай Палкин уже стал в нем сказываться.

Агитация против присяги Николаю началась за несколько дней до 14 декабря (26 декабря нового стиля) и она обещала успех. Последние совещания происходили у Рылеева. Диктатором восстания избрали князя Сергея Трубецкого.

Наступило утро 14 декабря 1825 года. Первым отказался присягать Николаю Московский полк, причем бригадный генерал Шеншин и полковой командир Фредерикс были опасно ранены восставшими офицерами. К Московскому полку, отказавшемуся от присяги и прибывшему на Сенатскую площадь, присоединился спустя некоторое время лейб-гренадерский полк. Часть лейб-гренадеров, отделившись от полка, прошедшего на Сенатскую площадь, приблизилась к Зимнему дворцу, но опоздала и уже не могла занять его и захватить царскую семью, что было бы громадным успехом для восстания,— дворец уже был занят саперным батальоном, присягнувшим Николаю. Вслед за тем на Сенатскую площадь в полном порядке прибыл Гвардейский флотский экипаж и примкнул к восставшим. Драгоценные часы уходили, и восставшие теряли их, не решаясь двинуться на Зимний дворец. Утром, когда они только пришли на площадь, у них был план войти в Сенат и заставить сенаторов отказаться от присяги Николаю, а затем опубликовать воззвание к народу, содержанием которого был бы выработанный заговорщиками манифест. Но сенаторы еще в ранние часы утра присягнули Николаю и покинули Сенат. Было ясно, что продолжать после этого стоять вблизи Сената незачем и следовало идти к Зимнему дворцу, который утром был почти беззащитен.

Но растерявшийся и упавший прежде времени духом Сергей Трубецкой не явился на площадь, а князь Евгений Оболенский, которого тут же на площади избрали диктатором восстания вместо неявившегося Трубецкого, уже не мог повести войска на дворец, даже если бы захотел это сделать: присягнувшие Николаю войска были подтянуты и стеной стояли между Сенатской площадью и Зимним дворцом. Все попытки Николая убедить восставших разойтись и покориться оставались безрезультатными. Милорадович, петербургский генерал-губернатор, был смертельно ранен декабристом Каховским при попытке уговорить солдат разойтись. Посланного к ним митрополита Серафима восставшие войска отказались слушать. Николай приказал атаковать восставших по-эскадронно конной гвардией. Эскадрон за эскадроном налетал на восставших, но тотчас же отбрасывался сомкнутой колонной прочь. Ружейная стрельба восставших против конной гвардии усиливалась.

Между тем рабочие, занятые на строительстве Исаакиевского собора, постепенно начали разбираться в происходящем и обнаруживать сочувствие к восстанию. В войска, верные Николаю, полетели камни и поленья.

«Рабочие Исаакиевского собора из-за забора начали кидать в нас поленами, надо было решаться положить всему скорый конец, иначе бунт мог сообщиться черни, и тогда окруженные ею войска стали бы в самом трудном положении»,— собственноручно пишет Николай, вспоминая события 14 декабря.

Положение восставших становилось безвыходным, несмотря на сочувствие народа и мужественную выдержку солдат. «День был сумрачный. Ветер дул холодный. Солдаты, затянутые в парадную форму с пяти часов утра, стояли на площади уже более семи часов. Со всех сторон мы были окружены войсками, без главного начальства, потому что диктатор Трубецкой не являлся, без артиллерии, без кавалерии, словом лишенные всех моральных и физических опор для поддержания храбрости солдат. Они с необычайной энергией оставались неколебимы, и, дрожа от холода, стояли в рядах как на параде. Кюхельбекер и Пущин уговаривали народ очистить площадь, потому что готовились стрелять в нас. Я присоединился к ним, но на все мои убеждения был один ответ: умрем вместе с вами»,— рассказывает декабрист Михаил Бестужев.

Короткий зимний день склонялся к вечеру; из ближних к Сенатской площади улиц к вооруженной массе, стоявшей на площади, мог при наступлении темноты начать присоединяться народ. К Николаю подъехал генерал-адъютант Васильчиков и сказал: «Государь, нельзя терять уже ни одного момента. Тут уже ничего нельзя сделать, необходима картечь». Со свойственным ему лицемерием Николай пишет в своих воспоминаниях: «Меня ужас объял. Вы хотите, чтобы я пролил кровь моих подданных в первый день моего царствования? — отвечал я Васильчикову. — Чтобы спасти вашу империю,— сказал он мне».

Была выдвинута артиллерия, и после первого холостого выстрела, на который восставшие ответили ружейным огнем, так как ни одного орудия у них не было, грянули один за другим три выстрела картечью с двух сторон в самую гущу войск, стоявших на Сенатской площади. Они бросились спасаться: часть по узкой Галерной улице, некоторые по Английской набережной, другие по хрупкому еще льду Невы на Васильевский остров. Все было кончено, но артиллерия продолжала громить бегущих продольным огнем вдоль улиц.

Очевидцы-современники писали: «Нева, набережная и улицы были покрыты трупами. По прекращении артиллерийского огня император Николай повелел обер-полицмейстеру Шульгину, чтобы трупы были убраны к утру. К сожалению, исполнители распорядились самым бесчеловечным образом: в ночь на Неве от Исаакиевского моста до Академии художеств и далее к стороне Васильевского острова сделано было множество прорубей, в которые опустили не только трупы, но и многих раненых, лишенных возможности спастись от ожидавшей их участи».

Это было только началом царской мести. Жестоко поступил победитель. Следствие тянулось долго. Оно осложнилось после организованного Южным обществом и примкнувшим к нему небольшим Обществом соединенных славян на Юге восстания Черниговского полка, начавшегося 29 декабря и разгромленного царскими войсками уже через пять дней — 3 января 1826 года. Следствие велось под руководством самого царя, прибегавшего к самым гнусным приемам лживых обещаний и угроз. Николай был беспощаден: пять человек было повешено, более ста человек сослано на каторгу и лишь несколько десятков человек сосланы на поселение. Виновные солдаты были раскассированы по другим полкам. Несколько человек погибло под шпицрутенами, не выдержав назначенной им многотысячной порции ударов...

Немногие участники восстания дожили до Крымской войны, до крушения николаевщины. В декабристах, из которых некоторые лично пережили кровавую и достославную годину отчаянной борьбы и победы русского народа в 1812 году, всегда горячо билось патриотическое сердце. Непереносимым казалось им, чтобы народ, сокрушивший самого непобедимого Наполеона, рабствовал перед презренным палачом и подлым трусом Аракчеевым. Патриотами они остались и до конца жизни. Ссыльные декабристы Пущин, Якушкин, Штейнгель, Батеньков, Сергей Волконский, Евгений Оболенский со страстным интересом следили в 1854 году из Ялуторовска за героической обороной Камчатки от напавших на нее с моря англичан и французов. Ссыльные без конца совещались между собой и переписывались с затерянными в Сибири друзьями о наиболее целесообразных средствах обороны родины от врагов. Они дожили до роковой Крымской войны, когда пришла расплата за долгое царствование их душителя и палача, но жалели, что больше всего приходится при этом страдать русскому народу...

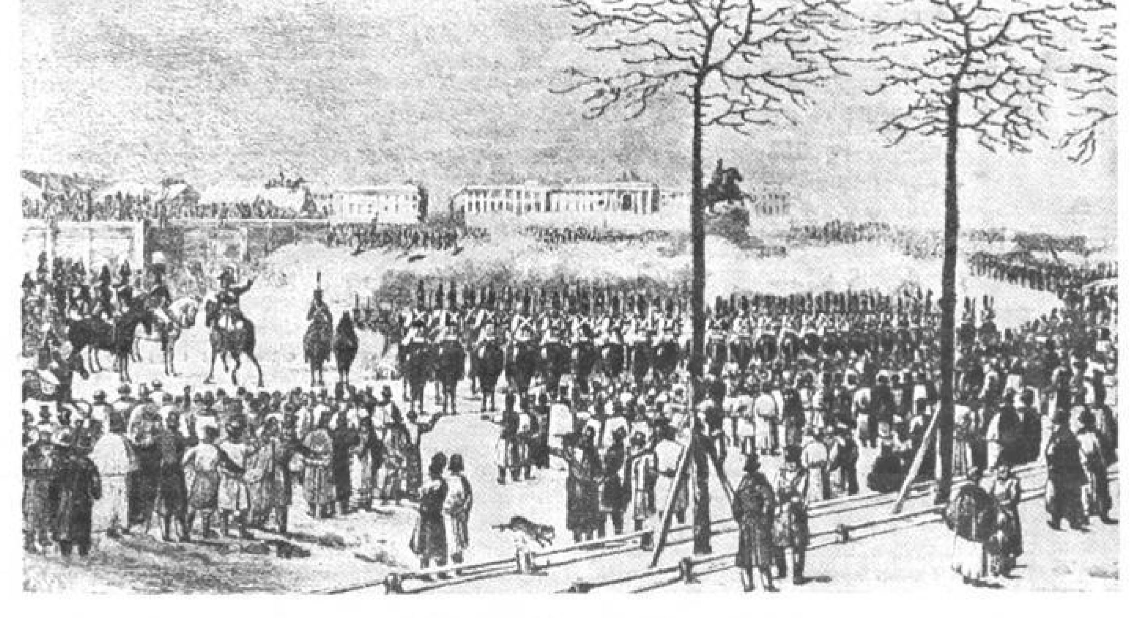
Предание о декабристах и их восстании вошло прочно в золотой фонд истории русской революции. Поколение Герцена и Огарева чуть не молилось на эти «святые тени», как выражались о них тогдашние романтики, и на обложке журнала, издававшегося Герценом в конце 50-х годов и названного в память декабристов «Полярной звездой», мы видим портреты пяти повешенных вождей восстания: Пестеля, Рылеева, Каховского, Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина. Поколение разночинцев, о котором говорит Ленин, как о «втором» революционном поколении России, поколение Чернышевского и Добролюбова, отдало достойную дань памяти декабристов бессмертной некрасовской поэмой «Русские женщины» и чудными строфами «Дедушки».

Наконец, последнее, победоносное поколение, сложившееся в грозных революционных бурях, связало пламя пролетарской грозы с декабристской искрой, которую царской власти не удалось погасить ни виселицами, ни шпицрутенами, ни каторгой. ...Осужденный Николаем на двенадцатилетнюю каторгу декабрист Одоевский ответил на послание Пушкина, в котором поэт убеждал декабристов во глубине сибирских руд хранить гордое терпенье, строками благодарности. И этой перепиской двух поэтов в рукописных списках зачитывалась вся сдавленная николаевским игом Россия.

И Ленин, начиная издавать свою революционную «Искру», не нашел для нее лучшего эпиграфа, чем слова Одоевского: «Из искры возгорится пламя».

Революционное пламя, возгоревшееся из этой непотухавшей искры, в дни Великого Октября гневно истребило режим насилия, гнилостного разложения и смерти, режим эксплуататоров и палачей.

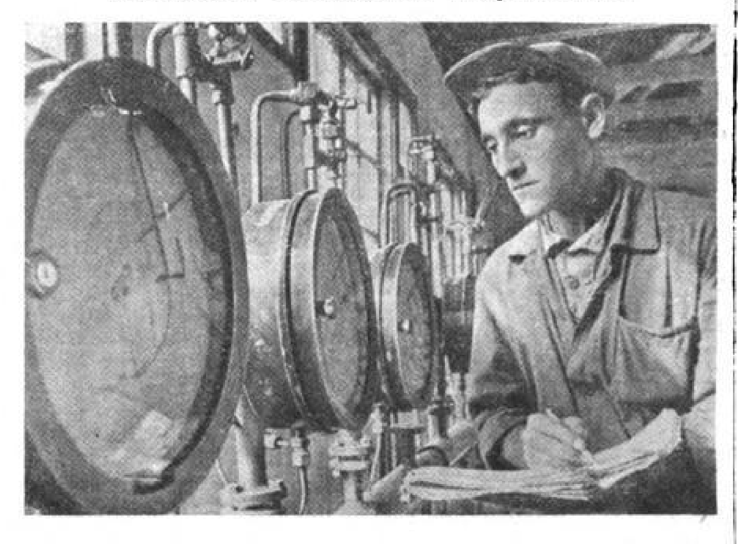
Светлая память о декабристах всегда будет дорога советскому народу.

14 декабря 1825 года в Петербурге.

Copyrighted material

Кандидат бакинских нефтяников

24 декабря состоятся выборы местных Советов в Азербайджанской ССР.

Среди кандидатов бакинских нефтяников Ганифа Гасанов — мастер четвертого ордена Ленина промысла треста «Сталиннефть».

— Двадцать пять лет молодому мастеру коммунисту, а его трудовой путь уже отмечен многими замечательными делами,— сказал на собрании заведующий промыслом Аллахверды Алиев.

...Ганифа Гасанов пришел на промысел из ремесленного училища в 1941 году. Война... Работали все помногу. Случалось, что дни проходили без отдыха и ночи без сна. Сначала юноша был помощником оператора, потом стал оператором.

Учась у опытных людей, Ганифа настойчиво овладевал своей профессией. Осенью 1948 года молодого рабочего назначили мастером по добыче нефти.

План нынешнего года бригада Гасанова завершила досрочно, к 1 ноября.

Вся молодежь из бригады Гасанова учится. Сам он совершенствует свои знания на курсах мастеров при Индустриальном институте.

На снимке: Ганифа Гасанов — мастер по добыче нефти треста «Сталиннефть».

Фото С. Кулишова

Письма мира

Объемистая сумка почтальона села Гланышево, Переяслав-Хмельницкого района, на Киевщине, заметно освобождается, когда он приходит к Елене Семеновне Хобте — Герою Социалистического Труда; знатной колхознице пишут письма из разных концов страны. Все чаще в последнее время в этих письмах звучит благородное и священное слово «мир». О мире Елене Семеновне пишут дети, украшая свои письма голубями и пальмовыми ветвями, пишут рабочие, колхозники, ученые, воины Советской Армии. Люди, слышавшие об успехах прославленной колхозницы, рассказывают ей, как они сами укрепляют дело мира повседневной работой.

— Много у меня таких писем, и я с любовью перечитываю их,— говорит Хобта.

Она показывает одно из них. Это от воинов части, где служит сосед Елены Семеновны Иван Николаенко. Пишут его сослуживцы:

«Можем порадовать Вас и всех колхозников, что Иван Николаенко является примерным воином, отличником боевой и политической подготовки, всеми уважаемым товарищем, активным борцом за мир. Мы с большим вниманием следим за тем, что происходит на фабриках и заводах, на полях колхозов и совхозов любимой Родины. Мы, как и весь советский народ, стоим за мир во всем мире и зорко оберегаем созидательный труд своего народа. Воины знают, что успехи нашей страны во всех отраслях народного хозяйства, великие стройки коммунизма на Волге, Днепре, Аму-Дарье — могучий вклад в дело мира. Нас живо интересуют замечательные дела славных стахановцев промышленности и сельского хозяйства. Очень просим Вас, Елена Семеновна, напишите нам об успехах вашего колхоза имени Шевченко, о ваших личных успехах в труде, в борьбе за мир».

Елена Семеновна не замедлила ответом.

— Про все написала им. И как трудимся и как богато живем. Вот приедет Иван Николаенко домой, так не узнает своего колхоза.

Давно уже залечены раны войны, и к людям снова возвратилась зажиточная, счастливая жизнь. Елена Хобта на своем участке земли собрала в этом году более 200 центнеров кукурузы с гектара, картофеля — 553 центнера, лука — 720 центнеров. Выращен высокий урожай кок-сагыза и мяты. Колхозники заполнили зерном свои закрома. Много семей выработало по 1000 и больше трудодней. Тесно теперь на ярмарках и в сельских магазинах. Колхозники приобретают одежду, обувь, материалы, радиоприемники, строят новые дома.

Обо всем этом пишет в своем материнском письме Елена Семеновна дорогим сынам — защитникам любимой Родины, стоящим на страже мира.

В. КУЧЕР,
Е. КРЫЖАНОВСКИЙ

Бригадир колхоза имени Шевченко тов. Кириченко и Герой Социалистического Труда Е. С. Хобта

Фото Н. Николаева

Музей в Днепропетровске

В десяти просторных залах художественного музея в Днепропетровске размещены полотна крупных русских мастеров кисти — Айвазовского, Крамского, Верещагина, Серова, Левитана, Маковского, скульптуры Антокольского и многих других виднейших художников. Широко представлены работы советских мастеров.

Недавно исполнилось 40 лет с начала организации художественного музея в Днепропетровске.

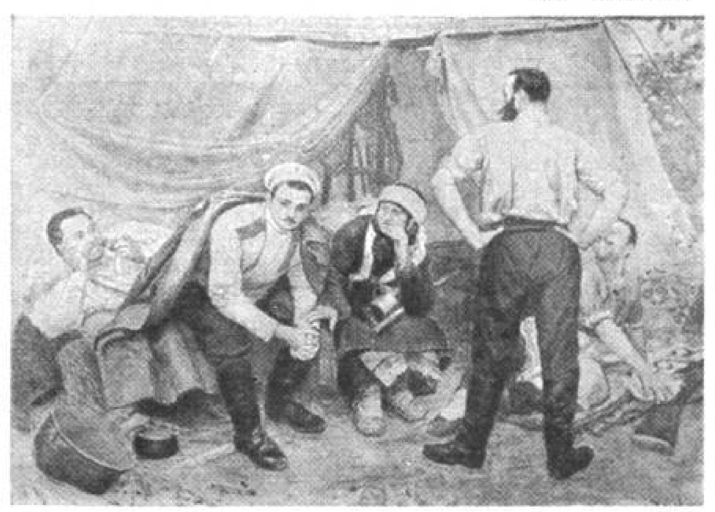
Активную поддержку присылкой картин и практическими советами по организации музея оказали такие крупные художники, как А. Васнецов, В. Поленов, В. Васнецов, К. Юон, С. Иванов и другие. Большую и постоянную помощь музею оказывали местные художники С. Слободынюк-Подолян, С. Пискарев, П. Акулов.

К концу 1913 года было собрано 120 произведений живописи и графики, и в январе 1914 года была открыта для обозрения первая экспозиция.

Для широкого ознакомления трудящихся города и области с произведениями русских классиков и советских художников музей ежегодно организует передвижные выставки на заводах, в колхозах, в кинотеатрах. В 1950 году с успехом прошла выставка в селе Петриковка, которое славится по всей Украине своими кружевницами и вышивальщицами. Выставку посетило свыше 7 тысяч колхозников. В селе читались лекции, проводились беседы по вопросам изобразительного искусства.

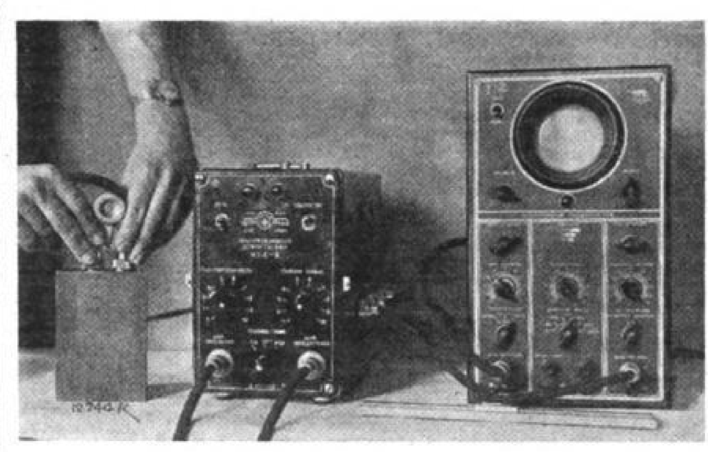
Ныне Днепропетровский государственный художественный музей насчитывает в своем фонде 1883 произведения живописи, скульптуры, графики, прикладного искусства. В музее открыты разделы западного и восточного зарубежного искусства.

Ал. АХМАТОВ

К. А. Савицкий «Вести из дома». Днепропетровский художественный музей.

Всевидящий звук

Летучая мышь, обладающая слабым зрением, быстро летит в темноте и никогда не натыкается на деревья, дома. Какой «компас» ведет ее?

Ультразвук! Крылатый зверек в полете кричит, и его звуки, ударяясь о встречные предметы, отражаются и улавливаются сверхчутким слухом мыши. Так звук заменяет глаза.

Мы не слышим ультразвуков, подобно тому как не видим излучаемых солнцем ультрафиолетовых лучей. И это очень хорошо! Если бы наш слух воспринимал все звуки, то наша жизнь стала бы сплошным адом.

Ультразвуки, как и обычные, мчатся в воздухе со скоростью 330 метров в секунду, а в стали проходят почти в 20 раз быстрее. Когда в толще металла имеются скрытые изъяны: трещины, раковины, кусочки шлака, — движение прерывается.

Ультразвуковой микроскоп лауреата Сталинской премии профессора С. Я. Соколова, основанный на этом принципе, позволяет заглянуть в «нутро» металла. Короткие импульсы обнаруживают любые дефекты и сообщают о них. Однако аппарат так сложен, что его не удавалось широко применять.

Инженер Центрального института технологии и машиностроения А. С. Матвеев приложил много сил, чтобы усовершенствовать микроскоп Соколова. Сконструированный инженером простой прибор, названный дефектоскопом, смонтирован в маленьком чемоданчике. От него отходят два гибких шланга. Это своеобразные «рот» и «ухо». Их ставят на металлическую деталь. «Рот» издает ультразвуки, которые, промчавшись по металлу, попадают в «ухо», где преображаются в электрический ток, и на экране появляются светящиеся зеленые линии. Ровная означает, что все в порядке, изъянов нет, а зигзаги указывают, где находится дефект.

На металлургических заводах, выпускающих качественную сталь, существует такой порядок. Из партии, предназначенной для изготовления ответственных изделий, выделяют заготовку и, разрезая ее на куски, проверяют, нет ли в ней трещин, раковин или других пороков. Если находят хотя бы одну маленькую трещину то вся партия идет в брак.

Сейчас на некоторых заводах уже начали применять ультразвуковые дефектоскопы, которые позволяют обойтись без «хирургического вмешательства». С его помощью проверяют каждую заготовку, и на машиностроительные заводы поступают только «здоровые».

Во внедрении нового эффективного и экономически выгодного способа участвовали инженеры Н. Н. Барышников и В. С. Култыгин.

Ультразвуковые приборы принесут огромную пользу машиностроительным заводам, выпускающим оборудование для великих новостроек. «Всевидящие звуки», как врачи, «осмотрят» турбины, генераторы, валы, механизмы.

Я. КОРШ

КОРОТКО

НА РОДИНЕ выдающегося украинского писателя Ивана Франко, в селе Нагуевичи (Дрогобычская область), решено построить колхозный агрогород. Генеральный план предусматривает сооружение клуба, домов агрокультуры, связи, туриста и отдыха, больницы, новых зданий сельсовета и музея И. Франко.

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ академия организуется в Эстонии. Она создается на базе ряда факультетов Тартуского университета. Учебные занятия начнутся в январе будущего года.

Copyrighted material

Студент Н. Н. Евдокимов (справа) защищает дипломный проект перед государственной экзаменационной комиссией.

Фото М. Баландина

ДИПЛОМ ИНЖЕНЕРА ВЫДАН НА СЕЛЕ

На крутом берегу реки Нерль раскинулось колхозное село Петрово-Городище, Гаврилово-Посадского района, Ивановской области, обычное советское село наших дней. Здесь есть электричество и радио, сложные машины и богатые общественные животноводческие фермы. Все дети учатся в школе, в домах колхозников много книг, ключом бьет радостная, зажиточная жизнь.

И вот недавно сюда прибыла из Москвы группа ученых. Их приезд, а также последовавшее за тем событие глубоко взволновали не только жителей Петрово-Городища, но и окрестных деревень. Вскоре в каждом доме стало известно, что гости из столицы приехали к Николаю Николаевичу Евдокимову.

Кто же такой Евдокимов?

Этот простой и скромный русский человек вырос в большой трудолюбивой семье. Отец его был кузнецом, мать долгие годы работала в цехах льняной фабрики тихого приволжского городка Юрьевца. Там он занимался в средней школе, оттуда же уехал учиться в техникум. Через несколько лет Николай вернулся в родной город на каникулы, уже будучи студентом Ивановского энергетического института имени В. И. Ленина.

Но Николаю Евдокимову не удалось окончить институт. Началась Отечественная война, и он вместе с друзьями ушел биться за родную советскую землю. В одном из жарких сражений с иноземными захватчиками отважный воин-офицер Евдокимов был тяжело ранен в голову и ноги. Четыре года он пролежал на госпитальной койке. Врачи много сделали, чтобы спасти его жизнь, и многого достигли, но не смогли добиться одного — вернуть раненому способность ходить. Ноги и, частично, правая рука остались парализованными.

Инвалидом возвратился Николай Николаевич к жене Елизавете Васильевне — колхозному агроному села Петрово-Городищи, к своим детям Коле и Люсе.

Часто думал Евдокимов над тем, как и где найти применение своим силам и знаниям, чтобы приносить пользу Родине. Кто-то из односельчан сказал ему:

— Зачем же вы, Николай Николаевич, заботитесь о работе? Ведь вам государство выплачивает солидную пенсию. Живите себе спокойно, без тревог.

— Не могу так, без дела сидеть...

Текли дни. Большой отрадой для Евдокимова было помогать сыну готовить уроки. И этим ограничивалось применение его знаний. Проверяя тетради Коли, беседуя с его школьными товарищами, Евдокимов как-то задумался: «Буду и я учиться!». О своем намерении он поведал жене, коммунистке, верному, чуткому другу.

— Как ты думаешь, Лиза?

Она поняла все, что сейчас на душе у мужа.

— Трудно будет, но почему ж не попробовать?..

Три года назад Евдокимов был зачислен студентом энергетического факультета Всесоюзного заочного политехнического института. И с тех пор началась для него как бы новая жизнь.

Институт прислал заочнику программу. Понадобились учебные пособия. Их у него не оказалось. Он обратился с письмом к директору Ивановской областной научной библиотеки. Вскоре оттуда пришел ответ: «Нужные книги будут вам высылаться почтовыми бандеролями за счет библиотеки». И вслед за этим он стал получать одну за другой посылки с учебниками, справочниками, техническими журналами.

Первая зачетная работа Евдокимова получила отличную оценку. Затем начали поступать все новые вести, свидетельствующие об успехах в учебе бывшего воина-гвардейца.

Незаметно пролетели годы, и наступило время подготовки дипломного проекта. Евдокимов выбрал актуальную тему: «Индивидуальный электропривод блуминга (прокатного стана)». Пришлось выполнять чертежи, делать сложные технические расчеты.

Рецензент, доцент Бычков, так оценил работу студента-заочника из Петрово-Городища: «Дипломант хорошо разобрался в сложных вопросах электропривода прокатного стана и имеет инженерный подход, правильную ориентировку при решении трудных задач расчета электроприводов. Оценивая выполнение дипломного проекта на «отлично», следует считать дипломанта Н. Н. Евдокимова достойным звания инженера-электрика».

И вот в село прибыли ученые, составляющие государственную экзаменационную комиссию. Защита дипломного проекта Н. Н. Евдокимова вылилась в праздник колхозников села и жителей ближнего поселка Петровский. Просторный зал клуба заполнили трактористы, полеводы, животноводы, сельская интеллигенция, рабочие, специалисты местного завода пищевой промышленности. Заседание комиссии открыл профессор Я. А. Герасимов. Взволнованный необычным событием, он сказал:

— Сегодня наш студент, участник Великой Отечественной войны, Николай Николаевич Евдокимов защищает свой дипломный проект.

Около часа дипломант говорил о своем проекте, подкрепленном чертежами, схемами, расчетами. Конкретно, четко и безошибочно он отвечал на все вопросы членов комиссии.

Государственная экзаменационная комиссия в составе профессора Я. А. Герасимова, доцентов кандидатов технических наук Г. П. Хализева, Б. И. Смирнова, П. С. Щереберкина и инженера Ю. А. Великанова признала, что студент Н. Н. Евдокимов выполнил и защитил дипломный проект с оценкой «отлично». Ему присвоена квалификация инженера-электрика и выдан диплом. Комиссия единогласно решила рекомендовать молодого инженера в заочную аспирантуру.

И все, кто был в эти торжественные минуты в клубе, бурно аплодировали. Каждому хотелось сказать теплое, дружеское слово земляку.

А. КОЗЛОВ, Д. БОЛЬШАКОВ

Новые школы советским детям

В отдаленных селениях Якутии, на Сахалине, в разоренных войной и ныне возрожденных Брянской, Курской, Воронежской областях выросли сотни новых, нарядных и уютных школ. За истекший год в одной лишь Российской Федерации израсходовано более пятисот миллионов рублей на школьное строительство.

Но новые здания школ, построенные по типовым проектам, во многом уже не соответствуют требованиям современной педагогики, возросшей заботе о физическом развитии ребенка. Не все школы имеют спортивные залы, биологические лаборатории, приусадебные участки.

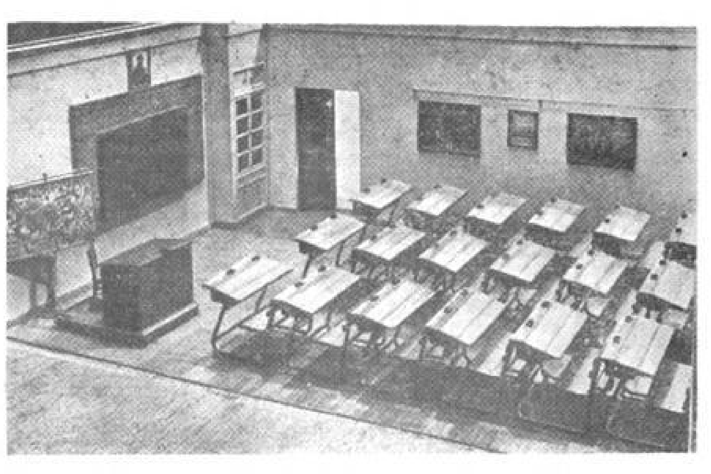
Институт общественных и промышленных сооружений Академии архитектуры СССР работает над созданием нового типа здания средней школы. Обследовав около двухсот пятидесяти школ, коллектив архитекторов под руководством А. Чалдымова разработал проект, отвечающий всем требованиям современности.

Пятиэтажное светлое здание с отличным вентиляционным устройством и новейшей системой отопления будет иметь просторные помещения для физкультурных занятий, лаборатории, уголки природы, актовый зал с эстрадой, специальные комнаты для хранения пособий. Большие, красиво окрашенные классы, стенные шкафы, парты с металлическими остовами — все должно радовать глаз ребенка, воспитывать его вкус, оберегать здоровье.

Современные методы скоростного строительства, совершенные конструкции, экономичная планировка удешевят стоимость здания почти на 25 процентов.

Проектирование школ нового типа будет закончено в 1951 году. Сейчас Академия архитектуры разрабатывает проекты укрупненных школ, где смогут одновременно учиться 1320 детей.

Ф. БОРИНА

Макет классной комнаты в новой школе.

Декада азербайджанской литературы

Десять лет тому назад в Москве проходила первая декада азербайджанской литературы и искусства. За эти десять лет произошло много событий в жизни всей нашей страны. И события эти не могли не отразиться на развитии азербайджанской литературы.

В дни нынешней декады азербайджанские писатели выступали перед многими аудиториями Москвы и повсеместно пользовались горячим вниманием. Гости привезли в Москву не один десяток книг, изданных в Баку специально к дням декады. Их стихи, проза, драматургия были предметом подробного обсуждения в Союзе советских писателей. Многие из этих произведений получили высокую оценку писательской общественности.

Естественно, что на вечерах «звучал» только один литературный жанр — поэзия: в исполнении авторов, их переводчиков и артистов. Между тем азербайджанские писатели приехали в Москву на этот раз также и с большими достижениями в области прозы. И это тем более знаменательно, что азербайджанская художественная проза не имеет таких глубоких и вековых традиций, как поэзия. Таким образом, каждое значительное прозаическое произведение является, по сути, новаторским, открывает новые перспективы в развитии советской литературы Азербайджана. Так надо оценить и большой роман Мирзы Ибрагимова «Наступит день» о революционной борьбе в Иране, роман с множеством реалистически выписанных фигур, с широким историческим фоном, документ, разоблачающий американо-английских поджигателей войны; и роман Мехти Гусейна «Апшерон», повествующий о героическом труде бакинских нефтяников; и повесть Сабита Рахмана «На рассвете», посвященную истории подпольной типографии, созданной в Баку товарищем Сталиным. Все эти произведения с полным правом входят в основной фонд нашей многонациональной литературы.

А поэзия азербайджанцев — это их давнее боевое оружие, которым они всегда могли гордиться. Итоги декады свидетельствуют о новом расцвете азербайджанской поэзии.

Самеда Вургуна давно уже знают и любят широкие круги советских читателей и театральных зрителей. К декаде Самед Вургун явился с новыми поэмами и циклами политической лирики, среди них «Негр говорит», «Читая Ленина», «Мугань». Эти произведения принадлежат к самым значительным явлениям советской поэзии последних лет.

Центральное место в новой книге Сулеймана Рустама занимает поэма «Сердце Гафура», посвященная герою Отечественной войны бакинскому моряку Гафуру Мамедову, ценою своей жизни спасшему под Севастополем своего командира и друга русского юношу Синицкого. Это своеобразный гимн братской дружбе наших народов, ее мощному проявлению в суровые военные годы.

Книга Мамеда Рагима, вышедшая к декаде в Москве, объединяет лучшее из написанного поэтом за годы его работы. Наиболее значительное из этого сборника — поэма «Над Ленинградом», тоже посвященная памяти героя Отечественной войны, летчика-азербайджанца Гусейна Бали Алиева.

Большой интерес возбудила поэма Расула Рза о Владимире Ильиче Ленине. Поэт выступает в ней одаренным и оригинальным продолжателем Маяковского. Поэма — произведение значительное и по своей грандиозной теме и по многим своеобразным чертам. Красной нитью в этом повествовании проходит рассказ о дружбе между двумя величайшими людьми нашего века — Лениным и Сталиным. В поэме дан широкий исторический фон, хорошо показана солдатская масса в предоктябрьские дни. Отдельные главы написаны с большой выразительностью и блеском. Поэма не свободна от частных недостатков, автору не удалось охватить всю жизнь великого вождя трудящихся. Но ведь это труднейшая задача литературы! Перевод, сделанный Арсением Тарковским, превосходен.

Так обстоит дело с корифеями азербайджанской поэзии, с наиболее значительными старшими ее представителями. В отдельном сборнике «Песни труда и мира» собраны произведения Ахмеда Джамиля, Нигяр Рафибейли, Мирзарид Дильбази, Османа Саривелли, Талета Эюбова, Зейнала Халила и других. Эти стихи являются свидетельством связи авторов с родной страной. Отдельный сборник посвящен творчеству поэтов Южного Азербайджана. Их произведения повествуют о подпольной борьбе, о страданиях тружеников Южного Азербайджана, о героической гибели его вождей.

Наконец, еще один сборник, изданный к декаде, говорит о молодом поколении поэтов, вошедшем в азербайджанскую литературу в послевоенные годы. Показ этих поэтов в дни декады представляется большим достижением.

Декада еще раз демонстрировала могучие результаты сталинской политики в области национальной культуры. Требовательные аудитории Москвы принимали азербайджанских литераторов, как друзей, взволнованно откликались на каждое живое, искреннее слово. Можно не сомневаться в том, что азербайджанские писатели вернутся к себе домой с хорошим стимулом для дальнейшей работы, для новых достижений. Мы горячо желаем им этого!

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

Выступление артистов Азербайджанского государственного ансамбля песни и пляски в Колонном зале Дома союзов.
Фото В. Савостьянова (ТАСС)

Цветы одного сада

Такое название носит программа Азербайджанского государственного ансамбля песни и пляски, которую недавно мы смотрели в концертных залах Москвы. Это название очень выразительно — песни и пляски ансамбля образуют роскошный цветник, выращенный в гигантском саду искусств, раскинувшемся по всей Советской стране...

У нас стало традиционным, что национальные ансамбли включают в сферу своих художественных интересов не только искусство своего народа, но и творчество братских народов. Нас поэтому нисколько не удивляет, что азербайджанский ансамбль исполняет и песни Армении, Грузии, Узбекистана, что черноглазые азербайджанские юноши и девушки ловко пляшут русские пляски, что лихая «русская» вихрем несется под аккомпанемент оркестра, составленного из классических инструментов азербайджанской народной музыки — таров, с их мужественным и сильным звуком, нежных вертикальных скрипок — кеманчей, звонких бубнов — даф.

На поверхностный взгляд может показаться странным, что русская плясовая или украинская песня очень хорошо звучат в таком необычном инструментальном ансамбле, но это только на поверхностный взгляд. Разве тар не ближайшая родня русской домре и разве сладкоголосый саз — большая лютня ашугов — не родной брат украинской бандуре!

Азербайджанский ансамбль отличнейшим образом исполнял и свои родные азербайджанские песни и пляски, но мы с наслаждением слушали, как звучит в ансамбле протяжная, удивительной красоты армянская песня, мы с искренним увлечением смотрели, как плывут в грузинском танце стройные девушки с темновишневыми бархатными наколками на головах, с белыми кисейными покрывалами, как летят в бешеном плясе джигиты...

Прихотливые ритмы выстукивает на бубне высокий юноша в парчевом узбекском халате; изгибает тонкий стан в пластическом движении, быстро перебирает пальцами, срывая невидимые коробочки хлопка, азербайджанская девушка в узбекском национальном танце... И снова звенит веселая азербайджанская песня, пляшут крепкие, ладные черноусые молодцы, гремит слава советскому народу, слава великому Сталину.

Как в звучащем калейдоскопе, сменяют одна другую картины национального искусства, но все это цветы одного сада — с полным основанием композиторы Салахов, Ниязи и Бабаев дали это поэтическое имя программе ансамбля.

Программа «Цветы одного сада» несвободна от некоторых недостатков. Вовсе не нужна бесконечно повторяющаяся пантомима с букетиками цветов, которые выглядят весьма наивно в руках дюжих мужчин, участников коллектива. Излишне тяжеловесны отдельные сцены, как, например, азербайджанский танец в начале программы или слишком грузное голосоведение в украинской песне. Оно красиво, но слишком уж оперно и потому как-то не на месте здесь, где требуется более прозрачная гармоническая обработка. Зато русская песня «Ой да ты, долина», армянская песня о невесте сделаны отлично и звучат безукоризненно.

Нужно отдать должное художественному руководству ансамбля (Г. Салахов): в интонационном отношении ансамбль положительно безупречен. А это очень и очень нелегко, если принять в расчет мгновенные переходы от национально-азербайджанских к национально-русским, армянским, грузинским, украинским, узбекским песенным приемам и формам. Ансамбль справляется со всем этим прекрасно — свидетельство отличного воспитания коллектива. Мы имеем в виду не только собственно музыкальное воспитание. Речь идет об идейно-эстетическом воспитании, результатом которого явилось глубокое понимание национальных песен и танцев, уменье проникаться духом народной песни других народов, любить эту песню, иначе говоря, речь идет о воспитании советского артиста в духе большевистского интернационализма.

Нужно ли говорить, как важно это дело для укрепления и развития родного национального искусства.

М. МАЛЕЕВ

Дневник ОГОНЬКА

Студенческий Дворец физкультуры

Новое здание выросло на территории Московского энергетического института имени Молотова. Дворцом физкультуры назвали студенты двухэтажный дом, состоящий из шести спортивных залов и множества вспомогательных помещений.

Во дворце уже проводятся занятия. Особенно людно в гимнастическом зале, где собралось свыше ста студентов и студенток второго курса. Высота зала — около 7 метров. Площадь его — 25 на 13 метров. Тут имеется специальный балкон для зрителей. Огромные окна закрыты сетками.

Студенты работают на кольцах, брусьях, прыгают через гимнастического «коня», «козла», поднимаются на свисающих с потолка канатах.

Занятия проводят выпускники Института физкультуры. Это их учебная практика.

Другое большое и просторное помещение предназначено для легкоатлетов. Ими руководит мастер спорта, кандидат педагогических наук В. А. Киселев.

Большим успехом пользуется зал для спортивных игр. Здесь уже проведены соревнования между студенческими командами по баскетболу и волейболу.

Во дворце имеются залы почти для всех видов спорта.

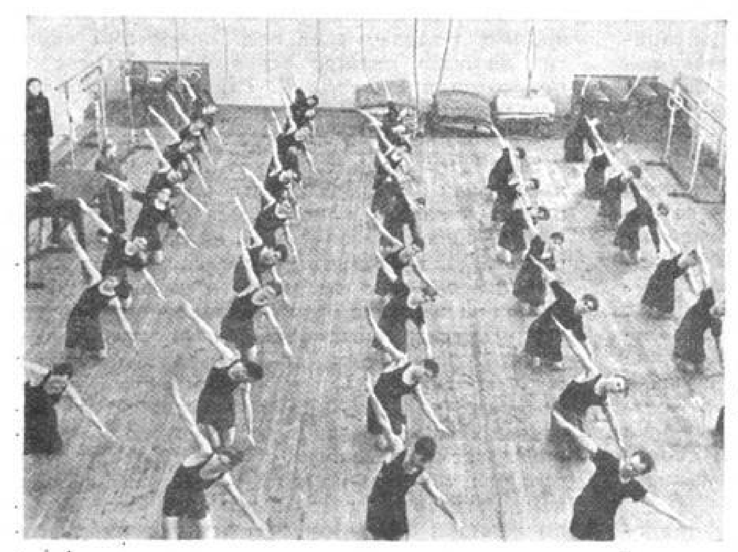
К услугам спортсменов штанги для тяжелоатлетов. Этот вид спорта получил широкое распространение среди студентов института. Тяжелоатлетами руководит заслуженный мастер спорта Н. И. Шатов. В зале бокса устроен ринг. Уже проведено первенство института по этому виду спорта.

Для физкультурников оборудованы удобные раздевалки с душевыми комнатами. Специальные помещения отведены для медицинского осмотра спортсменов и под кабинет физиотерапии.

Весной рядом с Дворцом физкультуры будут разбиты спортивные площадки для волейболистов и баскетболистов, предполагается соорудить небольшой стадион с беговой дорожкой. Строится стрелковый тир длиной в 100 метров и внутри его — стометровая гаревая дорожка.

Студенты Энергетического института, спортсмены, получили прекрасный подарок.

Я. АРКАДЬЕВ

Группа студентов исполняет вольные движения

Фото А. Гостева

Copyrighted material

Рисунок Ю. Ганфа.

Аверелл Гарриман— поджигатель войны

М. ВИСТИНЕЦКИЙ

«...Еще не высохли слезы вдов, еще сжимаются от боли безвозвратных утрат сердца сирот, а разные черчилли и ачесоны, гарриманы и остины разжигают пожар новой войны.

Не выйдет, господа людоеды!»

Колхозница Ульяна Баштык

(Из речи на Второй Всесоюзной конференции сторонников мира).

Когда этот щеголеватый не по возрасту человек, с высокомерным и желчным лицом появляется в Белом доме, президентская челядь торопливо распахивает перед ним все двери, а встречные чиновники поспешно уступают путь, источая сладчайшие улыбки.

Но он как бы не замечает их. Он равнодушно проходит мимо, даже не шелохнув полуопущенными по обыкновению веками.

Нельзя сказать, что он презирает людей — это не то слово. Люди для него просто не существуют. Весь мир служит в его глазах лишь богоданным фоном для него самого, Уильяма Аверелла Гарримана, да узкого круга его партнеров по большому бизнесу, магнатов Уолл-стрита.

Все в нем: каждый его жест, то, как он говорит, и, еще больше, о чем говорит и что делает,— выдает непоколебимую веру в свое абсолютное превосходство над окружающими, в свое призвание властвовать, вершить судьбы мира так, как угодно и выгодно ему, Гарриману, и его присным, американским плутократам.

Эту веру он получил в наследство от своего отца, родоначальника одной из тех немногочисленных долларовых династий, которые, по выражению реакционного американского публициста Ф. Ландберга, «владеют и правят Соединенными Штатами».

* * *

Покидая сей бренный мир, банкир и промышленник Эдуард X. Гарриман оставил своему возлюбленному чаду Авереллу два капитала: вещественный, в виде запаса долларов, измеряемого восьмизначной цифрой, и «духовный», в виде полувекового опыта выколачивания этих долларов.

Никто не мог отказать Гарриману-отцу в незаурядной предприимчивости. Имя его, по свидетельству летописцев Уолл-стрита, украшает галерею мошенников финансового мира Америки почти в такой же мере, как имя Джона Пирпонта Моргана-старшего!

Человек неутолимой корысти и бешеного нрава, с лицом, похожим на неотесанную каменную глыбу, он не останавливался ни перед чем, чтобы все шире раздвигать границы своего долларового царства, превращать свои миллионы в миллиарды. «Старый пират не боялся ни бога, ни самого Моргана»,— подобострастно писали его биографы.

Не проходило года, чтобы Эдуард Гарриман тем или иным путем не урезал заработную плату рабочим своих двадцати семи железнодорожных линий, обрекая тысячи семей на голод и нищету. То и дело у массивных дверей акционерных обществ, банков и страховых компаний, в изобилии плодившихся Гарриманом с легкостью мыльных пузырей и представлявших собой не что иное, как пустопорожние мыльные пузыри, бились в истерике, стыли в отчаянии сотни доверчивых обывателей. Польстившись на обещанные дивиденды, они теряли при очередном банкротстве все свои сбережения, неумолимо оседавшие в гарримановских сейфах.

В 1904 году Гарриману повезло. Он предоставил Теодору Рузвельту, кандидату в президенты от тогдашних реакционных клик, двести шестьдесят тысяч долларов на подкуп пятидесяти тысяч колеблющихся избирателей. Их голоса решили исход президентских выборов и Гарриман обрел своего человека в Белом доме. «Господин Гарриман и остальные подкупили его и заплатили за него»,— так писал о Теодоре Рузвельте Марк Твен.

Заполучив собственного президента, Гарриман занялся еще более крупными финансовыми мошенничествами. Они завершились грандиозным скандалом, который, по точному определению американских историков, «распространил зловоние на всю страну».

Теодору Рузвельту пришлось поспешно отмежевываться от своего покровителя. В порыве несколько запоздалого негодования он обозвал Гарримана и «нежелательным гражданином», и «человеком, развращенным до мозга костей», и даже «врагом республики».

Но это, разумеется, ни в коей мере не отразилось на благополучии Гарримана-старшего, лишь укрепив его уверенность в том, что людям гарримановской породы все дозволено, все сходит с рук...

Сын его, Аверелл, взяв бразды правления, с еще большим азартом, в еще больших масштабах продолжал «дела» своего малопочтенного родителя.

* * *

Аверелл Гарриман — один из крупнейших американских банкиров и промышленников. Возглавляемая им банковская фирма «Браун бразерс, Гарриман энд компани» числится третьей по значению среди американских банков. Он владеет многочисленными железными дорогами, объединенными компанией «Юнион пасифик рейлред», и имеет пай в пяти других железнодорожных компаниях. Как один из директоров фирмы «Вестерн юнион телеграф компани», совладелец треста «Гаранти траст» и множества других акционерных обществ, включая авиационные, судостроительные, пароходные, по добыче меди, Гарриман пожинает плоды подневольного, рабского труда сотен тысяч рабочих. В его сейфы стекается значительная часть доходов от журналов «Лайф», «Тайм», «Ньюс уик» и других изданий, торгующих идеологическим дурманом.

Но Гарриман почти никогда не появляется в стенах подвластных ему фирм и предприятий. И если какой-нибудь неискушенный клерк спросит о нем у старшего товарища: «Послушай, а где же наш босс? Существует он, наконец, или не существует?» — то старший многозначительно ответит, подняв вверх палец:

— О, наш босс по горло занят: он делает большой бизнес!

Этот бизнес — война.

Гримировщики из американской желтой печати изображают Гарримана этакой утонченной натурой, любителем живописи и музыки. Но нет для него слаще музыки, чем рев орудий и предсмертные стоны на полях сражений. И нет для него привлекательней живописи, чем та, которую огнем и мечом рисует война на живом теле народов.

Еще Гарриман-отец уразумел неоценимые выгоды военного бизнеса, субсидируя японских империалистов во время русско-японской войны. Когда в 1905 году Теодор Рузвельт говорил «о полезном для интересов других держав взаимном истреблении двух наций», он, видимо, подразумевал под интересами «других держав» прежде всего интересы своего покровителя Эдуарда X. Гарримана, изрядно нагревшего руки на военном пожарище.

Сын старательно следовал по стопам отца. Едва отгремели сражения первой мировой войны, как Гарриман вместе со своим давним приспешником Джоном Фостером Даллесом уже рыскал по разоренной, кровоточащей Европе. Вкупе с другими американскими торговцами смертью он разрабатывал и осуществлял на практике план Дауэса; это дало Уолл-стриту неслыханные прибыли, а германскому империализму помогло возродить военную промышленность. Попутно Гарриман скупил за бесценок ряд заводов германской электропромышленности, акции австрийского «Скоптобанк», тесно связанного с тяжелой индустрией, прибрал к рукам немецкие концерны «Дейче континентале газ гезельшафт» и «Гише». В дополнение к этому он совместно с американской фирмой «Анаконда копер компани» получил контроль над железорудными шахтами, химическими заводами и угольными копями Силезии.

Copyrighted material

И все это без особых хлопот, за грошовую цену. И все это благодаря войне. Как же было не возлюбить Гарриману войну всеми фибрами своей черной души!

Придя к выводу, что из всех источников прибылей, какие только знает мир, самым обильным является война, Гарриман давно уже делает все возможное, чтобы этот источник бил, не затихая. Он не пренебрегает, конечно, традиционным для гарриманов грабежом внутри страны, за счет американского народа. Но главные его усилия сосредоточены на международном разбое.

В потоке американских кредитов, вскормивших гитлеризм, была и немалая толика гарримановских долларов. Когда Даллес появился в Германии незадолго до поджога рейхстага, до захвата власти фашистами, он представлял и банк «Браун бразерс, Гарриман энд компани», об этом сообщалось официально.

Во время второй мировой войны Гарриман пожинал военные сверхприбыли по обе стороны фронта — и в США и в Германии. Но в самом главном для него он, увы, жестоко просчитался.

Аверелл Гарриман, подобно всем долларовым королям, мечтал об истощении Советского Союза в войне. Он спал и видел, как тяжелое бремя войны надломит страну социализма и она будет вынуждена пойти на поклон к доллару.

Но дело, как известно, обернулось совершенно иначе. Советский Союз вышел из пламени войны еще более могучим, отнюдь не нуждаясь в «щедротах» заокеанских шейлоков.

И Гарриман не может примириться с этим, не может расстаться со своими обманутыми надеждами. То, что гарримановские доходные предприятия в Восточной Германии и Польше перешли после войны в руки народа, еще больше распаляет его злобу. Гарримана душит бешеная ярость — ярость хищника, из лап которого ускользнула желанная добыча.

* * *

Летом 1946 года в одном из американских военных колледжей перед целым сонмом генералов и адмиралов выступал лощеный джентльмен явно штатского облика. Но в голосе его звучали раскаты сражений. Он говорил о войне против Советского Союза, о том, что эта война неизбежна, что она желательна, более того, необходима!

Этот джентльмен был Аверелл Гарриман.

За послевоенное время он во многом преуспел. Маршаллизация Западной Европы и гонка вооружений умножили и продолжают умножать его капиталы. Он стал звездой первой величины и на американском политическом горизонте.

Гарриман-отец действовал в ту эпоху, когда капитализм еще стыдливо рядился в потрепанный плащ «демократии», всячески маскируя движущие пружины американской государственной машины. Из переписки Эдуарда Х. Гарримана с Теодором Рузвельтом известно, что он избегал даже публично встречаться с президентом. Гарриман-сын в соответствии с духом современного Уолл-стрита открыто провозгласил: «Бизнесмены должны делиться с правительством своим уменьем управлять и своей изобретательностью». А председатель Национальной ассоциации промышленников, этого генерального штаба американских монополий, вторя Гарриману, заявлял, что участие Гарримана в правительстве обеспечивает такое управление, «которое соответствует интересам делового мира», то есть интересам монополий.

И Гарриман быстро продвигается вперед по ступеням правительственной иерархии: сейчас он специальный помощник президента Трумэна. В Соединенных Штатах почтительно называют его подлинной «властью в тени президентского трона». Корреспонденты подсчитали, что Ачесон, государственный секретарь Соединенных Штатов, бывает в Белом доме два раза в неделю, Бредли, руководитель объединенной группы начальников штабов США,— каждое утро, а Гарриман — по нескольку раз в день, когда ему вздумается.

И все свое политическое влияние, влияние представителя большого бизнеса, Гарриман использует для того, чтобы подготавливать новую войну, разжигать новое кровавое пожарище.

БЫТ И НРАВЫ ЗА РУБЕЖОМ

СУДЬБА НЕГРОВ-СПОРТСМЕНОВ

У входа в один нью-йоркский ресторан можно увидеть с восьми часов вечера негра, одетого в пестрое одеяние швейцара. Негр открывает двери перед подвыпившими гуляками. Это Джесси Оуэнс, известный в свое время спортсмен, победитель на международных олимпийских играх.

Оуэнс завоевал Соединенным Штатам четыре золотые медали. И страна бизнесменов отблагодарила его. Уже вскоре после своих побед Оуэнс, чтобы добыть себе средства к жизни, вынужден был соревноваться в беге... с борзыми собаками, скаковыми лошадьми и даже австралийским кенгуру. Последним этапом его жизни стала служба швейцаром в кабаке.

На одном нью-йоркском вокзале над креслом чистильщика обуви висит плакат: «Здесь чистит обувь Харрисон Диллард, победитель на лондонской олимпиаде». Он тоже негр.

Уже тогда, когда Диллард после победы в стометровом беге стоял на лондонском стадионе, восторженно приветствуемый зрителями, он с горечью сказал английскому журналисту: «Здесь, в Лондоне, во время олимпиады изображается показное равноправие белых и черных спортсменов нашей страны. Об этом равноправии сразу забудут, как только с помощью негра будет завоеван успех».

ВПОЛНЕ «НА УРОВНЕ...»

В Западном Берлине весьма часты случаи, когда американские и английские военнослужащие отказываются платить в ресторанах по счету. Особенно большие убытки приносят владельцам ресторанов ночные кутежи «доблестного» англо-американского воинства.

«Техника» этого дела очень проста: когда бывает много выпито и съедено, в ресторан вторгается английский или американский патруль и уводит с собой гуляк, «забывающих» при этом уплатить по счету.

Один западноберлинский ресторатор сообщил о другом «приеме». Хорошо поужинавший солдат оставил ему вместо денег «в залог»... пачку с 50 сигаретами. Но явившийся на утро английский военный патруль вытребовал сигареты обратно на том «основании», что они являются британской собственностью и посему отчуждению не подлежат.

Этот же «прием» повторил в том же ресторане майор английской авиации.

Если добавить к этому пестрящие в газетах Берлина сообщения о хулиганских выходках американо-английской военщины — дебошах, избиениях прохожих, приставаниях к женщинам,— то можно заключить, что моральное состояние западнооккупационных войск находится вполне «на уровне» поставленных перед ними целей.

Это Гарриман в огромной мере несет ответственность за послевоенную агрессивную политику американского империализма; «министром холодной войны» называют его в журналистских кругах Вашингтона, «проконсулом американской империи» окрестил его недавно член британского парламента, консерватор Деви Экклз, присвоивший одновременно тот же титул Макартуру.

Это Гарримана наряду с его немногочисленными сообщниками по международному разбою проклинают народные массы маршаллизованных стран за катастрофическое падение своего жизненного уровня, за оголтелую милитаризацию, за разгул реакции. Программа послевоенного закабаления Западной Европы американским империализмом была разработана монополиями в значительной мере руками Гарримана и до недавнего времени осуществлялась под его непосредственным командованием.

Это Гарриману во многом обязаны своим спасением от заслуженной кары и нынешним преуспеванием нацистские военные преступники: возрождение германского милитаризма происходит, как известно, под попечением фирм «Дж. П. Морган энд компани», «Диллон, Рид» и «Браун бразерс, Гарриман энд компани».

И это по его холеным рукам незримо струится кровь мирных людей, варварски истребляемых американскими захватчиками в Корее: общеизвестно, что в хоре поджигателей войны, спровоцировавших нападение американского империализма на Корею, особенно отчетливо звучал голос Гарримана, выступавшего вкупе с Даллесом и Макартуром.

Но Гарриман хочет идти дальше. Выступая недавно на сборище профсоюзных бюрократов, заклятых врагов рабочего класса, он с предельным цинизмом говорил о том, что «нам нужна настоящая война, что для выполнения стоящей перед нами задачи состояние войны является более желательным, чем состояние мира».

* * *

Начиная свою карьеру, Аверелл Гарриман обладал состоянием в 70 миллионов долларов. Для того чтобы заработать такие деньги, средней американской семье надо по меньшей мере 27 тысяч лет тяжелого, изнурительного труда. Только проценты, самые скромные банковские проценты от наследственного капитала Гарримана, составляют такую сумму, которую физически невозможно истратить за год и при неслыханной роскоши, безудержном разгуле.

Но Гарриману этого было недостаточно.

Отхватив жирные куски от пирога военного бизнеса в годы первой и второй мировых войн, он дополнил свои капиталы многими десятками миллионов долларов, вываленных в крови и грязи.

Но его и это не устроило.

Агрессивная политика американского империализма в нынешний послевоенный период уже принесла Гарриману баснословные сверхприбыли. Внушительная часть тех десятков миллиардов долларов, которые израсходованы Соединенными Штатами на экспансию и подготовку новой войны, попала в его бездонные карманы.

Но ему и этого не хватает...

Гарриманы пытаются ввергнуть весь мир в пучину новой бойни. В чудовищной реторте атомной войны они хотят снова перегонять в золото жизнь миллионов и десятков миллионов людей. Они рвутся к безраздельному господству над миром, стремясь диктовать законы не только Соединенным Штатам, их колониям и маршаллизованным полуколониям, а целым континентам, государствам всего земного шара.

Но простая советская женщина Ульяна Баштых из колхоза имени Сталина, Львовской области, уверенно и твердо говорит гарриманам всех мастей и разновидностей:

— Не выйдет, господа людоеды!

И это говорит весь советский народ. Это говорят все честные люди во всех странах.

Гарриманы строят свои черные планы на песке. Народы против них. Могучий и неодолимый фронт мира, объединяющий подавляющее большинство человечества, преграждает и преградит гарриманам путь к войне.

Copyrighted material

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ ДЕКАБРИСТОВ

И. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН

Девяносто с лишним лет назад, в 1858 году, в Москву из Сибири приехала Елена Александровна Бестужева, сестра декабристов Бестужевых, добровольно пробывшая вместе с ними в ссылке 12 лет. Множество редких реликвий и рукописей везла она в Москву из далекого Селенгинска, но с особой бережностью весь долгий путь — шесть тысяч верст на лошадях — везла она то, что считала наиболее драгоценным, — коллекцию акварельных портретов декабристов, исполненную Н. А. Бестужевым с натуры в Читинском остроге и на Петровском заводе.

Елене Александровне было хорошо известно, какое значение придавал этим портретам ее покойный брат. Он поставил своей целью сохранить для потомства черты участников декабрьского восстания. Создавал он эту портретную серию «для истории», твердо веря в светлое будущее, когда люди станут вспоминать имена героев 14 декабря с восхищением и благодарностью. «У нас с ним было намерение составить по возможности полные биографии всех наших товарищей, и брат имел намерение приложить их к коллекции портретов, нарисованной им акварелью с изумительным сходством, — пишет в своих воспоминаниях М. А. Бестужев. — Эта коллекция увезена сестрой Еленой Александровной, а предполагаемые биографии унесены братом в гроб».

Вскоре по приезде в Москву Елена Александровна продала портреты известному издателю К. Т. Солдатенкову. На этом кончались все имевшиеся до сих пор в литературе сведения о судьбе драгоценной коллекции. В 1901 году К. Т. Солдатенков умер. Свое собрание картин он завещал городу Москве, и оно поступило в Румянцевский музей. Но бестужевской коллекции в солдатенковском собрании к тому времени уже не было.

Судьба коллекции оставалась неизвестной и в 1905 году, когда было предпринято большое издание портретов декабристов, и в 1925-м, когда исполнилось столетие со дня восстания. И доселе литературе она оставалась неведомой, описание ее никогда не публиковалось.

Недавно коллекцию эту, долгие десятилетия пребывавшую под спудом, нам удалось обнаружить. И лишь теперь, спустя 120 лет после того, как Н. А. Бестужев приступил к созданию портретной галереи своих товарищей, коллекция эта впервые становится объектом изучения.

* * *

Работа Н. А. Бестужева была сопряжена с большими трудностями: Николай I «строжайше» воспретил писать портреты декабристов. Бестужев совершил поистине героический подвиг, запечатлев облик своих «соузников», невзирая ни на какие преграды.

Изображение участников восстания вызывало в Николае I лютую злобу. В 1839 году издатель Смирдин сделал попытку включить в книгу «Сто русских литераторов» портрет известного писателя А. А. Бестужева-Марлинского, декабриста, сосланного сначала в Сибирь, а затем на Кавказ солдатом и убитого там в 1837 году. «Его развесили везде, а он хотел нас перевешать», — гневно произнес Николай, узнав о появлении портрета. Он приказал уничтожить весь тираж репродукции и уволить управляющего III Отделением Мордвинова. Вскоре последовал приказ, запрещавший «на будущее время государственным и политическим преступникам снимать с себя портреты».

И даже спустя 25 лет после восстания местные власти в Сибири еще строго следили за тем, чтобы никто не делал портретов ни самих декабристов, ни их жен.

Легко представить себе, какой суровой каре мог подвергнуться Бестужев, который начал писать портреты своих товарищей не через 25 лет, а через 2 года после восстания.

* * *

Николай Бестужев был одним из наиболее одаренных людей среди декабристов. Товарищи по каторге считали Николая Александровича человеком «гениальных способностей». Называя его «весьма замечательною личностью», декабрист Н. В. Басаргин пишет: «Чем ни занимался он! И литературой, и живописью, и механикой. У него были золотые руки. Все, что он делал, исполнялось с большою отчетливостью и знанием дела».

Детство Н. А. Бестужева, родившегося в 1791 году, прошло в высококультурной среде. «Все лучшие художники и сочинители тогдашнего времени были его приятелями», — писал о своем отце один из пяти братьев Бестужевых. В этой обстановке Николай, самый старший, с ранних лет проникся любовью к живописи, литературе и науке.

Смолоду он поражал окружающих своей многосторонней одаренностью. Его первые повести и рассказы печатались в лучших журналах и имели успех у читателей, статьи по экономическим вопросам давали основание говорить о нем как о специалисте в этих проблемах, немало потрудился он и в качестве историографа русского флота. Получив, по свидетельству близких, «очень хорошие основные начала рисования» у профессора живописи Финеева и у знаменитого архитектора Воронихина, Бестужев и здесь проявил незаурядные способности.

«Мы — народ мастеровой», — говорил он о себе, и эти слова в полной мере оправдались в тяжелые годы заточения в Сибири, когда Николай Александрович был «осужден к лишению чинов и дворянства и к ссылке в каторжную работу вечно». В казематах он сделался столяром, сапожником, токарем, каретником, часовщиком, слесарем. В то же время Бестужев — первый историк декабристского движения и первый портретист героев восстания.

К работе над портретами своих товарищей Н. А. Бестужев приступил в первые месяцы 1828 года в Читинском остроге. Доставленный в Читу в декабре предыдущего года, Николай Александрович застал здесь уже многих декабристов, а также и жен их. М. Н. Волконская и А. Г. Муравьева привезли с собой в Сибирь два портрета, исполненные знаменитым акварелистом П. Ф. Соколовым: Волконская — портрет отца, героя войны 1812 года, генерала Раевского, Муравьева — свой собственный портрет. «Брат был поражен его смелостью и бойкостью его кисти», — пишет Михаил Бестужев об этих акварельных портретах работы Соколова, свидетельствуя, что Николай Александрович принял их «за образец... и уже рисовал этою методою». Почему он решил изучить на каторге технику акварельной живописи, которой раньше не владел, вполне понятно: в Чите оказался набор акварельных красок, да и для работы акварелью пригодны бумага или картон.

В апреле 1828 года истекал срок пребывания в Читинском остроге десяти декабристов. Они уходили на поселение в самые глухие углы Сибири. Бестужев решил запечатлеть облик тех, кто покидал Читу. То были Иван Аврамов, А. Ф. Бригген, П. Ф. Выгодовский, А. В. Ентальцев, Н. А. Загорецкий, С. И. Кривцов, Н. Ф. Лисовский, В. Н. Лихарев, В. К. Тизенгаузен и А. И. Черкасов. В своих воспоминаниях Михаил Бестужев описал условия, в которых брату его пришлось создавать свои первые работы: «Из всей коллекции акварельных портретов соузников в Чите было нарисовано не много, и те не могли быть первыми в художественном отношении, много было к тому причин. Во-первых, недостаток помещения и освещения, во-вторых, недостаток материалов и, в-третьих, недостаток в опытности акварельной живописи». В портрете Выгодовского, исполненном в апреле 1828 года и воспроизводимом здесь, этот «недостаток в опытности» ощущается и в условности цвета, и в нечеткости рисунка, и в безжизненности изображения. Теми же недостатками в большей или меньшей степени страдают и остальные портреты этой группы.

Так начала складываться коллекция портретов основных участников восстания, тех, кто после казни пяти руководителей был отнесен к первым семи разрядам наказания и сослан на каторгу в Сибирь. Всего в коллекции 68 портретов декабристов, а работа Бестужева над ними длилась — с перерывами — 12 лет. Кроме 10 названных выше портретов в Чите был написан и портрет Юлиана Люблинского, одного из основателей Общества Соединенных Славян, отправленного летом 1829 года на поселение в Иркутскую губернию (даем воспроизведение этого портрета). Остальные портреты были исполнены уже на Петровском заводе (декабристы были переведены туда в августе 1830 года).

В журнальной статье не представляется возможным дать всю коллекцию и подробно описать ее. Поэтому из числа исполненных в Петровске мы воспроизводим 10 портретов, наиболее интересных по той роли, которую играли в тайном обществе изображенные на них декабристы, и по тому мастерству, с каким портреты исполнены. Таковы прежде всего автопортрет Н. А. Бестужева (художник изобразил себя за работой над портретом брата Михаила) и портреты П. И. Борисова, С. Г. Волконского, М. С. Лунина, Никиты Муравьева, А. И. Одоевского, И. И. Пущина, М. А. Фонвизина, А. П. Юшневского и А. И. Якубовича.

На каждом портрете имеется подлинный автограф того, кого изобразил художник. Бестужев сохранил для потомства не только облик каждого товарища, но и собственноручную подпись его. Некоторые автографы не ограничиваются подписью. Так, на каждом из портретов А. П. и П. П. Беляевых, отправленных из Петровского завода в 1832 году на поселение, кроме подписей «Александр Беляев» и «Петр Беляев» имеются надписи: «На память Николаю Александровичу Бестужеву». Надписи эти — подтверждение того, что данная коллекция принадлежала самому Бестужеву. Надпись, стоящая на портрете А. Е. Розена, отправленного на поселение в том же году, гласит: «Воспоминание есть единственный рай, из которого ни в каком случае нет изгнания».

На некоторых портретах даты, проставленные рукою декабристов рядом с подписями.

Немногие портреты снабжены монограммой художника: русскою НБ, или французскою — NB; и лишь на двух его рукою проставлены даты: на портрете Ивашева — «1834, 15 Juin» и Волконского — «1837».

Кроме портретов, уже упомянутых нами, Бестужевым изображены декабристы: Павел Аврамов (дата «ген. 1833 г.»), И. А. Анненков, А. И. Барятинский, Н. В. Басаргин, Александр Бестужев, Михаил Бестужев, В. А. Бечаснов (дата «Генваря 9 1833 года»), А. А. Быстрицкий (дата «1837»), Ф. Ф. Вадковский, А. И. Вегелин, М. Н. Глебов, И. И. Горбачевский (дата «1837»), П. Ф. Громницкий, В. Л. Давыдов, Д. И. Завалишин, И. И. Иванов (дата «1833 года»), К. Г. Игельстром, И. В. Ки-

Copyrighted material

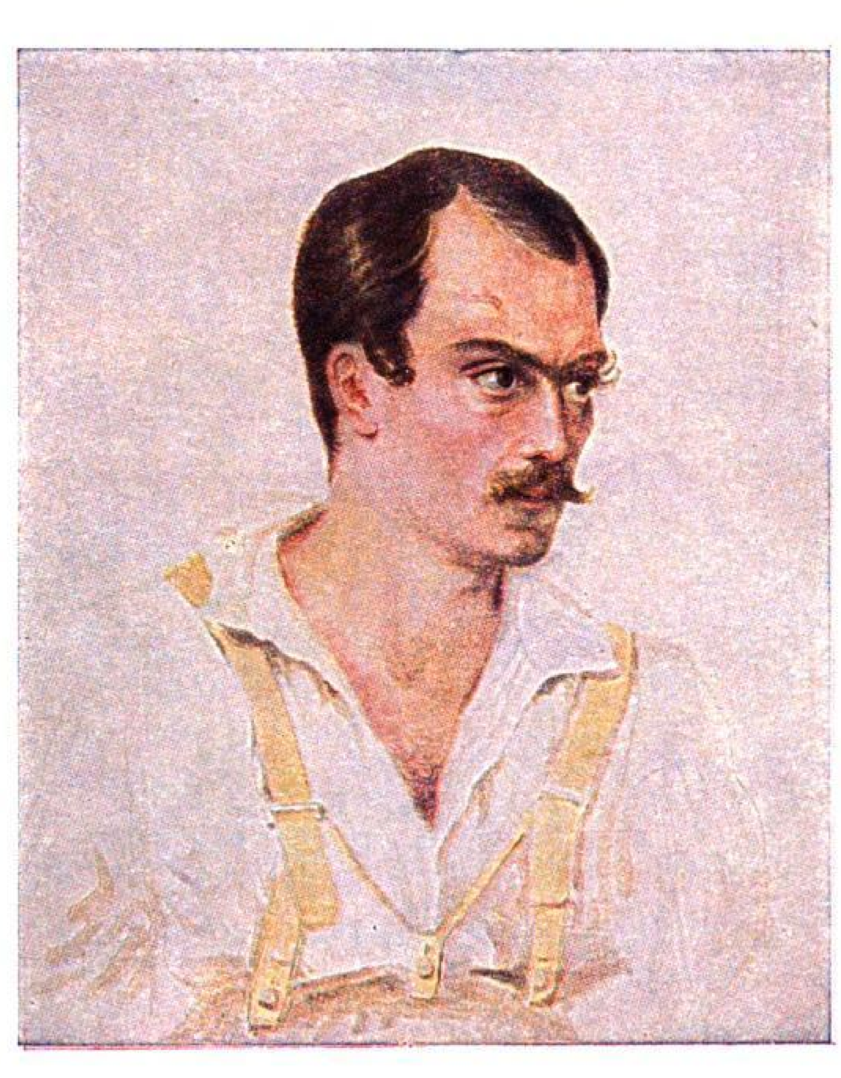
ПОРТРЕТЫ ДЕКАБРИСТОВ РАБОТЫ Н. А. БЕСТУЖЕВА

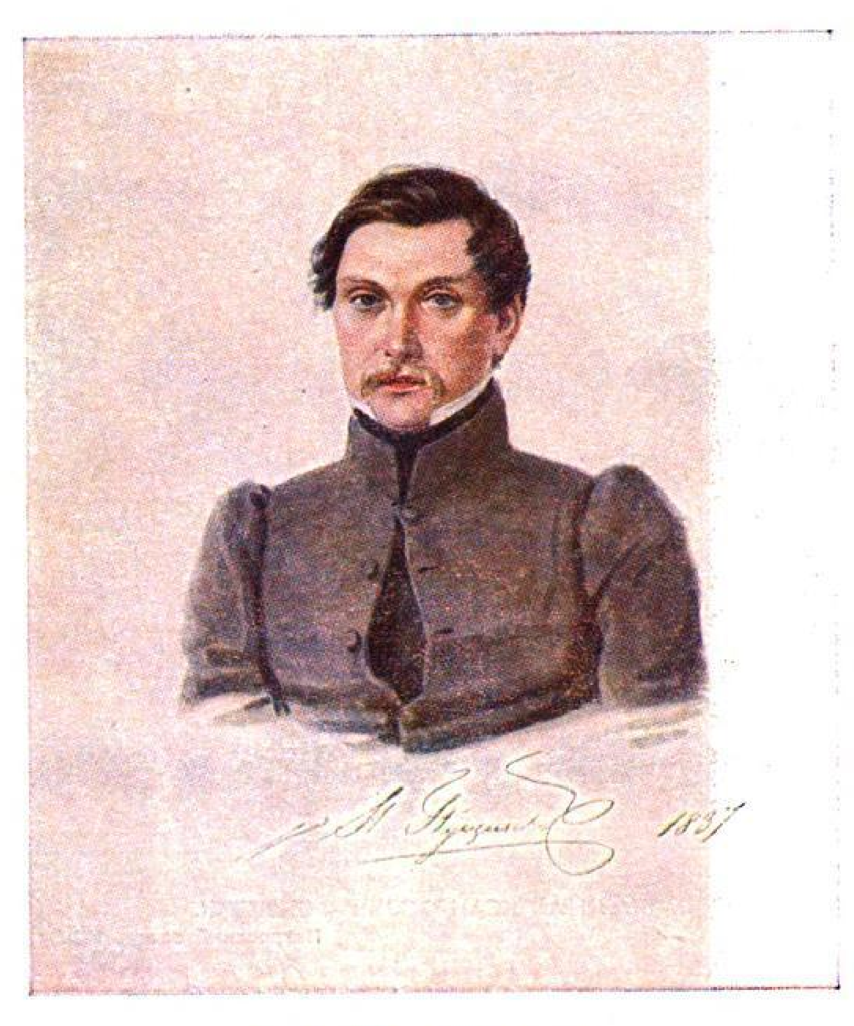
ПАВЕЛ ФОМИЧ ВЫГОДОВСКИЙ.
Читинский острог, 1828 г.

ЮЛИАН КАЗИМИРОВИЧ ЛЮБЛИНСКИЙ.
Читинский острог, 1829 г.

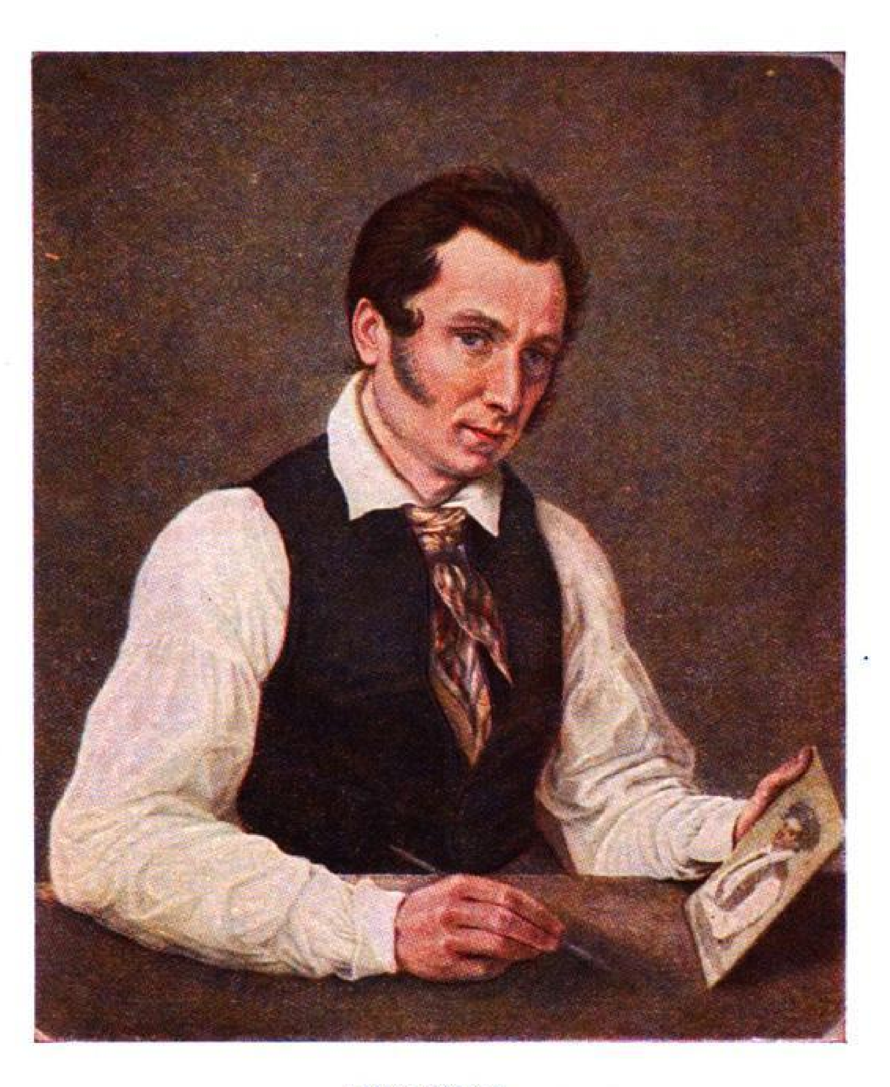

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ЯКУБОВИЧ.
Петровский завод, 1831 г.

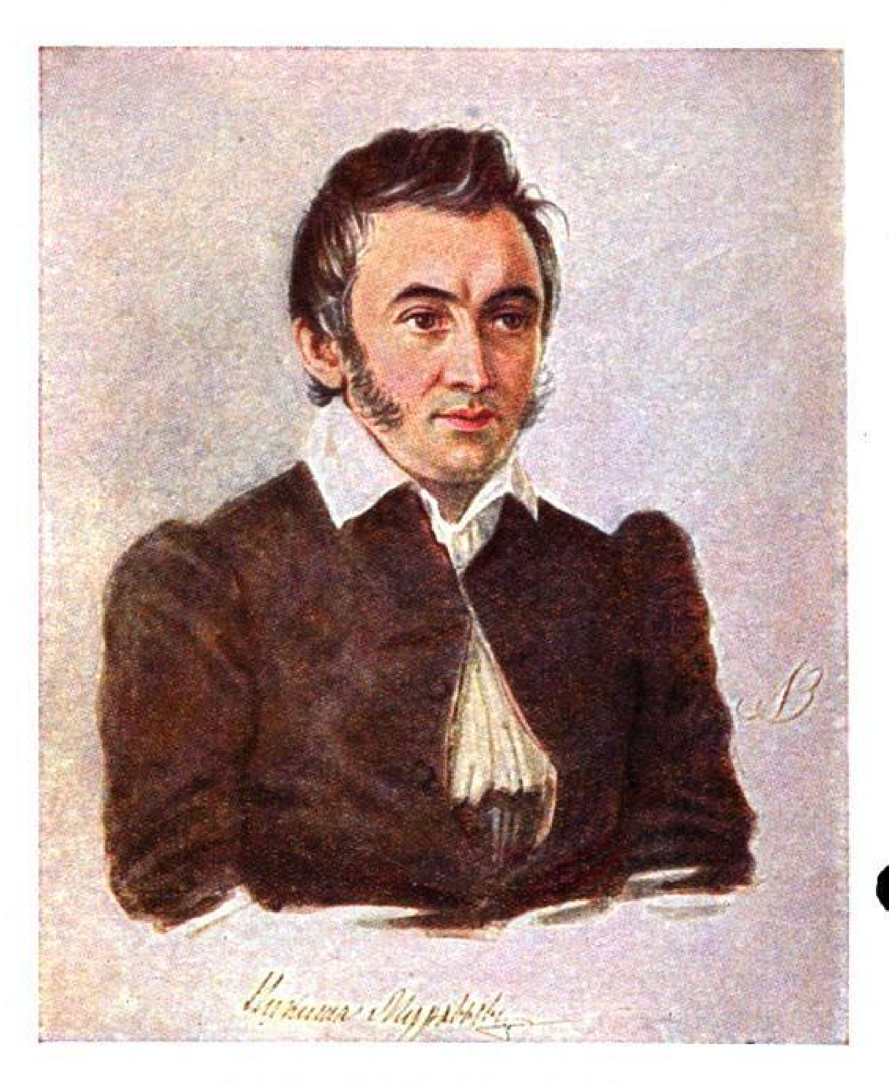

ИВАН ИВАНОВИЧ ПУЩИН.
Петровский завод, 1837 г.

Copyrighted material

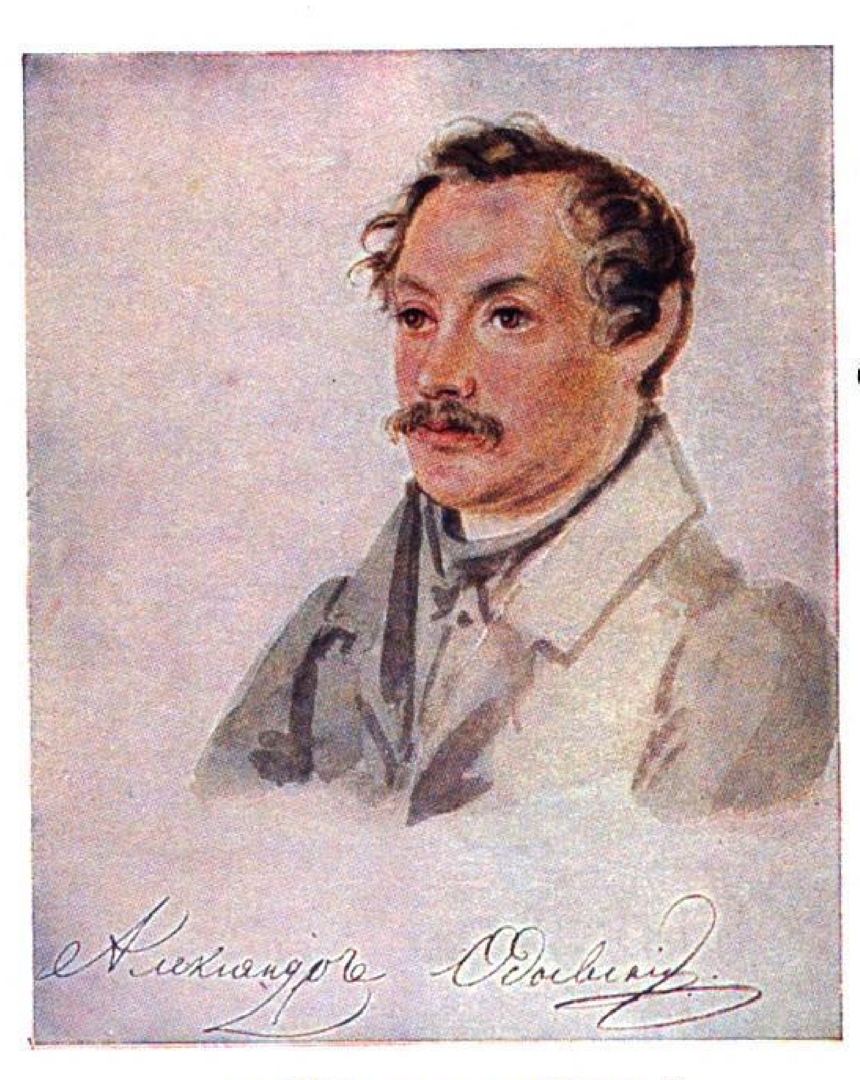
АВТОПОРТРЕТ.
(Н. А. Бестужев за работой над портретом брата Михаила).
Петровский завод, 1838 г.

НИКИТА МИХАЙЛОВИЧ МУРАВЬЕВ.
Петровский завод, 1836 г.

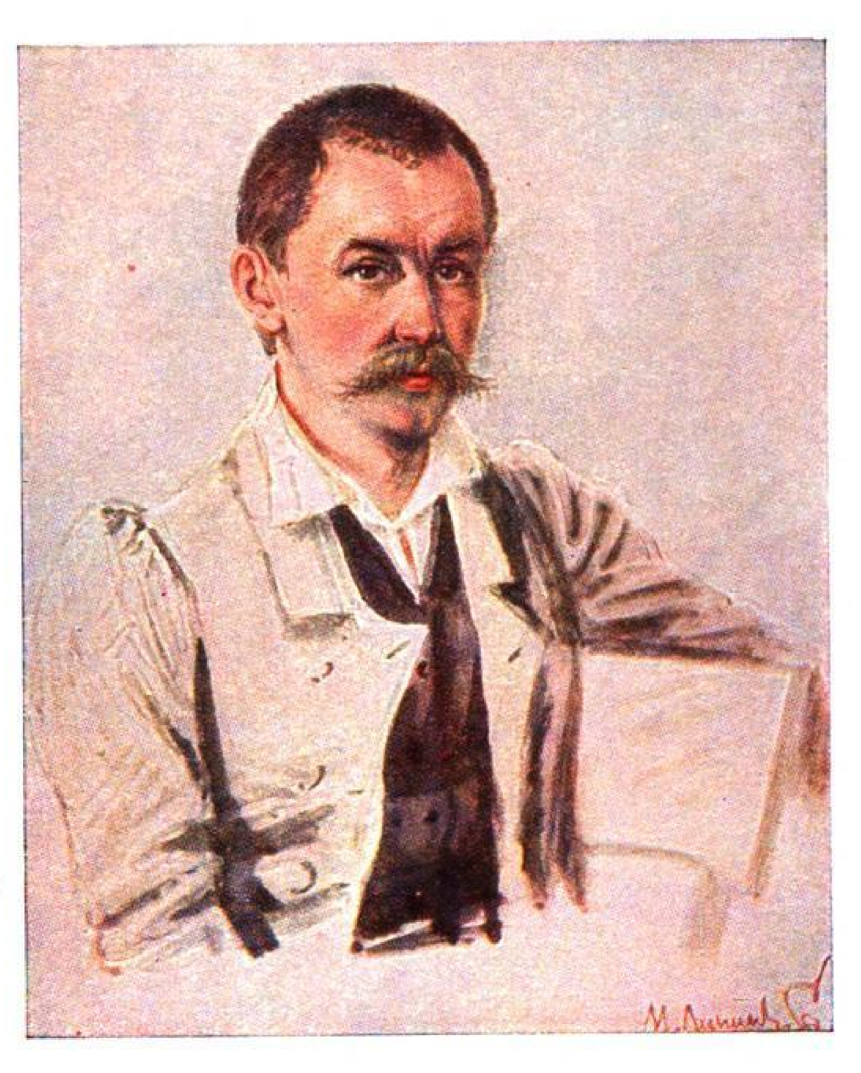

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ ФОНВИЗИН.
Петровский завод, 1832 г.

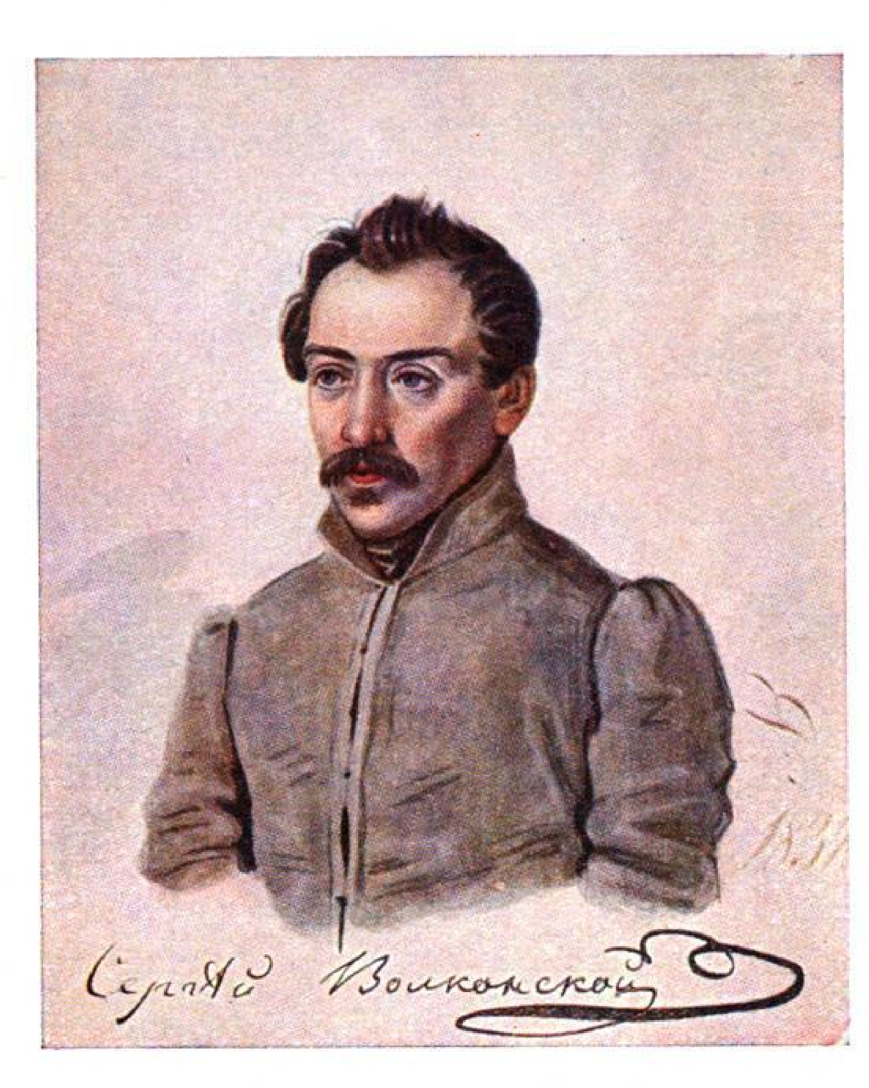

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ОДОЕВСКИЙ.
Петровский завод, 1832 г.

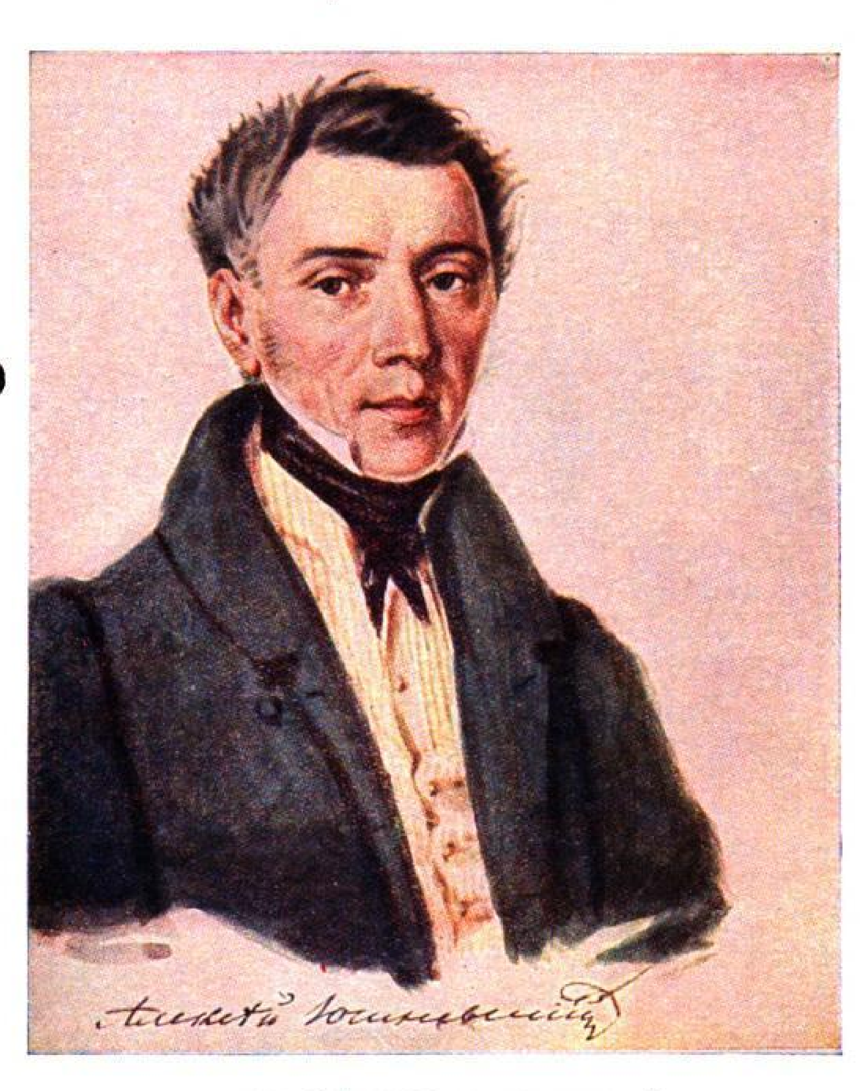
Copyrighted material

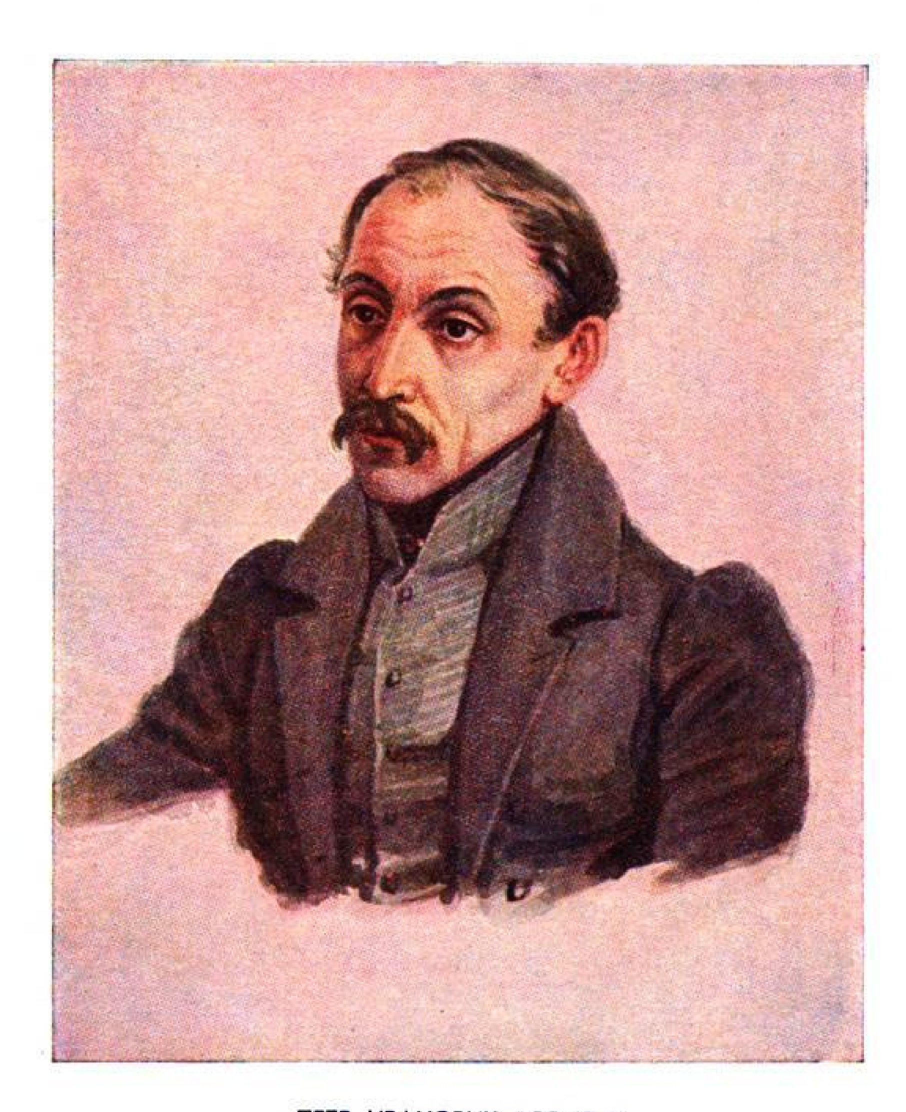
МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ ЛУНИН.
Петровский завод, 1837 г.

СЕРГЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ВОЛКОНСКИЙ.
Петровский завод, 1837 г.

АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ ЮШНЕВСКИЙ.
Петровский завод, 1839 г.

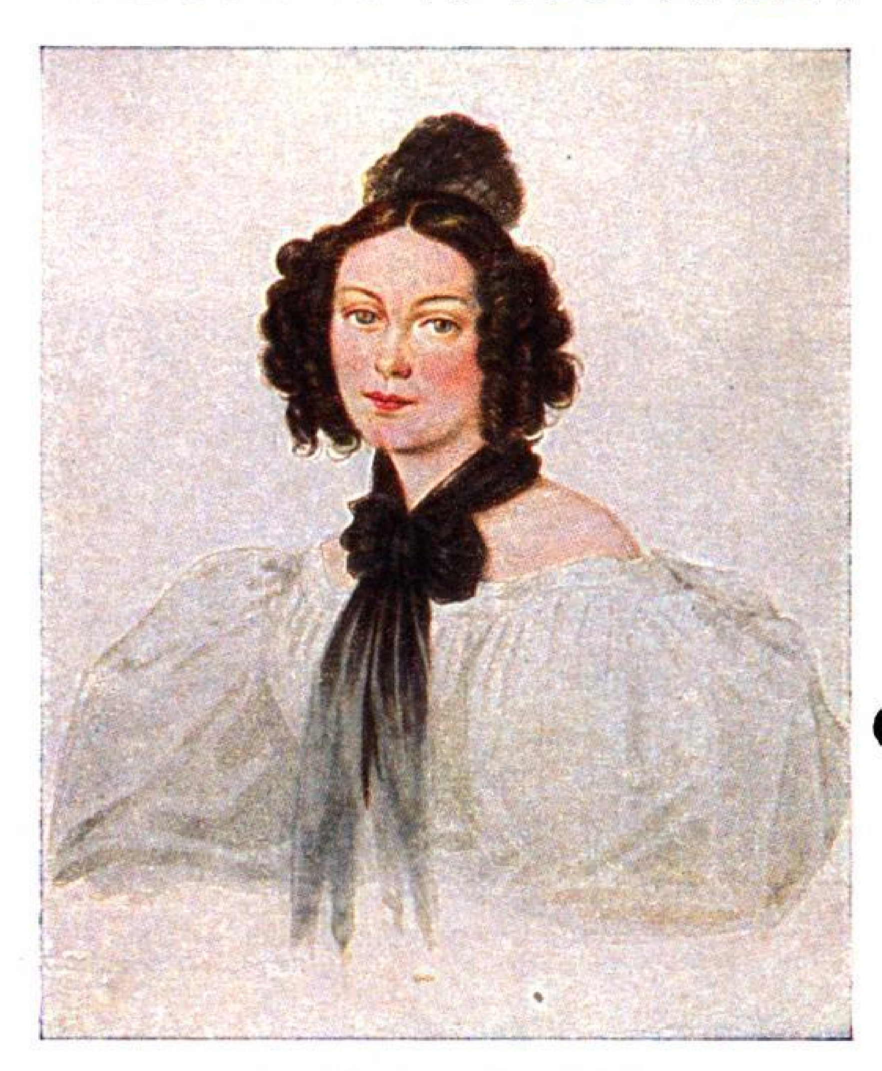
ПЕТР ИВАНОВИЧ БОРИСОВ.
Петровский завод, 1839 г.

Copyrighted material

ПОРТРЕТЫ ЖЕН ДЕКАБРИСТОВ РАБОТЫ Н. А. БЕСТУЖЕВА

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА ДАВЫДОВА.
Петровский завод, 1831 г.

КАМИЛЛА ПЕТРОВНА ИВАШЕВА.
Петровский завод, 1831 г.

МАРИЯ КАЗИМИРОВНА ЮШНЕВСКАЯ.
Петровский завод, 1839 г.

ПОЛИНА ЕГОРОВНА АННЕНКОВА.
Петровский завод, 1836 г.

Copyrighted material

реев, Александр Крюков, Николай Крюков, М. К. Кюхельбекер, Н. И. Лорер, М. Ф. Митьков, А. Е. Мозалевский (дата «1837»), П. Д. Мозган, Александр Муравьев, Артамон Муравьев (дата «1838»), П. А. Муханов, М. М. Нарышкин, Н. А. Панов, И. С. Повало-Швейковский (дата «1839»), А. В. Поджио (дата «1837»), Н. П. Репин, М. И. Рукевич, П. Н. Свистунов, В. Н. Соловьев, А. Н. Сутгоф, С. П. Трубецкой, А. И. Тютчев, П. И. Фаленберг, А. Ф. Фролов, И. Ф. Шимков, Д. А. Щепин-Ростовский (дата «1839»).

По своему качеству портреты, сделанные на Петровском заводе, — значительный шаг вперед по сравнению с читинскими работами. Тем не менее они далеко не равноценны. Некоторые из них поражают тонким мастерством, а другие носят на себе явные следы спешки. Объяснение неравноценности работ дает Михаил Бестужев: «Впоследствии он рисовал портреты только отъезжающих по разрядам соузников, и как разряды были некоторые очень велики, а время коротко, то надо было удивляться, с какою быстротой он успевал набрасывать изображения». Вот причина тех явных недостатков, которыми страдают некоторые портреты, исполненные в 1832 году, когда большая группа заключенных отправилась на поселение. Таковы, в частности, портреты руководителей Тайного Общества Военных Друзей Вегелина и Игельстрома, отбывавших каторгу вместе с декабристами и «обращенных на поселение» в ноябре 1832 года.

Превосходным мастером акварели выступает Николай Бестужев в своем автопортрете, в портретах Бечаснова, Волконского, Горбачевского, Одоевского, Трубецкого, Якубовича. С полным основанием работы эти могут быть отнесены к числу выдающихся созданий русской акварельной живописи. В них проявился врожденный талант большого художника, который, оказавшись в других условиях, занял бы почетное место в истории изобразительного искусства родной страны.

* * *

Почти каждый из участников декабрьского восстания, запечатленных Бестужевым, прожил жизнь, столь богатую событиями, что она могла бы послужить материалом для интереснейшей повести. Огромная заслуга Николая Александровича в том, что во многих портретах он показал себя мастером углубленной характеристики, сумел передать не только внешние черты, но и раскрыть внутреннюю сущность изображаемого лица.

Перед нами портрет Александра Ивановича Якубовича. Внимание невольно задерживается на надписи, в которой рядом с фамилией рукой Якубовича написано: «1831 года — 12-ое отделение». И в памяти возникают слова Пушкина, сказанные им всего пять с небольшим лет до этой даты в письме к А. А. Бестужеву: «Якубович... герой моего воображенья». В этом письме, написанном за две недели до восстания декабристов, Пушкин писал о Якубовиче: «В нем много, в самом деле, романтизма. Жаль, что я с ним не встретился в Кабарде — поэма моя была бы лучше».

Портрет был исполнен в начале пребывания Якубовича на Петровском заводе, тогда, когда в облике его еще сохранились черты былого молодечества. Бестужеву удалось запечатлеть внешность товарища с большой точностью; об этом свидетельствует описание наружности Якубовича, сделанное актером П. А. Каратыгиным: «Он был высокого роста, смуглое его лицо имело какое-то свирепое выражение; большие черные на выкате глаза, словно налитые кровью, сросшиеся густые брови, огромные усы... придавали его физиономии какое-то мрачное и вместе с тем поэтическое значение». Все эти черты отражены в бестужевской акварели, так же как и рана на лбу, полученная Якубовичем в одной из стычек с горцами на Кавказе. По своей исчерпывающей характеристике это — одно из самых сильных произведений Бестужева во всей коллекции. Своеобразная «поэтичность» облика Якубовича выразительно передана на этой превосходной акварели (надпись, имеющаяся на акварели, находится за полями рисунка, поэтому она не воспроизведена).

Совсем иное по своей психологической трактовке изображение создал художник, когда ему довелось поработать над портретом человека иной жизни и иного склада. Мы говорим об Иване Ивановиче Пущине, лицейском товарище Пушкина, которого поэт называл «друг прямой», «брат», «товарищ милый». Свободолюбие Пущина привело его сразу же по окончании лицея в Союз Благоденствия, а затем в Северное Общество, где он стал одним из самых деятельных членов и был избран в руководящий орган — Думу. На Сенатской площади Пущин оказался в числе самых энергичных и хладнокровных руководителей восстания; присудили его «к ссылке в каторжную работу вечно».

«...Каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна», — писал Пушкин в августе 1826 года. Когда слова эти ложились на бумагу, быть может, первая мысль поэта была именно о Пущине, который был для него и другом, и братом, и товарищем. Несколько месяцев спустя, вручая А. Г. Муравьевой, отправлявшейся к мужу, свое «Послание в Сибирь», Пушкин передал ей для Пущина стихотворение «Мой первый друг, мой друг бесценный!» В день приезда Пущина в Читу (в январе 1828 года) Муравьева через тюремный частокол передала ему листок бумаги с этим стихотворением, и оно действительно «озарило» его «заточенье».

На портрете Пущина лаконичная дата «1837» — год гибели Пушкина. С особым чувством Бестужев делал этот портрет не только потому, что Пущин был «первым», «бесценным» другом Пушкина. Человек безупречной моральной чистоты, Пущин и среди товарищей по каторге пользовался необычайной любовью и глубоким уважением. Басаргин в своих воспоминаниях называет его «общим нашим любимцем», Волконский — «рыцарем правды», Горбачевский — «чудо человеком». Узы близкой дружбы связывали Пущина с Бестужевым, и возникли они в своеобразных условиях. «В Шлиссельбурге, — сообщал Пущин отцу уже из Сибири, — я ужасно сдружился с Николаем Бестужевым, который сидел подле меня, и мы дошли до такого совершенства, что могли говорить через стену знаками и так скоро, что для наших бесед не нужно было лучшего языка». Все это вместе и сыграло свою роль в том, что Бестужев, работая над портретом друга, создал образ необычайной привлекательности и обаяния.

Индивидуализация изображений, достигнутая художником в портретах Якубовича и Пущина, типична для большинства портретов, написанных на Петровском заводе: они отличаются глубоким проникновением в характер человека.

* * *

В бестужевское собрание портретов, кроме 68 изображений декабристов, входят изображения 8 других лиц. Четверо из них — жены декабристов П. Е. Анненкова, А. И. Давыдова, К. П. Ивашева и М. К. Юшневская.

Всех женщин, преодолевших необыкновенные трудности, чтобы вырвать у царя разрешение на добровольную ссылку, было одиннадцать. Ценою огромных жертв они получили возможность разделить участь своих мужей и женихов. Каждой из них (кроме Юшневской) ко дню отъезда в Сибирь было всего лишь 20 с небольшим лет. И современники и следующие поколения вполне оценили тех, кого Некрасов назвал «декабристками», о которых он написал: «Самоотверженние, выказанное ими, останется навсегда свидетельством великих душевных сил, присущих русской женщине».

Пленительные образы! Едва ли
В истории какой-нибудь страны
Вы что-нибудь прекраснее встречали.
Их имена забыться не должны.

С глубоким благоговением произносили имена этих женщин узники Читы и Петровска, для которых они олицетворяли «славу страны, их произраставшей». Вот почему в портретной галерее, созданной на каторге, Бестужев не мог не увековечить тех, кого декабристы называли «наши ангелы-хранители». Документальные данные свидетельствуют о том, что Николай Александрович писал жен декабристов неоднократно. В советских музеях хранятся написанные им портреты Волконской, Муравьевой, Нарышкиной, Розен. В солдатенковской коллекции сохранилось всего четыре портрета «декабристок»; возможно, что остальные были подарены автором тем, кто позировал ему.

Воспроизводимые здесь портреты Анненковой, Давыдовой, Ивашевой и Юшневской принадлежат к наиболее выдающимся акварельным работам Бестужева. Особенно интересен портрет Ивашевой. Ей было всего 17 лет, когда жених ее ротмистр кавалергардского полка В. П. Ивашев был осужден на двадцатилетнюю каторгу. Целых 6 лет она добивалась разрешения поехать вслед за ним в Сибирь, и лишь в 1831 году это право было ею получено, и она прибыла на Петровский завод, где 16 сентября они и поженились.

На каторге же, в Чите, в феврале 1828 года, обвенчались и Анненковы. О долгих годах жизни, проведенных в Сибири, Полина Анненкова, смелая и мужественная женщина, рассказала в своих воспоминаниях. Портрет этот единственный, на котором имеется подлинный автограф «декабристки».

Давыдова и Юшневская прожили на Петровском заводе вплоть до 1839 года, когда всем еще находившимся в тюрьме декабристам было разрешено выйти на поселение. Портрет Давыдовой исполнен был, повидимому, вскоре по переезде ее из Читы на Петровский завод, быть может, в 1831 году. Портрет Юшневской написан незадолго до отъезда из Петровска; это явствует из того, что художник не успел завершить его полностью.

В коллекции имеется еще один женский портрет. Судя по карандашной надписи, это сестра Свистунова. Очевидно, данная акварель — копия с портрета, посланного декабристу его близкими.

Небезинтересны последние три портрета коллекции. На двух из них имеются автографы: «В. Колесников» и «Дмитрий Таптыков». Это офицеры Оренбургского полка, участники тайного общества, раскрытого в 1827 году. Поводом к созданию общества явилось, как гласит обвинительное заключение, «ложно понимаемая любовь к отечеству и воспламенение ума происшествиями 14 декабря 1825 года». Суд вынес суровый приговор: многие из арестованных, в том числе Колесников и Таптыков, были осуждены на четвертование, замененное каторжными работами. В сентябре 1828 года они были доставлены «по канату», т. е. прикрепленными к железному пруту, в Читинский острог, где и отбывали наказание вместе с декабристами. В Петровской тюрьме декабрист Штейнгель записал рассказ Колесникова о нечеловеческих мытарствах, перенесенных оренбургскими революционерами по пути на каторгу. Рукопись эта, озаглавленная «Записки несчастного, содержащие путешествие в Сибирь по канату», была подарена Штейнгелем в 1835 году Михаилу Бестужеву. Декабристы смотрели на Колесникова и Таптыкова, как на своих младших товарищей. Вот почему портреты их Николай Бестужев приобщил к своей коллекции.

На третьем портрете фамилии того, кто на нем изображен, нет, а есть лишь надпись карандашом, сделанная на польском языке: «W pamięci wygnania. 1843 r. 10 Marca Z za Bajkału» («В память изгнания. 1843 г., 10 марта из Забайкалья»). Портрет этот—свидетельство большого мастерства, достигнутого Бестужевым в искусстве акварели. Превосходно написаны мужественное лицо молодого поляка, его высокий лоб и вьющиеся волосы. Имя изображенного на портрете следовало искать среди польских знакомых Бестужева, с которыми он встречался в Селенгинске, где жил с 1839 года. О наиболее интересном из них Михаил Александрович пишет: «Один из политических преступников, поляк, человек, очень хорошо знакомый с нами, но имя которого я забыл (мы были знакомы со всеми поляками Забайкалья), в бытность его у нас... снял вид, в котором наш дом помещен... Этот вид, равно как и имя художника, вы можете увидеть в интересном альбоме с текстом, изданном камергером Булычевым. С разрешения ген.-губернатора польский художник сопровождал членов сенаторской ревизии на Лену, в Якутск, в Охотск, Камчатку». Мемуарист делает здесь две ошибки: в альбоме Булычева вида Селенгинска нет, не названо там и имя художника. Его имя мы разыскали

Copyrighted material

КРЕСТЬЯНИН-ДЕКАБРИСТ

(По неопубликованным материалам Центрального государственного исторического архива)

В начале 1825 года канцелярист, служивший при волынском гражданском губернаторе, называвший себя Павлом Фомичом Выгодовским, был принят в общество «Соединенных Славян», куда преимущественно входили младшие офицеры и низшие чиновники из дворян. Они отрицательно относились к планам «военной революции» и верхушечным переворотам и были сторонниками народного восстания.

Члены Общества ставили целью установить представительное демократическое правление во всех славянских странах и объединить их в единое федеративное государство. Знаком Общества был восьмиугольник — восемь славянских народов — с окруженной лучами цифрой «I» в центре (единство) и с четырьмя якорями по сторонам — четыре моря — Адриатическое, Черное, Балтийское и Белое — границы славянской федерации. На объединение с Южным обществом «славяне» согласились, когда М. П. Бестужев-Рюмин доказал, что, лишь совершив переворот в России, можно приступить к революционному преобразованию всех славянских стран. Члены «Славянской управы» деятельно работали среди солдат и активно участвовали в восстании Черниговского полка.

Выдававший себя за поляка и дворянина, Выгодовский на самом деле был сыном Тимофея Дунцова, крестьянина деревни Ружичной, Проскуровского повета, Подольской губернии. Грамоте Павел обучался у сельского дьячка, а затем поступил в духовное училище, откуда бежал в город Теофильполь. Там его приняли в школу Ордена тринитариев. Видимо, именно здесь он назвал себя дворянином Павлом Фомичом Выгодовским. В его деле сохранилась копия ведомости с отметками о хорошей успеваемости: он владел русским, польским, французским языками и знал отлично латынь.

В 1819 году Выгодовский приехал в Ровно, где устроился канцеляристом в земском суде. Спустя пять лет он перебрался в Житомир и «по способности» был зачислен на службу.

В Житомире Выгодовский сблизился с офицерами 8-й артиллерийской бригады и Пензенского пехотного полка — членами общества «Соединенных Славян», в котором стал играть активную роль.

Хотя он лично не принимал участия в восстании Черниговского полка, тем не менее 15 февраля 1826 года его арестовали и посадили в Петропавловскую крепость. На допросах Выгодовский признался в принадлежности к обществу «Соединенных Славян», а в качестве оправдания заявил, что «если природное российское дворянство волнуется против правления... то я, как поляк, безгрешно могу к тому принадлежать». Он подвергся жестокой расправе: его приговорили к двум годам каторги с пожизненным поселением в Сибири.

Отбыв срок каторжных работ на Нерчинском руднике, Выгодовский был сослан на поселение в Нарым, где жил до 1856 года, занимаясь сельским хозяйством. В свободное время он пространно изложил свои взгляды в статьях и письмах. Ни те, ни другие так и не увидели свет.

В 1854 году Выгодовский обратился с большим посланием к председателю Совета главного управления Западной Сибири, жалуясь на «чернильных гнусов» — томских чиновников. Это письмо послужило основанием к новому аресту сосланного и преданию его суду за «оскорбление должностных лиц».

При обыске у Выгодовского были отобраны все его рукописи (3558 листов). Их отослали в Петербург, в III отделение, где, очевидно, они и были уничтожены. В архиве сохранились лишь 14 листов интересных выписок из рукописей Выгодовского, которые позволяют судить о воззрениях этого представителя народа в среде декабристов, предшественника революционных разночинцев.

III отделение так отзывалось о нем: «Проникнутый в высочайшей степени преступными идеями и притом зараженный превратными понятиями... Выгодовский в своих рассуждениях восстает против начал монархической власти, церковных установлений, государственных учреждений и всего, что составляет благоденствие России».

Его записки свидетельствуют о том, что он был непримиримым врагом самодержавия, называл «безумцами» и «ослами» тех, кто надевает короны и воображает себя владельцами земель и народов. Ненавистью проникнуты его слова: «Николай сперва удавил пять человек на виселице, а потом отправился в Москву под венец, короноваться. Итак, московские архиереи должны были короновать на царство душителя и фарисея. И он похож на палача и заплечных дел мастера: что за рост, что за осанка, а ума у него столько же, сколько и в его короне. Вместо скипетра дай ему в руки кнут — и заплечный мастер готов. Московские архиереи никак в заплечные мастера и короновали его, потому-то он весь свой век одним кнутом и занимается, да формами, пуговочками, петличками и ошейниками, да еще кобылами, т. е усовершенствованием в России рысистой породы придворных буцефалов».

Столь же отрицательно Выгодовский относится и к республике богачей. Он утверждает, что если в республике «наплодится вдоволь богачей», то это будет ее концом, ибо богачи, нуждаясь в охране своего преимущественного положения, «потребуют себе царя» и монархических порядков. «Эта антихристова челядь поклоняется только мамоне,— восклицает он,— от богачей кроме вреда, бед и порабощения не жди себе ничего лучшего, рабочий народ».

Выгодовский решительно отвергает крепостничество и весь социально-экономический строй России того времени. В своих высказываниях он обнаруживает довольно ясное понимание классовых взаимоотношений и классового характера государства. Цари и власти, по его мысли, не что иное, как ставленники класса дворян и орудия его господства. «Дворяне — проклятый хамов род — держат себе царей, чтобы их именем воровать... Дворянин, отняв разбойнически чужую собственность и передав (часть) оной своим царственным братцам — почтен будет, хотя бы от этого подверглись страданиям миллионы людей. (Цари) заодно с ворами и разбойниками помышляющими и промышляющими о выгодах, удобствах жизни и проч. и делящимися с сими царственными братцами, которые и даруют им полную свободу и безнаказанность, с коими они могут без всякой помехи мошенничать, лгать, воровать, грабить бедных, а если хочешь, то, пожалуй, и лежать на боку, занимаясь мечтами о завоеваниях и преобразованиях на свой лежачий лад. Каким бы он (дворянин) ни был (он всегда будет прав, так как), законы составлены в защиту его такими же как он ворами. (Их) законы есть то же самое, что у вора дубина».

С сочувствием Выгодовский отзывается о «рабочем народе» и «страдающих крестьянах». Он возмущается пренебрежительным отношением властей к народу. «Власти не знают над кем шутят и издеваются, забывая, что они сами — хамы — зависят от мужиков». Он сожалеет по поводу «легковерия» народа, который часто ищет «правды и суда у грабителей и живодеров».

Видимо, Выгодовский не ограничивался только оценкой политического положения в России, но, безусловно, пытался наметить какие-то меры переустройства общества на новых началах. К сожалению, в выписках, сделанных чиновниками III отделения, никаких указаний на этот счет не имеется.

Таким образом, Выгодовский являлся не только и, вернее, не столько «дворянским революционером», сколько представителем в движении декабристов появившихся позже революционных разночинцев.

Следует отметить, что интересная фигура П. Ф. Выгодовского до сих пор не привлекла к себе внимания историков и в литературе есть о нем лишь краткие упоминания.

Т. Г. СНЫТКО

в одной из польских книг, посвященных жизни ссыльных поляков в Сибири. Там указано: «Лучшим рисовальщиком и живописцем среди изгнанников был Леопольд Немировский. В 1844 году он был прикреплен как художник к петербургской комиссии, целью которой являлось исследование Восточной Сибири и Камчатки. На основе рисунков, сделанных Немировским, член комиссии Булычев обработал и издал в 1856 году прекрасные пейзажи Восточной Сибири».

Повидимому, поляк, изображенный на портрете 1843 года, и есть Леопольд Немировский.

Таков состав коллекции, объединяющей 76 портретов, исполненных Николаем Бестужевым в годы его пребывания в Сибири.

☆ ☆ ☆

Незадолго до окончания срока каторжных работ, когда узники Петровского каземата уже готовились к отъезду на поселение, Бестужев решил сделать перерисовки с исполненных прежде акварельных портретов. Увозя основную коллекцию с собой в Селенгинск, он хотел предохранить свой труд от дорожных случайностей, оставив на Петровском заводе хотя бы карандашные повторения акварелей. По общему желанию соузников эта новая коллекция была передана Горбачевскому, который еще в тюрьме показал себя умелым руководителем общего хозяйства заключенных; к тому же он был единственным декабристом, выбравшим для поселения тот же Петровский завод, вследствие чего новая коллекция не подвергалась опасностям, неизбежным при переездах.

В 1869 году, после смерти Горбачевского, вторая коллекция попала в Кяхту, к купцу А. М. Лушникову. В середине 70-х годов она была привезена в Москву для снятия с нее пяти копий, заказанных почитателями памяти декабристов. По неизвестным причинам сделано это, однако, не было. Тем не менее купец Зензинов, воспользовавшись тем, что лушниковская коллекция оказалась в Москве, без разрешения владельца поручил художнику Питчу снять копии. У Лушникова портреты пролежали еще около 10 лет. И только в 1884 году, уступая просьбам редактора «Русской старины» Семеновского, Лушников согласился отправить их с кяхтинским пограничным комиссаром Пфаффиусом в Петербург. Но случилось так, что по дороге Пфаффиус умер и лушниковская коллекция исчезла бесследно.

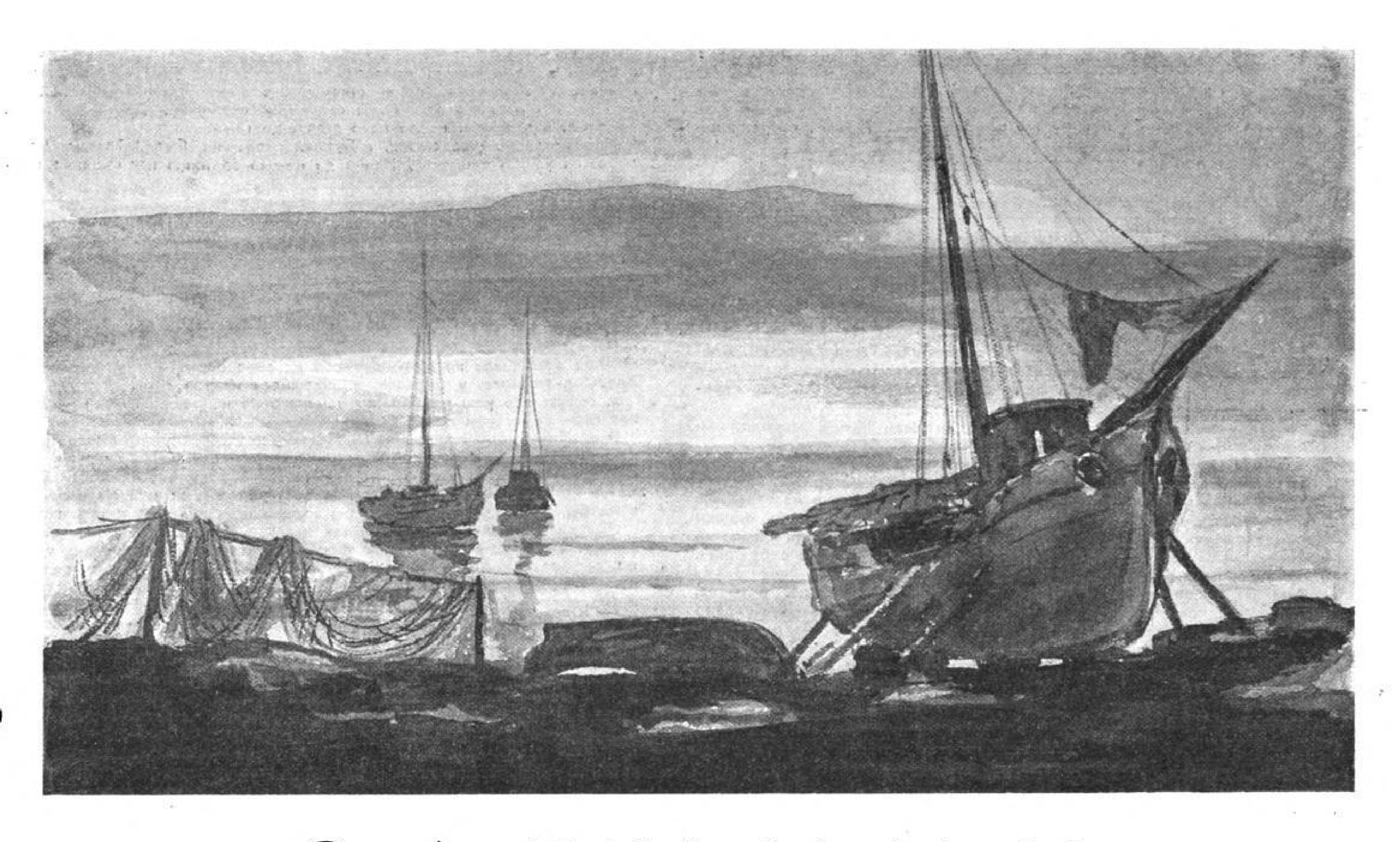
Перерисовки, сделанные Питчем, легли в основу того издания портретов декабристов, которое было осуществлено в 1906 году. По выходе издания в свет сын Лушникова счел необходимым заявить в печати, что перерисовки Питча приукрашены и что «оригинальные рисунки Н. А. Бестужева, нарисованные обыкновенным карандашом, были ближе к природе». Но, так как местонахождение основной коллекции оставалось неизвестным, а лушниковская коллекция была утрачена, издание 1906 года оказалось на долгий срок единственным источником, который давал представление о бестужевской портретной серии. В то же время издание это являлось до настоящего времени основным источником иконографии декабристов. И только теперь, когда подлинная коллекция наконец обнаружена, выяснилось, что изображения декабристов не только приукрашены Питчем, но и во многих случаях искажены. К тому же среди перерисовок Питча в издании 1906 года отсутствуют многие портреты декабристов, которые имеются в основной коллекции акварелей Н. А. Бестужева.

Подлинники перерисовок Питча давно утеряны. Но теперь это уже несущественно. Из трех коллекций — первой, солдатенковской, являющейся основным собранием акварельных портретов, исполненных Николаем Бестужевым с натуры, второй, лушниковской, куда входили карандашные автоперерисовки, и третьей, зензиновской, состоящей из перерисовок Питча, — ныне обнаружена первая, наиболее совершенная и наиболее полная из всех трех. Найти коллекцию помог счастливый случай.

Оказалось, что в 1898 году Солдатенков подарил бестужевскую коллекцию одному своему московскому знакомому, у которого она и пролежала под спудом почти полвека. Нам удалось разыскать ее в 1945 году.

Мы публикуем здесь лишь небольшую часть портретной галереи, созданной Н. А. Бестужевым. Впервые воспроизводятся в красках 12 портретов выдающихся деятелей восстания 1825 года и 4 портрета их жен; кроме того, впервые дается краткое описание коллекции в целом. Будущая научная публикация всей коллекции даст возможность оценить в полной мере замечательную работу Николая Александровича Бестужева и увидеть лица тех, кого Герцен называл «богатырями, кованными из чистой стали с головы до ног, воинами-пророками, вышедшими сознательно на явную гибель, чтоб разбудить к новой жизни молодое поколение».

Copyrighted material

ЗАРНИЦЫ

Рассказ

(Из книги «Юг»)

Олесь ГОНЧАР

Рисунок В. Высоцкого

Вутанька в ту ночь была у моря — она работала в рыболовецкой бригаде — и о том, что случилось дома, ничего не знала. Уже утром, когда прибежала домой заняться по хозяйству, неожиданно увидела на стене темные позорные пятна. Ночью кто-то вымазал ее хату дегтем.

Спокойно осмотрела Вутанька стену. Затем, недолго думая, засучила рукава и принялась скрести деготь ножом.

Соседки выглядывали из-за углов, громко сочувствовали:

— И откуда, Вутанька, такая напасть?

— Ха! — отвечала Вутанька. — Значит, еще не вылиняли мои брови, еще убивается за ними чье-то глупое сердце...

И продолжала скрести стену, напевая.

Тем временем ее товарищи — рыбаки, сидели на берегу вокруг треноги, лакомясь свежей ухой. Они не забыли и о Вутаньке, отлили и на ее долю.

Разговор вертелся вокруг необычного ночного происшествия, слух о котором уже докатился до рыбаков.

Бригада приняла близко к сердцу беду Вутаньки. Давно уже ничего подобного не случалось на селе. Навсегда, казалось, отошел в прошлое этот допотопный грубый обычай. И вдруг... Будто поднялось из-под земли старорежимное пьяное хулиганье, прошло ночью по улицам приморской артели «Червона Украина» и, жестоко развлекаясь, напакостило, наследило...

Возмущение рыбаков было тем сильнее, что Вутанька, по общему мнению, ничем не заслужила такого оскорбления. То, что она все лето ночует на берегу в рыбачьем курене, еще не дает никому права ее обижать.

— И кто это может быть, по-вашему, га? — терялся в догадках бригадир. — Кого можно заподозрить?

Пожилые рыбаки перебирали имена своих односельчан, самых отчаянных хлопцев, но ни один из них не подходил под такую статью. Не та теперь молодежь, чтоб ночами дебоширить... У того образование десятиклассное, тот только что с курсов вернулся, тот — комсомольский активист... Трудно было представить себе кого-нибудь из них у хаты Вутаньки Гуслистой с дегтярной мазилкой в руке.

А все же случилось: кто-то ночью проявил себя!

— Если хотите знать, так этот позор ложится на всех нас! — решительно заявил бригадир.— Проснулся в ком-то пережиток, выползло родимое пятно прошлого и легло прямо на стенку дома лучшей нашей артельщицы!.

— Разве только на стену: на всю бригаду тень легла...

— Конечно!

Вскоре к шалашам, на запах вкусной ухи, потянулись кадровые любители. Вначале приплелся дед-сторож, как всегда, с ложкой наготове; потом появился и сам председатель артели Конон Макарович Штепа.

Председатель был явно встревожен.

— Теперь раззвонят по всему берегу! —сокрушался он, усаживаясь возле чугуна. — Порядочки, скажут, у них ночью критику дегтем наводят!

— Ни сном, ни духом не знаем, — оправдывался бригадир. — Сами ломаем голову: кто мог?

— То, что Вустина веселая и потанцевать любит, еще не факт, что она в гречку скачет, — говорил Конон Макарович, раздраженно прихлебывая из чашки. — Вот попробуй к ней подступиться, так она тебе покажет свой принцип: шапку потеряешь, кубарем вылетишь за порог!

— Вы так вроде опытом делитесь! — засмеялся коренастый, изрытый оспой рыбак Андрей Мох. — Чи не пытались сами, Конон Макарович?

— Брось там, Андрей, свои смешки! — ощетинился на этот раз председатель. — Сейчас мне не до шуток. Вутаня вправе будет требовать ответа... Что ж это, в конце концов, делается? В то время, как она тут по-стахановски тянет невода, какое-то хулиганье поганит ей хату... А мы с вами где были? Вот вы, дед Гараська, ухмыляетесь, вам весело, а я вас спрашиваю: где вы были, так называемый сторож, колхозный часовой?

— А я молодиц наших да девчат не стерегу, — спокойно возразил дед Гараська. — Я отвечаю за неделимый фонд...

— Может, то вы сами, дед, размалевали Вутаньке стену? — бросил шутливо Андрей Мох. — Может, дала вам по шапке?

— Эге, я свое уже отмалевал, хлопцы... Это тот малюет, кому по ночам не спится и не лежится... Кому ее очи спать не дают.

— Старый, а глазастый, — ревниво заметил Конон Макарович. — Присмотрелся, какие там очи.

Copyrighted material

— Еще бы!..

Закуривая после завтрака, снова стали сообща доискиваться: чьих все-таки рук работа? Трактористов? Не подходят: с образованием, с орденами, знатные. Да к тому же все женатые... Может, пограничники приплывали с косы?

Было известно, что накануне молодайка бегала с девчатами на заставу смотреть кинофильм. Может, кого-нибудь и допекла. Может, кто и отомстил из ревности, с досады.

Конон Макарович решительно отбросил это предположение:

— Даже подумать грешно на пограничников! Там хлопцы культурные и дисциплинированные. Никак не могло такого быть с их стороны.

— А, может, турки? — высказал предположение дед Гарасько и, спокойно, зевая, поглядел в морскую даль.

— Те могли б... Но попробовали бы только проникнуть в наши воды!.. Руки коротки.

Так и разошлись, ни на ком не остановившись. Дед Гарасько, ополоснув в море ложку, поплелся домой; Конон Макарович подался в поле, к хлопководам; рыбаки один за другим разбрелись по куреням.

Вскоре у погасшего костра остался один Иван Латюк, молодой рыбак-новичок. Он не принимал участия в общей беседе.

Сидел, курил папиросу за папиросой и мрачно смотрел на море. В рыболовецкую бригаду Иван Латюк попал несколько недель назад из группы переселенцев, прибывших на побережье из западных областей. Хотя у него еще не было нужного рыбацкого опыта, однако своим трудолюбием и расторопностью он успел завоевать симпатии пожилых рыбаков. Бригадир как-то даже похвалил его на собрании и предвещал парню хорошее будущее.

Вутанька Гуслистая с первого дня понравилась парню. Веселая, красивая, толковая молодица! Точь-в-точь, как девушка: идет, словно на пружинах, как глянет, — тебя в жар бросает. И все она знала лучше, чем Иван. Умела ладить сети и править баркасом, знала названия всех морских рыб... Ивана тоже учила, не держала свои знания в секрете.

— Какой сегодня ветер, Иван? — часто спрашивает утром, и, если парень ошибается, — смеется и сама говорит, какой...

И так, день ото дня, все больше нравилась Ивану. Видел Вутаньку в праздники, когда молодежь собиралась возле клуба. Другие девчата были от него как бы скрыты туманом: одна Вутанька ярко горела, как куст калины.

Как-то сказала шутя:

— Оженим тебя, Иван, на самой лучшей хлопководке-героине. Ты не бойся, что они в таком почете... У тебя тоже все данные есть.

— У меня? — смутился парень.

— А как же! — обнадежила его Вутанька. — Вот подучишься, освоишься, а наступит сезон — станешь ходить в море... Ты своего добьешься: кто честно трудится, тому у нас привет и любовь!

О, на работу Иван был горяч. На руках у него мозоли, как орехи. Чувствовал, что ценят его за это, со всех сторон поддерживают, лишь бы только рос и поднимался... Хорошо складывалось пока что: и работа по душе и люди приятные.

Но Вутанька! С ней дело хуже. Ходит такая золотая, смуглая, свежая, будто только что из моря. Каким боком ни повернется, — всем хороша, морочит Ивана, привораживает. Уже подумывал, что могла бы стать ему верной женой. Уже мечтал, как взяла бы она его чубатую голову и прижала к своей высокой груди...

Как-то Вутанька ставила парус, а он помогал ей. Перебирая шнур, невзначай коснулась голым локтем руки Ивана. Что было! Огнем пронизало парня насквозь, потемнело в глазах...

— Вутанька!..

Она даже отшатнулась:

— Что с тобой, хлопец?

— Ты могла бы меня любить?

— Спрашиваешь!

И засмеялась звонко. Явно переводила разговор на шутку, а для него это было совсем не шуткой.

Накануне Ивану пришлось сдавать рыбу, и на берег он вернулся уже в сумерки. По дороге решил, что нынче вечером Вутаньке от него не отвертеться, не отбояриться... То ли вызовет ее к баркасу, то ли проберется к ней в курень, но добьется определенного ответа.

Однако когда пришел на берег, Вутаньки в бригаде не было: она унеслась с девчатами на заставу смотреть кино.

Вначале Иван хотел податься вслед, но товарищи отговорили: давно началось, верно, докручивают уже последнюю часть.

Остался на свою беду. Незабываемый, каторжный вечер!

Вутанька не выходила из головы, заполонила все его встревоженное, распаленное сознание. Глянет на море, — а она выходит по волнам из моря, глянет на поле, — а она смеется ему оттуда!

Вечер был мягкий, теплый, густо настоенный на степных запахах. Звал в свои неизмеримые таинственные просторы всех влюбленных, всех счастливых. Звезды мигали, как перед дождем; море убаюкивающе шелестело волнами по всему побережью. Далеко на горизонте, как из черной огромной пропасти, изредка взвивались белые сухие зарницы, а грома не было слышно.

Иван лежал возле куреня, заложив руки под голову, и слушал, как гудит движок на заставе. Рыбаки тихо пели у костра, и эта песня, ей же ей, была о нем, об Иване Латюке! «Брала вдова лен дрибненький...» Лен ли в поле, рыбу ль в море — разве это не все равно? «Она брала-выбирала, тонкий голос подавала». Было такое, подавала. «Чому не пьешь, не гуляешь?». Охо-хо-хо! Где уж там пить, где ему гулять!

Потом и песня кончилась и движок на заставе умолк. Только тракторы неутомимо урчали где-то в глубине степи.

Иван лежал возбужденный, взволнованный. Бригадир, проходя в курень, окликнул его, но Иван не отозвался, притворился спящим.

Напряженно, сторожко прислушивался: не пройдет ли, не зашелестит ли неожиданно в темноте?..

Ровно в одиннадцать прогудел пассажирский. Он шел по морю наискось, белогрудый, величественный, в гирляндах ярких огней. Радио играло на пароходе, пары стояли у поручней. Проплыл, исчез пароход, и горизонт после него стал еще темнее.

Движок давно уже смолк, а Вутаньки все не было. Только море лениво шумело в ногах у Ивана да немые зарницы насмешливо подмигивали ему издалека.

Представил себе, что она сейчас сидит с кем-то вдвоем, млеет в чьих-то объятиях и тоже смотрит на эти далекие зарницы. И рассказывает кому-то, смеясь, об Иване, о том, как он набивался к ней со своей тяжелой, неуклюжей любовью.

Больше он не мог сдерживать себя. Порывисто встал, оглянулся: товарищи спали, костер чуть тлел.

Не находя себе места, пошел наобум, вслепую вдоль берега, пока не очутился возле баркаса, где мечтал поговорить с ней в этот вечер... Неожиданно наткнулся в темноте на ведро с мазутом и припомнил вдруг, как когда-то давно в их селе парни мстили девчатам... Здесь, в темноте, у баркаса, и зародился иванов грех.

А сейчас все уже произошло и ничего не исправишь. Иван чувствовал себя хуже, чем когда бы то ни было.

Все обернулось против него. Не так здесь воспринимаются пятна, как воспринимались они в старое время в их селе. Не Вутаньку травят колхозники, а, наоборот, разыскивают обидчика сообща. Да и разве хотелось ему, чтобы Вутаньку травили? Ни за что! Иван первый взял бы ее под защиту, пусть бы только прислонилась к его плечу...

Правда, защитников у нее и так хватает. Все теперь встало за Вутаньку: и то, что муж погиб на фронте, и что она, когда нужно, умеет по заслугам кое-кому отпустить пощечину, и что честно тянет с рыбаками невода, не чураясь самой тяжелой работы. Не пристал к ней мазут, зато у самого Ивана, наверное, скоро на лбу выступит...

Плохо было ему сейчас, горько. Чортов мазут, откуда он взялся на его пути?

Разговор за завтраком был для Ивана сплошной пыткой. Ему казалось, что и рыбаки, и Конон Макарович, и дед Гарасько — все они наверняка знают, кто напакостил ночью, и только делают вид, будто Иван вне подозрений. Нарочно выставляют перед ним то пятого, то десятого, то трактористов, то пограничников, гадают и примеряют: способен ли хоть кто-нибудь из перечисленных учинить такое?

Но ни один не подходит! И это действительно так, Иван сам уверен в этом. «Может, турки?..» А, чорт тебя дери! Это значит, что Иван должен себя отныне турком считать!.. Сидит турок среди вас, хлебает молча юшку, а вы его милуете, щадите...

А, может, и в самом деле считают его таким, как другие: культурным и порядочным парнем?

От различных догадок голова у него шла кругом.

«Ослеп я в ту минуту возле мазута, совсем ослеп, браты: зарниц насмотрелся!»

Часа через два пришла на берег Вутанька. Держала себя так, словно ничего не случилось: была веселая, беззлобная.

— Выковыряла, замазала, завтра и побелю, — спокойно хвалилась она перед рыбаками.

— А мы здесь все искали кандидата, — начал бригадир. — Не находится, куда ни кинь... Даже как-то странно.

— Мне самой трижды странно.

— Но кого-нибудь ты все же подозреваешь?

— Никого! — отрезала Вутанька и, как показалось Ивану, сверкнула глазами в его сторону.

Парня бросило в жар, и он почувствовал, как на лбу у него упрямо, тяжело выступает мазут.

До самого вечера он ходил подавленный, молчаливый. Вечером тянули невода, но вместо рыбы вытащили с полтонны «сердца», как называют между собой рыбаки огромных студневидных медуз. В соседних бригадах было не лучше. Рыбу ждали через несколько дней.

С наступлением темноты Иван незаметно исчез с берега. Вутанька первая хватилась, что его нет возле куреней, и почему-то подосадовала на свою зоркость. В конце концов, что ей до Ивана? Правда, она привыкла видеть вечером около костра его плечистую фигуру, ей приятно было слушать его певучий басок... Вчера поймала себя даже на том, что искала его глазами на заставе, думала, придет в кино...

Интересно, где он пропадает по вечерам? К кому стежечку протаптывает? Раньше не думала, что это имеет для нее какое-то значение, а сейчас...

Вскоре Вутанька уже спешила по тропинке, которая пролегла от моря к селу. Надвигался дождь, а у нее дома белье развешано, надо снять на ночь, внести в хату... Поднялся ветер, стало пасмурно. Там, где вчера только зарницы поблескивали, сегодня вспыхивало уже полнеба и глухо погрохатывал гром.

У самого села Вутанька свернула с тропинки и пошла к хате напрямик, огородами. Вошла во двор и вдруг застыла на месте: у ее хаты кто-то стоял. Может, опять тот самый пришел мазать стену?

Так и есть! Может, дьявол: то нагнется, то выпрямится, размашисто водя чем-то по стене.

На цыпочках подкралась ближе и остолбенела, не веря своим глазам...

У стены орудовал Иван Латюк. В руке у него была щетка, у ног ведро... с белой глиной.

Белил!

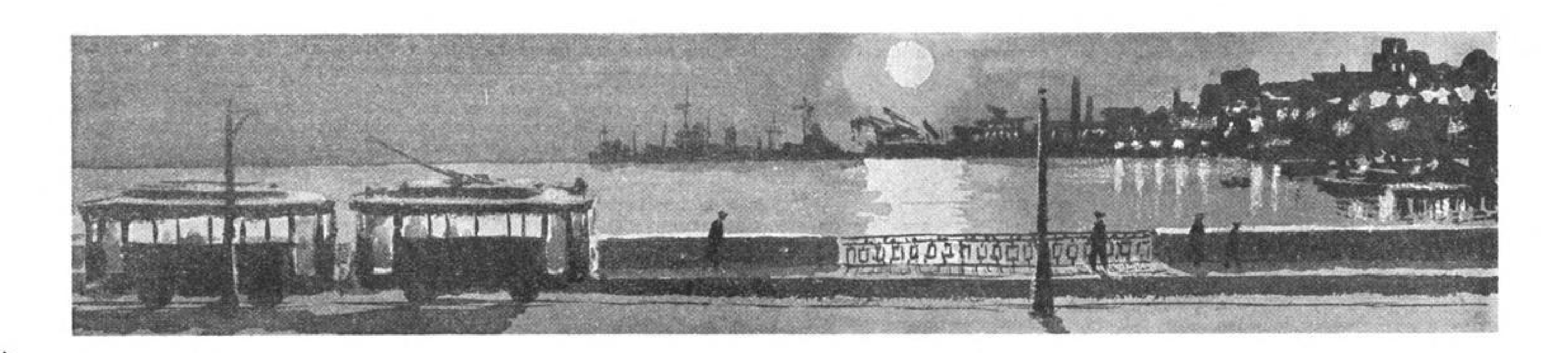
Притаившись, стояла Вутанька у него за спиной и, напряженная, взволнованная, следила за тем, как азартно работает парень.

Так продолжалось минуту, две... Потом где-то над морем сверкнула огромная молния, и Вутанька с Иваном одновременно обернулись...

Ослепительное сияние вздрагивало в тучах...

Авторизованный перевод с украинского
Льва ШАПИРО

Copyrighted material

В ПРИМОРСКОМ ГОРОДЕ

Повесть*

Михаил МАКЛЯРСКИЙ

Рисунки О. Верейского

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Наумова шла на допрос до последней степени изнуренная противоречивыми мыслями и чувствами, которые начали осаждать ее, как только она вернулась в камеру после первой встречи с подполковником.

Оставались две—три минуты до новой встречи, до новых вопросов, на которые она должна будет отвечать. Но что отвечать? Сказать: «Я виновна, у меня нет больше сил утаивать правду!» Или, как прошлый раз, глядя прямо в глаза следователю, уверенно лгать, изворачиваться, заметать следы?..

Шаг, еще шаг, еще... Вот и дверь, ведущая в комнату, где сидит секретарь подполковника, а Наумова все еще мечется между желанием сложить оружие и желанием из последних сил продолжать борьбу.

Вчера, вернувшись после первого допроса в камеру, она легла на уже знакомую ей койку. «У него нет никаких улик, никаких! — мысленно твердила она. — Нет и, значит, не будет! Откуда они могли бы взяться?.. Значит, я выйду из тюрьмы, снова займусь своей работой в поликлинике... Нет! Я уеду. Подальше от этого города, от всего, что могло бы мне здесь напоминать... А куда я уеду от своих мыслей?» Никогда, никогда она не сможет отделаться от мысли, что перед ней — было время! — открывалась широкая жизненная дорога, а она пошла по извилистой тропке, приведшей ее к катастрофе. Как же это случилось? Где был ее «трезвый ум»?

Она лихорадочно восстанавливала в памяти прошлое...

Брак ее с Николаем Наумовым произвел в среде товарищей по университету впечатление внезапно разорвавшейся бомбы. За все годы, проведенные в аудиториях, столовке, общежитии, они привыкли видеть Ольгу Армфельд интересующейся только тем, что имело непосредственное отношение к учебным занятиям. Она всегда была замкнута, до неприятности суха в обращении, ни в чем не проявляла эмоций — ни в чем, кроме науки, которой занималась со страстью. «И вот вышла замуж».

Как это произошло? Решающую роль здесь сыграло то, что Ольга Армфельд иронически именовала «социологическим фактором». «Не следовало пренебрегать возможностью тем или иным способом украсить свою биографию».

Что же касается Николая Харитоновича Наумова, крестьянина из села Ольховки, Курской губернии, то его привлекло к Ольге Армфельд прежде всего ее необычайное трудолюбие. Присмотревшись поближе, он увидел в некрасивой замкнутой девушке волевую натуру, упорно продвигавшуюся к намеченной цели. Вспомнил одобрительные отзывы профессоров, полагавших, что из Армфельд может выработаться ученый. А сам он втайне мечтал как раз о дороге врача-исследователя, открывателя новых путей в медицине. Так постепенно у молодого парня возникло чувство восхищения, которое он, будучи застенчивым, тщательно скрывал. С годами это чувство сделалось, может быть, менее восторженным, но зато стало более интимным и превратилось в настоящую, сильную любовь.

И вот сейчас же по получении дипломов брачный союз был заключен. Одна сторона вступила в него, исполненная надежд на счастливую жизнь; другая пришла к нему, движимая точным и трезвым расчетом.

Мечтая о будущем, Наумова снова ощущала прилив честолюбия и опять стала подумывать о карьере. «Чорт с ней, с мечтой, навеянной Артуром Гревсом с его политическим салоном! Опершись на такого мужа, как Николай Наумов, вполне можно с должности рядового врача пробраться на вершины медицинской администрации».

Однако замужество оказалось не только «украшением биографии». Ольга Эрнестовна вдруг с удивлением почувствовала, что сердце ее согревается каким-то чудодейственным теплом. Словом, нежданно пришла любовь, а с любовью — новая жизненная цель: Ольга Эрнестовна Наумова решила создать крепкую семью, которая сторицей вознаградит ее за все житейские неудачи. И она ощутила такую радость, что на время даже забыла о своих счетах с советским государством. Впрочем, она не удержалась, чтобы мысленно не сказать с обычной язвительностью: «Этот капитал, семья, национализации, кажется, не подлежит. Это мое навсегда!»

Могла ли она думать, что и тут потерпит крушение?

Счастье было атаковано со стороны, которая не внушала ни малейших опасений. Да, тревогу вызвало поведение мужа, явно недовольного тем, что Ольга Эрнестовна пыталась отгородить их семейную жизнь высокой стеной от всей вселенной. Назревающую размолвку предотвратило рождение дочери, — в доме воцарилось что-то вроде идиллии. Но прошло некоторое время, и, как ни сдерживал себя Николай Харитонович, однажды его прорвало.

— Извини меня, Олюшка, — осторожно сказал он в один из вечеров, — я давно хочу сказать тебе... Ну, словом, мне кажется, что ты... тратишь слишком много сил на семейные дела...

— Но семья, дом — это и есть главное дело моей жизни.

— А работа? Твои научные интересы?

— Теперь это уже не главное дело, — категорически ответила Ольга Эрнестовна.

— Я не понимаю...

— Да, Николай, ты, видимо, плохо понимаешь, что для меня означает семья.

— Нет, понимаю! Теперь я понимаю, но не одобряю такой любви и такой семьи, которые обязательно должны вытеснить из сердца, из сознания весь мир.

Разговор затянулся до глубокой ночи, и каждый из них про себя решил, что теперь, при таком расхождении взглядов, жизнь их не будет протекать так дружно и счастливо. Однако разрыв наступил лишь в январе тысяча девятьсот тридцатого года.

Николай Харитонович пришел в этот день значительно позже обычного в состоянии крайне возбужденном.

— Знаешь, Оля, с кем я сегодня встретился?

Ольга Эрнестовна подняла глаза и выжидательно посмотрела на него.

— Федьку Конопатого, вот кого я встретил сегодня на московской улице, — со смехом сказал Николай Харитонович. — А ты знаешь, кто это?

Ольга Эрнестовна молчала.

— Был у нас в Ольховке такой мальчишка — Федька Ракитин, по прозвищу «Конопатый». Одногодок мой. Так вот, из этого лядащего, но шустрого мальчишки вырос здоровенный дядя — Федор Петрович Ракитин. И теперь он у нас в Ольховке председатель только что организованного колхоза. Зашли мы с ним в ресторан, пообедали... Пожалуй, больше разговаривали, чем ели... Вернее даже, он говорил, а я больше слушал...

— И что же ты услышал, Николай? — спросила Ольга Эрнестовна с глухим раздражением.

— Это, Оля, целая эпопея, я тебе обязательно ее расскажу. Тебе обязательно все это надо знать, потому что...

— Можешь не договаривать!.. А конец этой эпопеи я сама расскажу. — Она пристально посмотрела на Николая Харитоновича, потом сказала медленно: — И ты, Николай... вспомнил родные палестины, расчувствовался и... решил...

— Нет, сентименты тут не при чем.

— Значит, я права — ты решил?

— Да, но главное, Оля, что сейчас в деревне культурные силы нужны дозарезу. Я вовсе не предлагаю ехать непременно в Ольховку. Поедем, куда пошлют, где мы нужнее. Ты только подумай, Олюшка, что сейчас в деревне делается! Ведь это же величайшая революция!

— Представь себе, я уже подумала.

Сбитый с толку насмешливым тоном жены, Николай Харитонович с недоумением посмотрел на нее.

— Если хочешь, могу пояснить... — Ольга Эрнестовна глубоко вздохнула, точно ей было душно. — Изволь. Взяв власть, больше-

* Окончание. См. «Огонек» №№ 46, 47, 48, 49, 50.

Copyrighted material

вики сравнительно легко могли уничтожить буржуазию, о нэпманах и говорить нечего — это была накипь, но крестьян...

— Постой! Ты-то что в этом понимаешь?

Не слушая мужа, Ольга Эрнестовна со злорадством продолжала:

— ...Тут товарищи большевики просчитались! Мужика им не одолеть, и шею они себе сломают наверняка!

— Ты... ты понимаешь, что ты говоришь?

— Еще бы!

— Нет, это бред какой-то!..

Снова их разговор затянулся до поздней ночи... Нет, это был не разговор, а жаркая, беспощадная словесная схватка. На этот раз все было высказано без утайки, и Николай Харитонович пришел к горькому выводу, что он жестоко обманулся в жене...

Через две недели Наумов уехал на Алтай заведывать больницей в одном из районных центров.

Оставляя навсегда дом, он долго прощался с дочерью. Потом сказал Ольге Эрнестовне:

— Я все еще хочу думать, что ты, Ольга, в ту ночь многое наговорила в состоянии крайнего раздражения, но предупредить тебя я обязан: с такими взглядами легко скатиться в лагерь злейших врагов. Имей это в виду... Прощай!

Однако не прошло и двух месяцев, как Ольга Эрнестовна, оставив дочь на попечение няньки и получив отпуск, помчалась на Алтай. Ее погнало желание попытаться сохранить семью, главную цель ее жизни.

Наумов не поверил глазам своим, когда Ольга Эрнестовна вошла в его маленькую комнатку при больнице, тускло освещенную керосиновой лампой.

— Ты?! Что случилось? Ирушка?

— Ирушка здорова. Я к тебе... я, Николай, не могу так. Я приехала сказать тебе, что была неправа тогда. Мне стыдно... и я не могу без тебя.

Она умолкла. Ей показалось, что Наумов недоверчиво смотрит на нее.

— Это ты хорошо сделала, что приехала... — сказал Николай Харитонович. — Раздевайся. Дай я тебе помогу. Иззяблась? Отогревайся, садись вот сюда... Я сейчас согрею чай, а потом поговорим. Только почему не предупредила? Я бы встретил на станции.

Поговорить им не удалось: за Наумовым прислали нарочного из соседней деревни — требовалось оказать помощь женщине, у которой начались преждевременные роды.

Оставшись одна, Ольга Эрнестовна задумалась: «Поверил или нет? Он сказал: «Хорошо сделала, что приехала». Значит, поверил?.. Ах, дура, дура! Где же был твой хваленый трезвый ум? А Николай тебе нужен, нужен! Еще не раз может пригодиться в качестве мужа Ольге Армфельд бедняцкий сын Николай Наумов».

Она долго ждала возвращения мужа и, не дождавшись, заснула, положив голову на стол.

Ночью ее растолкала какая-то плачущая девушка. Сквозь ее рыдания слышалось:

— Вставайте... Вставайте!.. Вас... требуют в... больницу... Фельдшер требует... Доктора... нашего доктора... кулаки... убили...

...Похоронив на невзрачном деревенском погосте тело мужа, Ольга Эрнестовна раскинула умом и пришла к выводу, что смерть мужа не такое уж большое несчастье. «Еще неизвестно, как окончился бы мой разговор с Николаем и сколько лет я могла бы удерживать его при себе... Теперь все ясно... Теперь я на всю жизнь вдова бедняцкого сына, павшего жертвой кулацкого террора...»

Наумова пробыла на Алтае более года и уехала в Москву, напутствуемая самыми горячими пожеланиями успехов в дальнейших трудах. Она увозила с собой многочисленные письменные свидетельства ее самоотверженной врачебной и культурно-просветительной работы; все это заняло впоследствии почетное место в ее «личном деле». Сверх того, она везла с собой горчайшее разочарование: ее надежды на то, что политика коллективизации приведет большевиков к крушению, лопнули, как мыльный пузырь. Она вынуждена была признать, что основная масса крестьянства бесповоротно вступила на колхозный путь и в деревне не было уже мало-мальски серьезной силы, способной поколебать, а тем более разрушить новый общественный порядок. Вот почему впоследствии она не удивилась и разгрому троцкистов и всех иных подпольных антисоветских организаций: она понимала — внутри страны у них не было никакой опоры.

Оставалась одна надежда — на иностранную интервенцию.

Когда началась Отечественная война, она ни минуты не сомневалась в том, что полчища Гитлера сотрут с лица земли ненавистный ей общественный строй.

В октябре Наумову назначили заведывать пунктом медицинской помощи на одном из участков строительства оборонительных рубежей под Москвой.

Тысячи москвичей, главным образом женщин, увязая в раскисшей от дождей глине, сооружали противотанковые рвы, огневые точки, траншеи и укрытия для пехоты. Люди работали самозабвенно, не переставая трудиться даже тогда, когда над их головами появлялась вражеская авиация.

По временам ветер доносил звуки артиллерийской стрельбы, как бы напоминая строителям, что не законченная еще полоса укреплений может каждую минуту стать передним краем обороны. Люди удваивали, утраивали свою энергию, а Наумова, наблюдая за ними, в озлоблении думала: «Все равно не удастся достроить...» Ей нетерпелось как можно скорее стать в ряды тех, кто нес смерть и рабство советским людям.

Но сооружения были достроены. Они даже не понадобились: враг был остановлен на более далеких рубежах, а потом получил сокрушительный удар и стал быстро откатываться на запад. Всю силу этого удара ощутила и Наумова.

Осенью сорок второго года, в дни ожесточенных боев под Сталинградом, решивших исход войны, дочь Наумовой Ирина, волнуясь и путаясь в словах, объявила о своем намерении уйти на фронт.

Уже не один год Ольга Эрнестовна сознавала, что лишь тоненькая ниточка связывает дочь с нею. Как это случилось, что дочь, которую она пестовала, оберегая от посторонних влияний, превратившись из маленькой и слабенькой девочки в рослую привлекательную девушку, оказалась чужой, целиком принадлежащей враждебному ей миру?

Долгие годы боролась она за душу Ирины, пытаясь воспитать дочь в своих жизненных правилах, которые Николай Наумов когда-то, щадя жену, деликатно назвал «крайним индивидуализмом». Но против матери действовала могущественная сила — созданный большевиками общественный порядок. И все усилия Ольги Эрнестовны оказались тщетными.

Когда Ирина в одном из боев в уже разрушенном Сталинграде была убита, ее мать взъярилась не против фашистов, убивших девушку с красным крестом на рукаве дубленого полушубка: она посылала свои проклятья миру, к которому принадлежали Николай и Ирина Наумовы. Ее собственный мир снова рушился до основания...

...Страшный итог подводила теперь Наумова, вспоминая свою жизнь: «Точно какой-то злой рок преследовал меня. Но я же не верю в судьбу и ее предопределения. Случайности? Нет, нет! Я должна иметь мужество признать, что пыталась бороться с силой, которая неодолима. Во имя чего? Зачем?.. Вот и этот раз — зачем я поддалась искушению американца? Бесполезно и теперешнее мое сопротивление».

Но в ней тлело и по временам вспыхивало что-то, что она определила как «инстинкт самосохранения».

Так, раздираемая двумя противоречивыми стремлениями — стремлением прекратить бессмысленную борьбу и стремлением избегнуть наказания, — она и вошла в кабинет подполковника Никонова.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

— Должен вас предупредить, — сказал Никонов, — со времени нашей первой беседы положение сильно изменилось... И не в вашу пользу.

Наумова внезапно озлобилась.

«Изменилось не в мою пользу? Наглое вранье! — подумала она. — Ты считаешь меня за дуру?.. Хорошо! Я тебе покажу, какая я дура...»

Она решила бороться. Теперь нужно было выиграть хоть немного времени, чтобы собраться с силами.

Никонов сам ей в этом помог. Он продолжал:

— Предупредив об этом, я снова вас спрашиваю: вы не хотите рассказать о том, как попала в ящик с медикаментами ампула, наполненная ядовитым веществом?

— Я ждала этого, — сказала спокойно Наумова.

Никонов не понял:

— Ждали?.. Чего?..

— Ждала того, что именно я окажусь в ваших глазах виновной.

— Вот как?

Никонов искренно изумился: он был сбит с толку заявлением сидевшей перед ним женщины.

— Да, этого следовало ожидать, — в голосе Наумовой звучала горечь. — Я ведь всю свою жизнь чувствовала себя парией из-за моего происхождения... Всю свою сознательную жизнь я чувствовала на себе недоверчивый взгляд новой власти, и сколько я ни стремилась доказать...

Никонов подумал: «Вот ты какая!»

— Погодите! — остановил он Наумову. — Неправду вы говорите. Все факты свидетельствуют против этого. Вспомните!.. Новая власть, как вы ее назвали, дала вам возможность получить высшее образование. Вы были оставлены по окончании университета при университетской клинике. Может быть, это акт недоверия? Ваш отец был принят на государственную службу, а позднее, когда уже лишился трудоспособности, получал пенсию... Может быть, это акт недоверия?.. Кстати, государство о нем заботилось, а вы, его дочь, не позаботились о том, чтобы его, дряхлого старика, взять к себе даже после того, как началась война... Не знаю, известно ли вам, что он умер при гитлеровцах вскоре после того, как они вошли в Бобруйск, не от дряхлости, а оттого, что он лежал больной и всеми покинутый, не имея сил подняться, чтобы выпить глоток воды... Одна из соседок по дому обнаружила его мертвым тогда, когда из комнаты уже стал ясно слышаться запах разложения...

— Откуда?.. — Наумова не смогла договорить своего вопроса.

— Откуда я знаю такие подробности? Час тому назад я их получил по моему запросу из Бобруйска... Вообще, — сказал Никонов, — только глубоко чуждый советской власти человек может обвинить наше государство в злопамятности. Нет, Наумова, ваше происхождение в данном случае не играет никакой роли. Вы ошиблись... если действительно так думали.

Он пристально посмотрел на женщину.

Наступило молчание.

— Я верно понимаю вас? — спросил подполковник. — Вы не хотите признаться в своей вине?

— Я ничего не знаю... — еле слышно проронила женщина.

— Тогда извольте отвечать на вопросы, но помните, что ложь усугубит ваше и без того тяжелое положение.

Наумова промолчала.

— Ответьте, куда вы поехали в воскресенье двенадцатого сентября, окончив работу в поликлинике?

— Двенадцатого?.. Несомненно, домой!

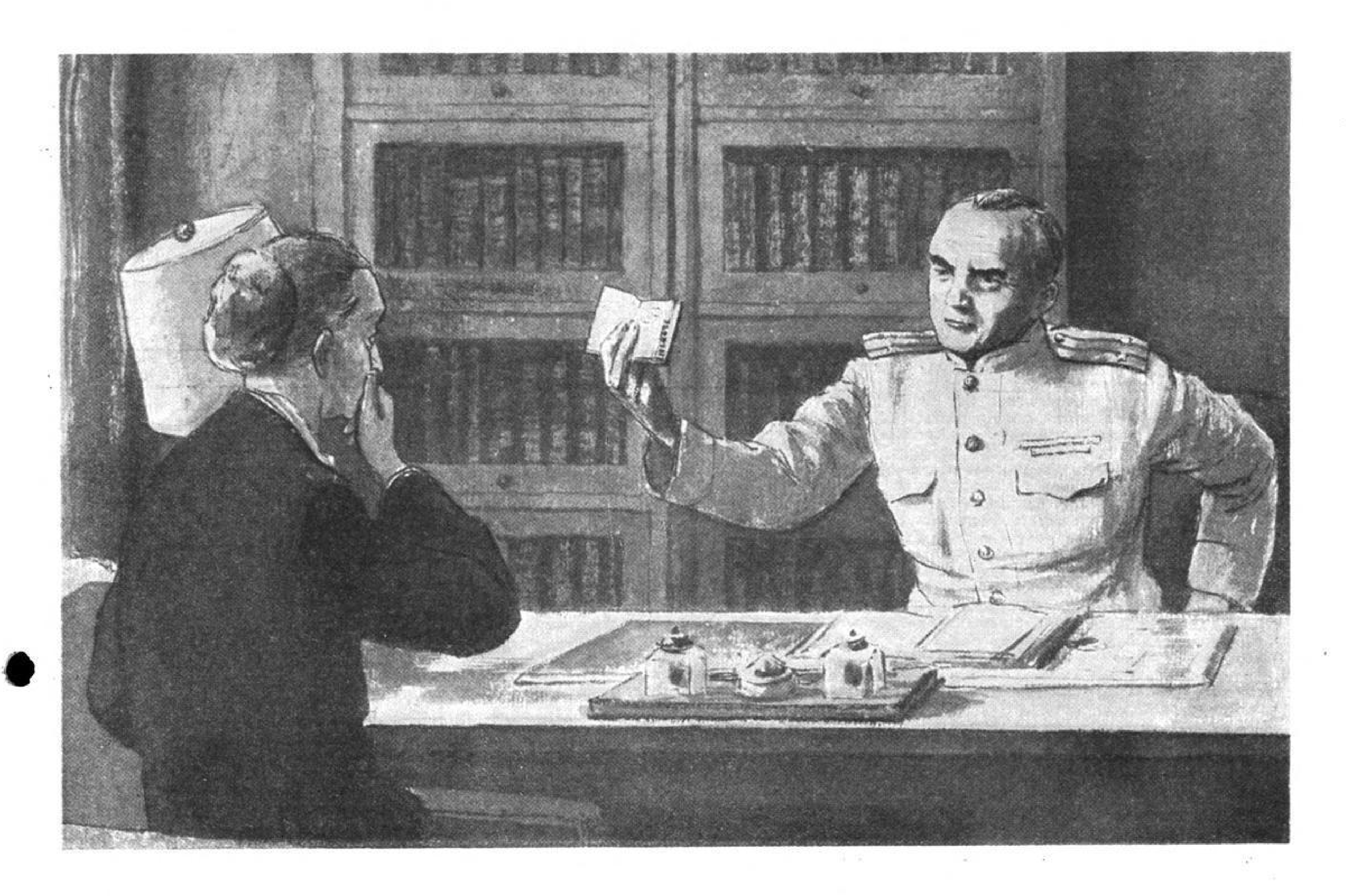
— Прямо домой?

— Да!

Никонов записал вопросы и ответы.

— Подпишите, — сказал он, протянув протокол допроса и ручку.

Copyrighted material

Наумова внимательно прочитала и, выводя четкие угловатые буквы, подписалась.

Никонов взял протокол.

— Теперь ответьте, Наумова, почему вы, направляясь домой, сели в трамвай, который шел не в центр города, а в обратном направлении?

— Я... — Наумова запнулась, — это какая-то ошибка...

— Значит, вы сели в трамвай, который шел в центр?

— Да.

Никонов снова записал вопросы и ответы. Наумова так же четко подписалась.

— Так... — Никонов немного помедлил. — Мы обнаружили в вашей сумке старый трамвайный билет. Он был куплен вами двенадцатого сентября. А вот из этой справки Управления городского трамвая явствует, что вы его купили в вагоне, который шел...

— Извините, — перебила Наумова, — я забыла. Теперь вы напомнили... Да, конечно. Это было ведь в воскресный день? Я теперь точно вспомнила: на «Динамо» был футбольный матч. Зрители разъезжались, вагоны шли в центр битком набитые. Сесть было нельзя, вот я и поехала в обратном направлении... — Наумова говорила спокойно, без малейших пауз. — ...Мы часто вынуждены так делать в дни футбольных матчей.

Никонов записал показания Наумовой. Наумова снова их подписала.

— Вы говорите неправду, Наумова! — подчеркнуто спокойно сказал подполковник. — По записям кондукторши установлено, что этот билет был куплен вами вскоре после трех часов, то есть когда матч только что начался. В это время вагоны шли в центр свободными.

— Кондукторша ошиблась! — с вызовом возразила Наумова и подумала: «Может быть, я и пропала, но ты у меня еще покрутишься».

Никонов ощутил прилив острой ненависти. Он боялся сорваться со спокойного тона и мысленно говорил себе: «Тихо, тихо, Леонид, тихо... Гнев — плохой помощник в таких делах».

— Итак, вы все-таки в этот день поехали домой, сев в вагон, шедший от центра к концу...

— Я уже объяснила...

— Ваше объяснение записано, Наумова. Я снова напоминаю вам, что оно ложно. Теперь ответьте: с кем вы встретились после того, как вагон миновал стадион, кто на этой остановке подсел к вам?

— Я... — Наумова снова запнулась, потом еле вымолвила: — Я ни с кем не встречалась.

Когда и это показание было скреплено подписью, Никонов сказал:

— Должен довести до вашего сведения: этот человек арестован. Вы напрасно все отрицаете... Но пойдем дальше...

Подполковник стал листать лежавшее перед ним дело: он знал, что Наумова находится сейчас в таком состоянии, когда ей труднее всего переносить паузы, возникавшие в разговоре.

Никонов, закрыв папку, задал вопрос:

— Среди ваших знакомых есть иностранцы?

— Нет!

Показания снова были записаны, и Наумова их подписала.

Тогда Никонов открыл ящик стола и вынул из него записную книжечку.

— Скажите, Наумова, это ваша записная книжка?

Он поднял ее, держа за угол двумя пальцами.

Наумова судорожно глотнула воздух. «Где они нашли ее?» — подумала она.

— Да, это моя книжка.

— Хорошо, что вы хоть этого не отрицаете, — усмехнулся подполковник. — Здесь у вас записан телефон: один-сорок пять-семьдесят два. Чей это телефон?

— Одного моего знакомого, — сказала Наумова внезапно охрипшим голосом. Она поняла, что наступает самый решительный момент допроса.

— Какого?

— Мне не хотелось бы его называть..

— Отвечайте!

— Это не имеет отношения к делу.. Это — случайное знакомство.. Мы познакомились на трамвайной остановке...

— Ложь, Наумова!

— Нет, правда!

— Кто он?

— Я... точно не знаю... Кажется.. инженер...

Никонов насторожился.

— Как его зовут?

— Александр Николаевич..

— Я спрашиваю фамилию, — поправился подполковник и подумал: «Неужели она имеет в виду Краенко?.. Неужели она опять ускользнет?»

— Фамилия?.. Фамилии я его не знаю... Он назвался по имени и отчеству, и я встречалась с ним всего два.. нет, три раза.

Наумова увидела, как изменилось выражение лица Никонова: на нем выступила усталость, пожалуй, даже разочарование.

Никонов бросил книжечку на стол, вынул из портсигара папиросу, размял ее и закурил.

Сердце Наумовой забилось от радости: у нее родилась уверенность, что она благополучно миновала самый страшный подводный камень на пути допроса. Между тем наступил момент ее поражения.

— Скажите, Наумова, — спросил безразличным голосом Никонов, — почему же вы записали в алфавитной книжечке телефон вашего бесфамильного знакомого... Александра Николаевича на странице с буквой «К»?

До Наумовой, все еще переживавшей нежданную радость, смысл вопроса дошел не сразу. Потом она поняла, открыла рот и тут же в отчаянии зажала его рукой. Сквозь пальцы просочился какой-то булькающий звук.

Copyrighted material

Она была поражена.

— Можете не отвечать. Я скажу вам сам: потому что этот телефон установлен на квартире человека, которого вы знаете и по фамилии, и зовут его вовсе не Александр Николаевич... Фамилия его...

— Не надо! — со стоном сказала женщина. — Все!.. Я все расскажу сама...

— Поздновато, Наумова... Ну, что же! — Никонов быстро написал несколько строчек в протоколе допроса. — Подпишитесь здесь, чтобы мы уже не возвращались к вопросу о том, знакомы ли вы с Кларком.

Наумова дрожащей рукой в шестой раз поставила свою подпись; угловатые буквы впервые расположились на бумаге вкривь и вкось.

Никонов вызвал Артемьева.

— Пришлите стенографистку... Да, вот еще что: пусть зайдет капитан Анохин с арестованным Мещерским.

Он обратился к Наумовой:

— Я хочу, чтобы вы опознали человека, с которым встретились в трамвае двенадцатого сентября. Это ведь он передал вам ампулу?..

Наумова кивнула головой...

...И вот стенограмма показаний Наумовой лежит на письменном столе подполковника рядом с фотографией Кларка. «Что вы скажете теперь, капитан Кларк? — Никонов улыбается, не скрывая своего торжества. — Могу сообщить еще одну новость: у Мещерского после очной ставки с Наумовой полностью восстановилась память... Вас интересует поведение Агибалова? Встретившись с Наумовой в моем кабинете, он сразу понял бессмысленность запирательства. Я полагаю, что теперь у меня есть возможность со всех сторон осветить вашу «дипломатическую» деятельность... Да, дело о покушении на жизнь инженера Дмитриева можно считать законченным, и теперь мы займемся другими вашими художествами, о которых уже успели поведать Агибалов и Мещерский».

— Ну вот, — сказал Никонов сурово и вместе с тем язвительно, глядя на портрет Кларка, — погостили, капитан, на нашей земле и хватит! Теперь вам придется отправиться восвояси... не солоно хлебавши, господин отравитель.

Кларк придал своей улыбке смысл обидного снисхождения.

«Ничего, — подумал Никонов, — скоро вы перестанете улыбаться... Поразмыслите, кстати, по дороге в Соединенные Штаты, сколь обрадован будет вашему триумфальному возвращению ваш шеф... Кажется, полковник Паттон? Что же касается вашего народа, который вы намереваетесь втянуть в новую войну, то он когда-нибудь воздаст вам должное».

Никонову на мгновенье показалось, что Кларк перестал улыбаться и лицо его вдруг стало весьма озабоченным.

Около семи часов вечера, когда подполковник кончил писать докладную записку по делу Наумовой и других американских шпионов и террористов, орудовавших в приморском городе, в кабинет тихо вошел Артемьев. Подойдя к письменному столу, он нерешительно промолвил:

— Извините, Леонид Федорович, вы приказали не тревожить, но... у меня доктор Вакулов, и я подумал...

— Что? — спросил Никонов, не сразу оторвавшись от бумаг. — Вакулов? Здесь?.. Давайте его сюда.

Он вскочил и пошел вслед за Артемьевым.

— Входите, входите, Василий Георгиевич! — сказал он, протягивая руки остановившемуся на пороге Вакулову. — Как же это так?.. Я думал, что вы давно уже дома... Садитесь... Нет, давайте лучше сядем там.

Никонов указал на кресла, стоявшие около овального стола.

— Я хотел, — ответил Вакулов, — прежде чем ехать домой, повидаться с вами... Товарищ Киселев проводил меня сюда.

— Понимаю... И благодарю, Василий Георгиевич. Вот как оно получилось...

— Вы знаете, Леонид Федорович, я не сомневался, что все, в конце концов, будет хорошо. Но не ожидал, что так скоро.

Никонов кивнул головой.

— Вы только, — сказал он, — не относите это за счет моей особой проницательности. Просто нам с вами повезло. Конечно, мы все равно распутали бы этот клубок, но, очевидно, не так быстро. Впрочем, я не знаю: правильно ли говорить «повезло»? Тут мне немало хороших людей помогало... Одних вы знаете, а других нет... Есть, например, такая чудная девушка, Сургучева. Очень сметливая молодая девица...

Подполковник на секунду остановился.

— ...Не могу удержаться — хочется открыть вам один профессиональный секрет... Знаете, когда я для себя решил, что вы человек честный и правдивый?.. Когда вы не смогли мне объяснить, почему в тот день вдруг появились в заводской поликлинике.

— Да что вы!.. А мне показалось, что для вас это был самый подозрительный момент во всем моем поведении при допросе... Еще эта дурацкая история с лошадью.... Мне было так стыдно!

Оба они весело рассмеялись.

Никонов сказал:

— Я рад, что познакомился с вами. Поймите это правильно, не примите за пустую форму вежливости. Я это говорю к тому, что всегда радостно видеть настоящего советского человека... Мы ведь вроде вас, врачей, — вы на работе здоровых людей видите редко, а уж про нас и говорить нечего! Не балует нас работа по части людского материала, который проходит через наши руки. Мы... как бы это назвать?.. что-то вроде ассенизаторов. Конечно, попадаются иногда любопытнейшие человеческие экземпляры, если их можно назвать человеческими. Скорее рептилии двуногие. Вот хотя бы Наумова...

— Наумова?! — поразился Вакулов. — Неужели она?..

— Да, она. Когда-нибудь... в иной обстановке... я расскажу вам настоящую историю жизни этой женщины... А теперь подойдите к телефону и позвоните домой. Скажите, что через... — подполковник привычным жестом высвободил циферблат часов из-под рукава кителя, — скажите, что ровно в семь двадцать вы будете дома.

Граница

Владимир ЛУГОВСКОЙ

БУРЯ

Потемнела на востоке гор резьба,
Ветер дунул, ветер пыль понес в глаза.
Закурилась облаками Ак-баба,
Значит, с юга снова движется гроза.

Вот и молния рванула над хребтом.
Пограничники накинули плащи...
Вот прошел неторопливый тяжкий гром,
Хвост серебряного ливня потащил.

Буря, буря зашумела, понеслась...
Турки бросились в каморку на посту...
Разметалась, разгулялась буря всласть,
Все ущелье завернула в темноту.

Буря в скалах поднимает грозный вой.
Часовая Сопка вся кипит водой.
Но идет навстречу буре постовой
С поднятой высоко головой.

Буря, буря над деревнями гремит,
Над турецкими деревнями внизу,
Миллиардами свечей она горит,
Вся граница словно вспыхнула в грозу.

Штормовая буря
нам сродни.
Крыльев огненных ее
боится враг.
С ней
в октябрьские
мы выходили дни.
Над заставой
полыхает
алый флаг.

Буря с юга снова движется, друзья,
В синеве тяжелой, грозовой.
Но идет навстречу буре часовой
С поднятой высоко головой.

НА ЮЖНОМ БЕРЕГУ

Широкое море спокойно.
Прозрачен седой полумрак.
Сквозь иглы деревьев хвойных
Горит Ай-Тодорский маяк.

Смотря на вечерние звезды,
Ученые в парке сидят.
Темнеет недвижимый воздух.
Чуть слышно шуршит листопад.

Давно уже грохот орудий
Не катится эхом вдали.
Простые рабочие люди
Здесь отдых и радость нашли.

Громадина лунного шара
Взошла на морской полосе.
И ходят влюбленные пары
На тихом Мисхорском шоссе.

Тогда-то по лунным дорожкам
Синеет, как ночь, автомат.
Спокойно в молчанье сторожком
Идет пограничный наряд.

Идут пограничники тихо
И смотрят на камни внизу,
Какое нежданное лихо
Прикатит, как пена в грозу.

Мелькнет ли скользнувшая лодка,
Метнется ли смутная тень.
Но звезды мерцают так кротко...
Цикады, веселая лень.

Ты спросишь: какая змеится
Граница в курортных местах!
Граница, товарищ, граница,
Такая, как в дальних горах,

Такая, как в рыжей пустыне,
У Каспия на берегу,
В проливах, где сиверко стынет,
Такая, где гибель врагу.

Раскинулось море широко.
Тревожны ночные часы.
Дзержинского зоркое око
Не сходит с морской полосы.

Оркестра беспечные звуки.
В огнях санаторный сад.
Во имя труда и науки
Идет пограничный наряд.

Copyrighted material

В гостиной санатория «Михайловское» Министерства угольной промышленности СССР — одного из многочисленных санаториев, где отдыхают и лечатся советские горняки.

Фото С. Фридлянда

Copyrighted material

туденты 5-го курса физико-математического факультета Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина на занятиях в лабо-
атории. Слева направо: Татьяна Новикова — дочь железнодорожного мастера, Сергей Кисляков и Михаил Короткевич — сыновья колхозников.

Фото М. Савина

Copyrighted material

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

Беспокойные люди

...В автобазу, обслуживающую расположенный на Оке областной центр Загряжск, приходят письма из Бреста, Мурманска, Актюбинска и ряда других мест. Авторы писем откликаются на опубликованные в техническом журнале заметки мастеров автобазы. Директор базы Поляков долго сидит над этими письмами. Они говорят о том, что повсюду в нашей стране живут такие же беспокойные люди, как он и его товарищи: эти люди непрестанно стремятся что-то усовершенствовать, найти что-то новое, лучшее, а найдя, сейчас же поделиться с другими; для них, этих людей, вся страна, весь народ — один творческий коллектив, создающий будущее. Мысли Полякова перекликаются с мыслями автора романа: «Кипит и волнуется великая наша держава, но из всех удивительных дел ее ты, рядовой советский человек,— самое чудесное. Прост ты с виду, скромна твоя одежда, бесхитростна речь, но труд твой, одухотворенный великой мыслью, и мысль, воплощенная в великий труд, потрясают мир... Являешь ты миру невиданное доселе зрелище, ибо основу жизни — труд — сделал ты великой радостью».

О таких великих «маленьких» людях, как их давно уже назвал А. М. Горький, и рассказывает Анатолий Рыбаков в своем романе «Водители». Он глубоко изучил материал, о котором пишет, и мастерски создал конкретную и вместе с тем обобщенную картину трудовых будней советских людей. Писатель овладел трудным искусством изображения индивидуализированных характеров. Автор рассказал о своих героях трезво, нисколько не приукрашивая их. Он создал реалистические образы людей, увлеченных своим творческим трудом и участвующих в стремительном движении советского народа к коммунизму. Эта тема непрестанного движения вперед отразилась и на форме романа. Своеобразие книги — в единстве деловитости, обстоятельности повествования и нарастающей лирической приподнятости, основа которой — вдохновенный взгляд в будущее.

Бурные дни переживает автобаза. Ее директор Поляков, преодолевая сопротивление управляющего автотрестом Канунникова, осуществляет свою давнюю мечту о строительстве авторемонтного завода областного значения. План строительства еще только утвержден, а работники моторного цеха авторемонтных мастерских уже борются за введение более рационального технологического процесса, рассчитанного на новое помещение.

Большие творческие мечты волнуют героев романа. Нюра Воробьева добилась ремонта своего старенького грузовика; теперь, любуясь им, она верит тому, о чем ей говорил влюбленный в нее водитель Демин: и она не хуже других, и она, как Демин, сможет наездить сто тысяч километров без капитального ремонта. В кондукторе Вале Смирновой раскрываются способности диспетчера, бригадир грузчиков Королев показывает себя хорошим организатором; они создают погрузочную контору и осуществляют свою новаторскую идею — загрузку всех «чужих» машин, выезжающих на тракт порожними.

Эти люди непрестанно организуют свой труд по-новому, чтобы приносить стране все больше пользы. Автобаза работает хорошо. Но герои романа слову «хорошо» предпочитают слова «нужно лучше». Поэтому Поляков всегда обращает внимание не на то, чего автобаза достигла, а на то, чего она ещё не достигла. Поляков и люди, воспитываемые им, испытывают удовлетворение, опрокидывая старые нормы, побеждая трудности на пути к цели. Они живут умно, смело, интересно. Поэтому и высоки их требования к жизни, к людям. «Если любовь,— так только большая, настоящая»,— говорит Нюра Воробьева.

Черты, типичные для героев романа А. Рыбакова, сосредоточены в образе молодого водителя Демина. Демин — рабочий-интеллигент сталинской школы. Он поднял мастерство вождения автомобиля и ухода за ним на высоту искусства; он уважает свой труд и, говоря о нем, превращается в поэта: «Автомобиль, если хочешь знать,— это вся физика... механика — извольте, электричество — пожалуйста, свет и звук — будьте любезны. Самый совершенный аппарат, к вашему сведению,— он многозначительно поднял палец и медленно произнес: «Посадить СССР на автомобиль». Знаешь, кто это сказал? То-то... Не на паровоз, не на самолет, а именно на автомобиль. Почему, спрашивается? Потому, что автомобиль — это школа техники. Шофер — это будущий летчик, танкист, тракторист, механик. Все с автомобиля начинается». В этих словах Демина выражены профессиональная гордость, чувство собственного достоинства человека, который осознает государственное значение своей работы. Если в Москве один шофер наездил четыреста тысяч километров без капитального ремонта, а двое других сэкономили сто тридцать тысяч рублей, то и он, Демин, может это сделать. И он не согласен с тем, что его товарищи не могут работать так же хорошо. А. Рыбаков жизненно и лирически показал эту наиболее типичную черту передовых советских людей — их требовательное, критическое отношение и к себе и к другим, являющееся движущей силой их творческого роста, их достижений.

Стиль работы Полякова и коллектива, воспитанного им, очень не нравится управляющему автотрестом Канунникову, которого раздражает, злит, что Поляков вечно «выдумывает» что-то новое. Канунников не умеет руководить по-настоящему, так как, в сущности, не знает порученного ему дела и не интересуется им. Сталкиваясь с новаторством, управляющий трестом просто теряется. А он хочет жить спокойно. Поэтому он не прочь «свалить» Полякова. Канунников клевещет на него, старается создать склоку. Он нашептывает директору другой автобазы Сергееву, управляющему Трансросбытом Кудрявцеву, начальнику авторемонтных мастерских Горбенко, что Поляков слишком много о себе думает, намеревается всех учить, желает выдвинуться. Ненависть к Полякову на время объединяет управляющего трестом с проходимцем Вертилиным, которому он сам не очень доверяет. Но все интриги оказываются безуспешными. И Сергеев, и Горбенко, и другие довольны Поляковым, не обижаются на него за то, что он их встряхивает, подтягивает, помогая бороться со старым, отжившим. Очень верно и интересно показано в романе, как Канунников, в сознании которого господствуют пережитки прошлого, терпит поражение по тем же причинам, что и жулик Вертилин, пытавшийся обворовать государство. Оба они делают ставку на недостатки людей, пытаются сыграть на их узко эгоистических интересах и т. п. Они не понимают, что для наших, советских людей интересы государства неотделимы от личных. Критика и самокритика — главное оружие Полякова и его товарищей в борьбе со старым, отжившим — не оскорбляет самолюбия Сергеева и Горбенко. Они убеждаются, что критика в их же интересах. Этого «хитроумный» Канунников никак не мог предвидеть. Для него, для Вертилина психология людей, создающих будущее,— книга за семью печатями. А Поляков, глядя на эти примитивные существа с вышки своего сознания государственного деятеля, сразу разгадывает их, читает их мысли.

Неправдоподобно только, что, презирая Канунникова и Вертилина, Поляков настолько уверен в их поражении, что даже почти не борется с ними. Эта пассивность, которая совершенно не вяжется с обликом главных героев романа, проявляется и в равнодушном отношении Полякова и секретаря парторганизации Тимошина к судьбе водителя Максимова, оторвавшегося от коллектива.

Метод социалистического реализма несовместим с догматическим навязыванием писателю каких-то узких «правил» мастерства. Изобразительные средства А. Рыбакова разнообразны. Его произведение изобилует драматическими положениями, опровергая ложное представление о «бесконфликтности» советского романа, в центре которого — положительные герои. А. Рыбаков знает, как много можно выразить лирическими отступлениями, и обычно применяет этот прием, обобщая, говоря о типичности своих героев для советского народа. Изображая же Канунникова, писатель сатирически подчеркивает в его мыслях, поступках, жестах, интонациях изворотливость человека, который избрал своим призванием уменье ладить с начальством и жить без хлопот.

Советской литературой создано немало произведений о творческом труде советских людей. Роман А. Рыбакова лишний раз показывает, что писатель, обращаясь к этой теме, получает возможность изучить и изобразить самое основное во взаимоотношениях советских людей, самое основное в процессе развития нашего общества.

Я. ФРИД

Анатолий Рыбаков «ВОДИТЕЛИ». Роман. Журнал «Октябрь». 1950.

«Мы, коммунисты, любим мир»

«Мы, коммунисты, любим мир. Поэтому мы сражаемся. Сражаемся со всем, что порождает войну, сражаемся за такое устройство общества, при котором уже никогда не смог бы появиться преступник, который ради выгод кучки заправил посылает сотни миллионов на смерть, в бешеное неистовство войны, на уничтожение ценностей, нужных живым людям».

Этими словами, написанными в январе 1942 года, Юлиус Фучик как бы становится в ряды пятисот миллионов людей, подписавших Стокгольмское Воззвание, в ряды тех, кто выступает в качестве решительных сторонников мира во всем мире.

Фучика нет в живых — фашистские поджигатели войны убили его в 1943 году,— но живы его произведения, поднимающие знамя борьбы за свободу народов мира, жива память о подвиге, совершенном им во имя любви к родине.

Издательство иностранной литературы познакомило советских читателей с избранными очерками и статьями чешского писателя.

Книга в основном удачна и по отбору материала и по качеству перевода. Перед нами публицистические произведения Фучика, который настолько любил свой труд журналиста, что даже в тюрьме, за несколько месяцев до смерти, писал: «Какая удача снова хотя бы на минуту стать коммунистическим журналистом и писать о майском смотре боевых сил нового мира».

Книга открывается очерками о Советском Союзе. Автор дважды побывал в СССР: в 1930 году вместе с нелегально выехавшей из Чехословакии делегацией чешских рабочих, в 1934 году в качестве корреспондента

коммунистической газеты «Руде право». Фучик, по собственному его признанию, на время своего пребывания в СССР стал участником великой стройки. В статье под названием «О героях и героизме», написанной в виде корреспонденции из СССР, он дал прекрасное определение того, что такое героизм. «Герой,— говорится в книге,— это человек, который в решительный момент делает то, что нужно делать в интересах человеческого общества». Для Фучика СССР — страна героев, страна, которая трудится и созидает на благо всего человечества. Правдивый репортаж о том, что в СССР уже стало вчерашним днем, должен, по глубокому убеждению журналиста, прозвучать за рубежом как призыв к борьбе за будущее, за светлый завтрашний день.

Рассказывает ли Фучик о том, как зимою в лютые морозы был построен Сталинградский тракторный завод, или о том, как в Эмбинском районе самоотверженными усилиями геологоразведчиков были открыты месторождения нефти; пишет ли автор о борьбе с нашествием саранчи или о пограничниках, которые защищают Родину от покушения врага и в то же время не отказывают в медицинской помощи тем, кто по ту сторону границы из-за отсутствия этой помощи обречен на смерть; сообщает ли писатель о знатной колхознице Нуриннсе Гулям, возвращающейся в родные места после беседы с товарищем Сталиным, или о депутате городского Совета, который отчитывается перед избирателями,— в центре внимания очеркиста не просто факты. Фучика волнует и увлекает коренящийся в фактах «глубокий жизненный смысл» (Горький). В центре внимания очеркиста новая, социалистическая система народного хозяйства, новое, социалистическое отношение человека к жизни. Очерки Фучика о СССР — художественные произведения. Он в полной мере обладал необходимым очеркисту, мастеру своего дела, уменьем видеть в частном общее, в малом большое. При этом большим, значительным Фучику представляется то, что растет и будет расти, то, чему открыта дорога в будущее.

Нельзя, однако, не выразить сожаления, что редакция не включила в сборник очерк о строительстве Московского метрополитена, являющийся одним из лучших созданий Фучика-журналиста.

Наряду с очерками о СССР в сборник включены статьи на политические темы. Лучшая из этих статей — та, что посвящена памяти Ленина и написана под глубоким впечатлением клятвы, которую И. В. Сталин от имени партии дал у гроба Ленина. В своей статье, также звучащей, как клятва, Фучик говорит о том, что представляют собой коммунисты, люди особого склада. Он говорит о любви коммунистов к родине и своему народу, о ясности мировоззрения и о нравственной чистоте коммунистов, об их неисчерпаемом оптимизме, проистекающем из непоколебимой веры в грядущее счастье народов мира.

Статья как бы предваряет книгу «Репортаж с петлей на шее», которой присуждена почетная премия мира. Да и все произведения, включенные в сборник, в том числе и впервые опубликованные письма Фучика, служат прекрасным подтверждением сказанных в статье слов: «...партийный билет коммуниста — это воинский билет солдата армии, сражающейся за свободу мира».

Литературно - критические работы, также включенные в сборник, показывают, что для Фучика-литературоведа ценность того или иного произведения литературы определялась степенью его народности. Особо выделяется работа «Борющаяся Божена Немцова», в которой Фучик убедительно пишет о свойственной чешской писательнице «молодости взглядов... молодости отважной, молодости — надежды будущего». Интересен также очерк «Поэт в изгнании», создающий образ Карела Гавличека Боровского, поэта, который в ссылке, под постоянным полицейским надзором, писал гневные сатирические поэмы и вдохновенную политическую лирику. Так Юлиус Фучик в своей деятельности литературоведа стремился подмечать и утверждать те присущие его родной литературе качества, которые способствовали борьбе чешского народа за лучшее будущее.

Горький отмечал, что подлинно передовым произведениям искусства должен быть присущ «революционный энтузиазм творчества новых условий жизни». Книга Юлиуса Фучика «Избранные очерки и статьи» проникнута этим энтузиазмом.

Л. СИМОНЯН

Юлиус Фучик. Избранные очерки и статьи. Издательство иностранной литературы. М. 1950. 268 стр.

Copyrighted material

ИСКУССТВО ДАГЕСТАНСКОГО НАРОДА

Богат талантами дагестанский народ. На всю нашу страну прозвучало поэтическое слово выдающегося народного певца Дагестана Сулеймана Стальского. Вдохновенные стихи о цветущей жизни советских людей слагают и другие поэты республики. Эти стихи, певучие и образные, музыканты Дагестанской АССР переложили на музыку. Так созданы были «Кантата о Сталине» композитора Г. Гасанова на слова Расула Гамзатова, аварская песня о Сталине на текст народного поэта Гамзата Цадасса и многие другие произведения, которые мастерски исполнял Дагестанский ансамбль песни и пляски во время гастролей в Москве.

Наряду с новыми песнями, воспевающими Сталина, Москву, непоколебимую мощь Советского Союза, из уст одаренных певцов мы слушали и старинные песни, свидетельствующие о громадной жизненной силе, о глубине чувств народа, о его стремлении к свободе.

Замечательно поют солистки, выступающие в сопровождении хора и оркестра, а также с ансамблями народных инструментов — кумузы, дудуки. Выразительно и пластично исполняет Э. Адибекова лезгинский женский танец с пением. Прекрасно звучит в лирической страстной песне «Джигит мой любимый» гортанный голос А. Ибрагимовой.

Подлинно виртуозное владение кумузом продемонстрировал лауреат Всесоюзного конкурса исполнителей Н. Абдусаламов. Исполненные им даргинские танцевальные мелодии проникнуты духом народной пляски.

Танцоры Дагестанской республики с первых же выступлений завоевали сердца зрителей. Как полет горной птицы, стремительны и упруги движения юношей. Словно в избытке чувств и молодого задора, танцор, будто подхваченный вихрем, взлетает вверх в головокружительной фигуре танца. Девушки же в легких, развевающихся одеждах как бы плывут по сцене. Почти недвижим корпус, слегка согнуты точеные руки, и только неутомимые ноги послушно следуют за плясовой мелодией.

Непосредственностью, яркой выразительностью движений отличаются лакский танец, массовый кубачинский танец и многие другие образцы замечательного хореографического искусства Дагестана.

К. АЛЕКСАНДРОВА

На снимке: выступление Дагестанского ансамбля песни и пляски в Концертном зале имени Чайковского в Москве.

Фото П. Евгеньева

„Непрошенные гости"

Первая грузинская опера для детей

Большой зал Тбилисского театра оперы и балета имени З. Палиашвили переполнен. В партере, амфитеатре, ложах — дети в школьной форме, с пионерскими галстуками.

Дирижер стучит палочкой по пюпитру, и жужжащий, как улей, зал утихает. Звучит увертюра. Начинается спектакль. На сцене — сад такой, каких много в Грузии, и юные мичуринцы, хозяева этого сада, пионер Гиви и его сестра Тина, обыкновенные советские дети.

Непрошенные гости — медведки — напали на цветущие деревья, и лучшему в городе саду угрожает гибель. Юные садоводы с помощью агронома уничтожают вредных насекомых.

«Непрошенные гости»— первая грузинская опера для детей, недавно поставленная в Тбилиси.

Никогда, кажется, не бывало так, чтобы заметка в газете послужила основой для создания оперы. Композитор А. Букиа и авторы либретто Л. Эсакиа и Д. Гачечиладзе, прочитав в газете «Пионерская правда» заметку о юных натуралистах, защищающих сады от вредных насекомых, задумали создать на эту тему оперу о детях и для детей.

А. Букиа работал ранее преподавателем музыки в средней школе и уже много лет пишет для детей песни, фортепианные пьесы, оркестровые сюиты. Может быть, поэтому ему так удался музыкальный язык оперы, легкий, доступный детскому восприятию, близкий к богатому песенному творчеству грузинского народа.

Коллектив Тбилисского театра оперы и балета проделал большую работу по постановке «Непрошенных гостей». Народный артист СССР лауреат Сталинской премии Вахтанг Чабукиани впервые выступает здесь как постановщик оперы.

«Играть и ставить спектакли для детей нужно так же, как для взрослых, только гораздо лучше» — эти слова К. С. Станиславского стали девизом для постановщика и всего коллектива театра. Успеху оперы немало способствовали дирижер Д. Мирцкулава и художник И. Аскурава.

Запоминающиеся образы советских школьников Тины и Гиви создали Ю. Палиашвили и заслуженная артистка Грузинской ССР Т. Шаратта-Долидзе.

Ария агронома (заслуженный артист Грузинской ССР Ш. Циргиладзе) — волнующий рассказ о преобразовании советскими людьми безводной Самгорской степи — вызывает живой отклик в зрительном зале.

Забавны сказочные персонажи спектакля — царевна и царь медведок в блестящем исполнении народной артистки Грузинской ССР Н. Харадзе и заслуженного артиста Грузинской ССР Г. Гогичадзе.

Танцевальная часть спектакля оставляет яркое впечатление — в особенности уморительные пляски медведок, красочные воздушные танцы цветов, бабочек, светлячков. В основу большой балетной сцены, которой начинается первая картина третьего акта, положена грузинская народная песня «Чрело пепела» («Пестрая бабочка»).

Опера «Непрошенные гости», в которой заняты ведущие силы театра, — хороший подарок детям Тбилиси.

Н. НОВИЦКИЙ

Тбилиси.

Сцена из оперы А. Букиа «Непрошенные гости» в Государственном театре оперы и балета имени З. Палиашвили. Гиви — Т. Шаратта-Долидзе и Тина — Ю. Палиашвили в своем саду.

Фото М. Квирикашвили

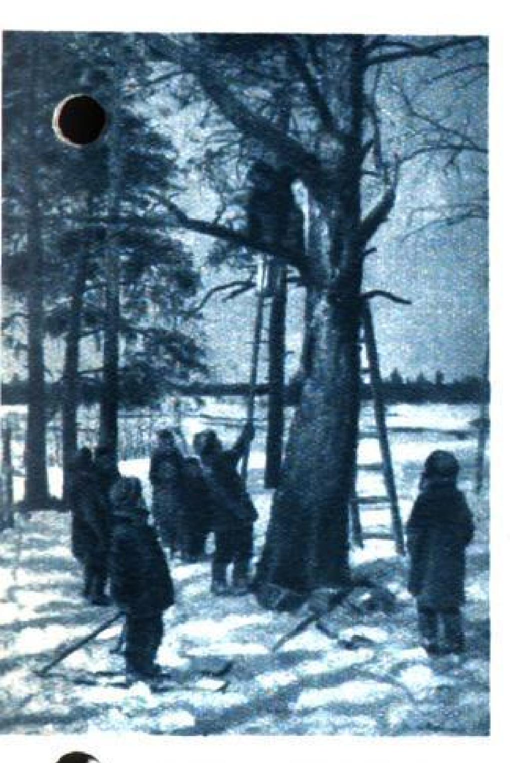
Copyrighted material

Художники РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Г. Н. ГОРЕЛОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Люди моего поколения отлично помнят, сколько горечи было заключено в словах «провинциальный художник». Это нужда, творческое одиночество, отсутствие выставок, презрительное отношение местного градоначальства, репетиторство в доме купца или промышленника...

Правда, и в старой России на периферии были художественные школы или училища. Их устроители мужественно боролись с холодным равнодушием чиновников. Эти учебные заведения сыграли выдающуюся роль в развитии судеб русского искусства, дали немало талантливых мастеров, но, надо сознаться, большинство этих художников жило одной мечтой — перебраться в Питер или же в Москву.

А. Варламов — «Весна начинается»

Несмотря на все старания передовых русских живописцев — Крамского, Репина, Сурикова, Савицкого, — художественная жизнь в дореволюционной провинции едва теплилась.

И вот недавно в Москве открылась третья по счету Всероссийская художественная выставка. Одного помещения Московского товарищества художников оказалось недостаточно, выставка забрала еще и залы оргкомитета Союза советских художников СССР.

Когда проходишь по залам, то прежде всего поражает многогранность, широта видения художников федерации. Их творчество воспевает нашу жизнь, отражает действительность, ростки нового в нашей стране.

Создание образов великих гениев революции В. И. Ленина и И. В. Сталина — едва ли не самая трудная область живописи. Образы вождей настолько дороги советским людям, что они не терпят в картине ни малейшей неверной ноты, ни малейшего отступления от правды.

На выставке есть картина, которая должна найти место в галерее произведений, рассказывающих о начале революционной деятельности Иосифа Виссарионовича Сталина. Это «Арест И. В. Сталина в Батуме в 1902 году». Живописец создал волнующий образ молодого Сталина, передал неукротимость его энергии, волевой ум, стойкость. Автор полотна В. Хрымов живет в Саранске. Саранск—небольшой городок. И то, что это произведение создано саранским художником, служит отличным противопоставлением рассказу о провинциальном художнике дооктябрьской России.

Картина В. Хрымова хороша и по живописи. В ней есть та завершенность, которой не хватает, безусловно, незаурядному произведению М. Антоняна (Ярославль) — «Прощание с Владимиром Ильичем Лениным». У Антоняна многое хорошо: образ И. В. Сталина, композиция картины, передача великой скорби и твердой решимости продолжать дело Ленина. Конечно, организаторам выставки хотелось экспонировать это произведение, но они оказали плохую услугу художнику, которому требуется еще два—три месяца для окончательной доработки картины.

Интересно задумана М. Ефимкиным (Подольск) картина, изображающая Владимира Ильича Ленина на балконе. Вечер. Алеет закат. Тихо. Владимир Ильич задумался, и величие его думы передано весьма ощутимо.

Такие полотна, как «В. И. Ленин и И. В. Сталин в Смольном» Н. Кирсанова, «Подписание декрета об образовании Татарской АССР» Х. Якупова и Л. Фаттахова, «В. И. Ленин и И. В. Сталин в Горках» Н. Беляева, «Владимир Ильич Ленин с детворой» горьковчанина А. Варламова, пользуются успехом.

О Варламове мне хочется поговорить особо. Это молодой одаренный художник завидной работоспособности. На выставке он показывает несколько картин, но и его картину «Владимир Ильич Ленин с детворой» и жанровое полотно «Весна начинается», где ребятишки прибивают скворечники, можно было бы написать старательнее.

В этом смысле положительный пример представляет картина Ю. Цыганова «В. В. Стасов среди передвижников». Любовно, добротно выписаны образы Стасова, Сурикова, Репина, Ярошенко. Ю. Цыганов дебютирует на крупной выставке.

Вообще в республиканском показе преобладает молодежь. Это очень хорошо. Советский зритель сейчас только познакомился с работами А. Бурлая (Казань) — автора полотна «Н. С. Хрущев среди восстановителей Днепрогэса», И. Аристова (Серпухов) — автора жанровой вещи «Спасение знамени».

Среди портретов особенно хорош К. Э. Циолковский В. Любимова (Калуга). Уверенно написал колхозного сторожа М. Малютин.

Отдел графики хоть и маловат, но качество искупает количество. Серии иллюстраций И. Титкова (Новосибирск) к алтайскому эпосу, Х. Якупова к книге «Опозоренные» Гафура, астраханские работы Н. Скокова заслуживают одобрения.

Пейзажи, показанные на выставке, передают величие и разнообразие русской земли. Есть превосходные пейзажи у ярославца А. Шиндыкова, у омского художника К. Белова, у Н. Мазуренко из Владивостока и многих других.

Радостен и полон бодрости, светлой надежды пейзаж преобразованной Каменной степи кисти А. Полюшенко (Загорск). Этот пейзаж по ощущению как бы передает тон всей выставки — события знаменательного в художественной жизни столицы.

И. Аристов — «Спасение знамени».

Copyrighted material

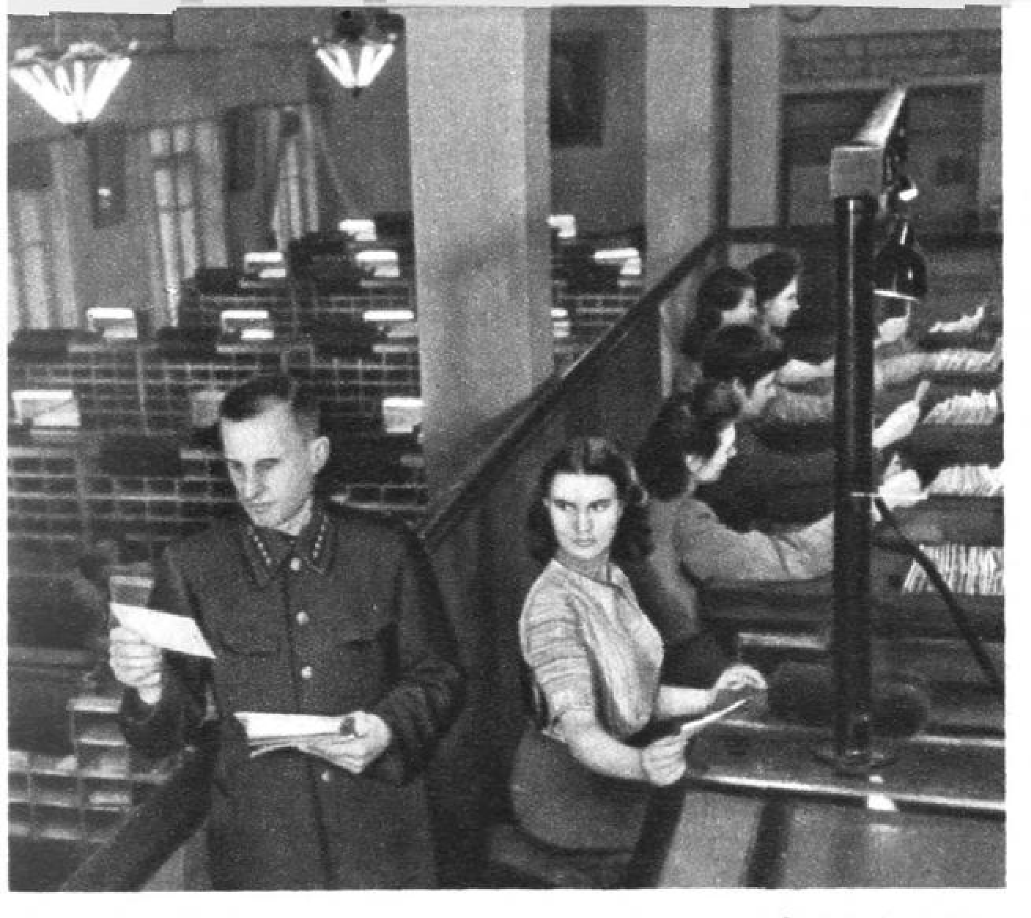

Фото В. Евграфова

«Прошу доставить...»

Е. РЯБЧИКОВ

Ежедневно в Москву прибывает около миллиона писем. Их доставляют самолетами, поездами, автомобилями, а летом и пароходами. Всю почту привозит на «фабрику писем» — главный почтамт столицы. Мешки распаковывают, и письма высыпают в металлические ящики. По конвейерам и транспортерам отправляются они в долгий путь.

Просторное помещение ярко освещено трубчатыми лампами дневного света. Шкафы с бесчисленным множеством ячеек, издали похожи на соты. Здесь работают сортировщицы. Они берут с конвейеров пачки конвертов, мгновенно прочитывают адреса и, определив, к какому отделению связи относится письмо, кладут его в ту или иную ячейку. Каждая сортировщица помнит более десяти тысяч названий улиц, переулков и тупиков Москвы. За час она должна разложить не менее 2100 писем.

Но почему молодая девушка внезапно нахмурилась и вторично прочитала адрес на конверте? В чем дело? На конверте написано: «Москва, дом № 46, Владимировой Зинаиде». Действительно, есть над чем задуматься: в столице почти на каждой улице имеется дом № 46. И Владимировых немало живет в громадном городе...

Сортировщица откладывает письмо в отдельный ящик для так называемой «дефектной почты». Туда же отправляются конверты с адресами: «Москва, Туркменский канал», «Москва, Быкову», «Москва, автомат, Песецкому», «Москва, типография книг», «Москва, Субботину, о котором писали в газетах», «Москва, министерство СССР, отделу кадров», «Москва, артисту, который играет в картине «Смелые люди», «Москва, где строятся высотные здания, прорабу Потапову».

«Дефектные письма» пересылают в «стол справок». Что здесь делают с ними?

Я подсаживаюсь к сортировщику Ивану Федоровичу Пешко и наблюдаю за его работой. Слева, на столе, лежат «дефектные» или «справочные», письма. Пешко берет конверт и читает: «Москва, Быкову». Подумав, Иван Федорович переворачивает конверт, приклеивает к нему «справочный талон» и пишет на нем адрес...

— Но в Москве много Быковых... Почему вы так уверенно написали адрес?

— Это пишут Павлу Борисовичу Быкову, токарю-скоростнику завода плоско-шлифовальных станков, лауреату Сталинской премии,— отвечает Пешко.— Ошибки быть не может. Вы заметили штамп места отправки? Город Молотов. Токари-скоростники пишут. У них переписка с Быковым, я про это в газетах читал.

В «столе справок» узнаю о любопытной истории одного письма. Инженер Б. накануне отъезда в Железноводск впопыхах вложил путевку и железнодорожный билет в письмо и послал его в город Горький. Когда это было обнаружено, почтовый вагон уже катил к берегам Волги. Вначале Б. решил, что его обокрали, и только к вечеру догадался, что билет и путевку он отправил с письмом. Инженер поспешил на почтамт.

— Я понимаю, что очень трудно найти мое письмо среди миллионов других, — говорил он, — я понимаю, как это сложно. Но... завтра у меня уходит в Железноводск поезд. Не можете ли вы помочь?

«Стол справок» принял от инженера заявление. Тотчас было дано распоряжение по тракту — так по старинке именуются почтовые направления — пересмотреть все письма в почтовом вагоне, найти нужное письмо и вернуть его встречным поездом в Москву. На другой день утром инженер Б. явился на почтамт и, не веря своим глазам, получил конверт с нужными ему документами.

Сортировщик берет очередное письмо: «Москва, артисту, который играет в картине «Смелые люди». Пешко переворачивает конверт и пишет адрес С. Гурзо.

— Но почему Гурзо? Он же не один играет в картине.

— Полноте! Ему, ему.— Иван Федорович смеется и говорит: — Когда я смотрел в кино эту картину, то думал: «Запоминай хорошенько этого артиста, ему будут писать обязательно, а тебе его адрес искать». В нашем деле на все надо обращать внимание да запоминать хорошенько. Проще простого, конечно, вскрыть конверт, прочитать, узнать, кому письмо адресовано, и затем отправить его. Но делать этого нельзя ни при каких случаях: Сталинская Конституция гарантирует гражданам нашей страны полную тайну переписки.

Пока Иван Федорович рассказывает, он успевает написать адреса двух заводов, деревообрабатывающей мастерской.

И вот перед ним еще одно письмо с замысловатым адресом: «Москва, типография книг». Снова переворачивается конверт, наклеивается справочный талон, и Пешко пишет: Москва, Валовая улица, 28.

— Позвольте, в Москве много типографий,— говорю я.

Но Пешко перебивает:

— Типография имени Жданова на Валовой улице в доме номер 28 — самая настоящая фабрика книг. Там и учебники и политическую литературу печатают, и туда всегда много пишут.

Но что же делать с письмом с таким странным адресом: «Москва, дом № 46, Владимировой Зинаиде»? Как найти адресат?

Иван Федорович молча достает какую-то книгу, листает ее, потом звонит в адресный стол, все так же молча записывает адреса нескольких Владимировых Зинаид, проживающих в различных местах столицы. Затем Пешко открывает еще какой-то справочник, находит нужные телефоны, звонит в домоуправления и просит выяснить у Владимировых Зинаид, не ждут ли они письма из того места, откуда оно прибыло в Москву.

— Вы заметили — на обороте приписано: «очень срочно»,— говорит сортировщик.— Наверно, спешили, нервничали...

Письмо было доставлено адресату.

Сгущаются за окнами сумерки. Во дворе гудят почтовые автомобили. Бригадир сортировщиков Серафима Федоровна Орехова приносит новые пачки писем. Попадают они на стол к Александре Сергеевне Токаревой, Ивану Терентьевичу Боровикову, Ивану Федоровичу Пешко. Снова листаются справочники, вызываются адресный стол, министерства, заводы, школы, больницы...

«Москва, прошу срочно вручить туда, где проектируют Сталинградскую электростанцию, адреса точно не знаю, буду очень благодарен», «Москва, Главный оросительный Туркменский канал»... Иван Федорович пишет адреса проектных организаций и говорит:

— Народ очень интересуется стройками.

Потом он записывает на «справочных талонах» адреса различных учреждений — снабов, главков — и продолжает рассказ:

— Было у нас такое письмо: геологу, как сейчас помню, Григорьеву Николаю. Точный адрес не указан. Нашел. Послал. Возвращают: адресат выбыл. Позвонил в Министерство геологии, узнал, куда он поехал, и переслал вдогонку. И что вы думаете? Пошло колесить письмо по всей стране. Послали на Таймыр. Пока его везли на оленях, геолог улетел на Чукотку. Письмо переотправили на Чукотку. Оттуда оно последовало на Памир, потом на Урал и ходило до тех пор, пока не получил его геолог. Он почтамту благодарность написал, извинился за доставленные хлопоты. Ну, тут хлопотать было приятно: человек дела большие делает.

К нашей беседе присоединяется Орехова:

— Для нас, советских связистов, дорого каждое письмо. В каком бы оно ни было конверте и даже с неточным адресом, — все равно мы доставим его адресату.

Наступает вечер. Мягко горят лампы дневного света. Неумолчно шумят конвейеры. «Стол справок» продолжает работать.

— Помните, у Чехова описано, как Ванька Жуков послал письмо «на деревню дедушке»? — говорит Иван Федорович.— Случись это сейчас, так мы приняли бы все меры, чтобы ванькино письмо доставить деду.

Мастер почтовой марки

Министерство связи СССР недавно получило сообщение из Лейпцига: на закончившейся здесь Международной филателистической выставке Советскому Союзу присуждена золотая медаль. На Пражской выставке марок советские экспонаты были отмечены наградами — хрустальным кубком и грамотой Комитета выставки.

Двадцать восемь лет назад в нашей стране появилась первая советская почтовая марка. За минувшие годы создано около двух тысяч сюжетов марок; над ними работали видные художники СССР. Особое место среди них занимает Василий Васильевич Завьялов. По его оригиналам выполнено 350 марок, многие из которых являются подлинно художественными миниатюрами.

Большую популярность завоевала «пушкинская серия», состоящая из четырех марок. Другие рисунки, исполненные В. Завьяловым, воскрешают в памяти перелеты Чкалова и Громова через Северный полюс в Америку, героическую челюскинскую эпопею, строительство Днепрогэса и канала имени Москвы, сооружение столичного метрополитена, полеты в стратосферу. Марки художника В. Завьялова воспроизводят портреты Л. Толстого, Д. Менделеева, А. Суворова, Н. Жуковского, полярных исследователей С. Дежнева, М. Лазарева, Ф. Беллинсгаузена; марки выпускали ко Дню Воздушного Флота СССР, Международному женскому дню, праздникам танкистов, шахтеров — всего не перечтешь.

Высоко ценится марка зеленого цвета, посвященная плану полезащитных лесонасаждений. Каким мастерством нужно обладать, чтобы на площади в 5—6 квадратных сантиметров четко изобразить карту размещения государственных лесозащитных полос!

...На рабочем столе художника лежит первая его работа — оригинал марки «Мавзолей Ленина». Рядом — многоцветные марки, искусно выполненные по эскизам художника, с портретами Ф. Энгельса, В. И. Ленина, И. В. Сталина, Ф. Э. Дзержинского, М. В. Фрунзе, С. М. Кирова. И тут же — две марки голубого и розового цветов, на которых начертано: «За мир, против поджигателей войны!» Это, по существу, миниатюрный плакат, политически острый и убедительный: карлик с факелом в руке лезет на земной шар, на верхушке которого возвышается исполинская фигура рабочего с алым знаменем.

Более пятисот оригиналов и оттисков почтовых марок СССР, а также ряд композиций и пейзажей было показано на выставках работ В. Завьялова в московском Доме художника и Дворце культуры Киевского района.

Copyrighted material

ПОЕДИНОК с вершинами

Евг. СИМОНОВ

Фото мастера спорта М. Ануфрикова

Зима хозяйничает в высокогорье. Все ниже опускается снеговая линия к альпийским лугам, сбросившим пестрое летнее одеяние. Снег идет. Тяжкими глыбами навис он над склонами. Далеко разносится зловещий свист. Он переходит в нарастающее мощное шипение, словно пары, выпущенные сотней локомотивов: «Берегись, лавина!»

И, пробираясь ущельем Шхельды, видишь следы грозного дыхания гор... Вековой мачтовый лес, огромные сосны полегли, словно рассыпанные спички, хотя сама лавина прошла вдали от них. Воздушной волной, одним дуновением, проложила она целые просеки.

Опустели горные ущелья. Спущены вымпелы альпинистских лагерей на Баксане, Цее, Домбае и Туюк-су, в горах Грузии, Кабарды, Казахстана. И лишь на фирновых полях Эльбруса, в «Приюте одиннадцати», несут горную вахту зимовщики, ученые.

...Сверкнет под редким солнечным лучом белая пелена снегов, пробежит, гордо вскинув рога, быстроногий тур, и снова нахмурятся и затихнут вершины, нахлобучив папаху облаков.

Но записки, оставленные по традиции на покоренных вершинах, рассказывают... Здесь побывали советские люди. Сюда проложили новые пути мужественные и отважные. Тут наблюдали они движение ледников, поящих живительной влагой долины.

1. Через одиннадцать вершин Большого Кавказа

Шла третья неделя траверса, шестнадцатый день жизни во льдах, когда незадолго до полуночи команда сванов вышла к скалам Ушбинского плато. Здесь можно было передохнуть, отогреться, чтобы собраться с силами для последнего штурмового броска к вершинам Ушбы.

Утром кто-то обратил внимание на розоватые блики, игравшие на снегу. Бледные, тускло별атые их тона менялись на глазах, краски становились все ярче и сочнее, словно здесь, в снегах вздыбленного над ледниками Ушбинского плато, расцветали пышные пунцовые розы. «Привет!» — внятно прочел один из участников команды, показывая на темнокрасные буквы, загоревшиеся теперь на снежном фоне. Они стали еще ярче, и заинтересовавшиеся альпинисты невольно приблизились к этой надписи, лаконичной и дружеской. Подойдя вплотную к буквам, которые были вдвое больше самого рослого из участников, они, пятеро обросших и загоревших людей, весело заулыбались: «Молодцы москвичи!.. Настоящие товарищи!»

А кто-то взял горсть «буквы» в рот и весело прищелкнул языком: как хорошо освежить пересохшее горло кисловатым соком. Ведь спартаковцы из московской команды Виталия Абалакова выложили саженные буквы своего привета грузинам из сухого киселя, и поднимающееся солнце постепенно растопило снег под ним, и теперь надпись искрилась рубиновым соком. Можно было читать ее, и пить, и подать на десерт к обеду.

Сваны оглянулись... Позади них угрюмо темнела Шхельдинская стена с ее отвесными «жандармами», оледенелой каменной «пилой» и склонами такой крутизны, что на них не держатся снега и от зари до зари сползают вниз лавины и камнепады.

На гребне Шхельды.

Иван Марр.

Максиме Гварлиани.

Годжи Зуребиани

Бекну Хергиани.

Чичико Чартолани.

Copyrighted material

Но Шхельда, все ее вершины, от пика Профсоюзов до Центральной и Восточной башен, была уже пройдена, и сванам оставалось завершить рекордный свой траверс штурмом обеих вершин Ушбы. Они высились вдали двумя финишными столбами того беспримерного перехода, которым спортсмены Грузинского альпинистского клуба решили отметить сезон пятидесятого года.

Их было пятеро: тбилисский ученый Иван Марр и четыре сына Сванетии: скотоводы и охотники Бекну Хергиани, Годжи Зуребиани, Чичико Чартолани и Максиме Гварлиани.

В альпинистских справочниках всего мира можно найти названия Шхельды и Ушбы. Это вершины рекордсменов, цель многих мастеров. Нелегки пути к ним. Еще сложнее траверс, сквозной переход по всем башням и пикам Шхельды или Ушбы. Но грузинские восходители, проверяя возросшее мастерство, силу мускулов и силу духа, избрали еще более высокую цель — в едином беспрерывном траверсе пройти все вершины обоих массивов. Иноземные альпинисты даже не пытались разрешить эту проблему. Ее смело поставил перед собой Алеша Джапаридзе, первый спортсмен нашей страны, победивший грозную Ушбу.

И пять альпинистов Грузии вышли 1 августа на свой рекордный маршрут. Двадцать четыре дня и двадцать три ночи провели они во льдах и снегах, в непрекращающейся борьбе с силами природы, перед которыми человек выглядит песчинкой. Но и здесь советский человек оказывался сильнее гигантских, но слепых сил, воплощенных в этих снежных великанах.

* * *

...Остались позади пик Профсоюзов и Западная Шхельда, пройден каменный частокол пиков Строителей и Науки. На снежном гребне пика Аристова, узеньком снежном гребешке, непогода, буран, достигающий ураганной силы ветер обрушиваются на пятерку. Изодрана палатка. В сгустившихся сумерках особенно отчетливо вырисовываются огненные пунктиры путей камнепадов. Закоченевшими пальцами альпинисты сшивают палатку и, вырубив нишу во льду, укрываются в ней от бури. Так проходят день и ночь, еще день и еще ночь.

Но, когда утих, наконец, ветер и первый луч робко коснулся снежных наносов, ни один из пяти не подумал о спуске. Нет. Цель известна, а трудности? Что ж, когда они возникают, их надо побеждать!

И снова надеты рюкзаки, снова Бекну железными пальцами отыскивает зацепки в скальной породе и, отдирая ледяные наросты, находит трещинки, чтобы забить крюк для опоры.

И настает день, когда радист посылает в эфир победный рапорт: цель достигнута: одиннадцать вершин массивов Шхельды и Ушбы пройдены.

Победа венчает смелых людей, сильных телом и волей сынов Грузии.

2. На высоте семи километров

Грузовая машина одолевает последний подъем, медленно поднимаясь к перевалу Талдык, самому высокому в Алайском хребте. Заслуженный мастер спорта Иван Юхин приподнимается, показывая рукой на возникшие вдали горы. Сливаясь с облаками, непрерывной снежной стеной тянутся они с запада на восток, но даже отсюда, издали, сразу бросается в глаза величественный снежный массив пика Ленина.

Переправившись через красноватые воды Кизыл-су — Красной реки, — альпинисты команды Советской Армии двигаются к своей цели — леднику Ленина. Юхин, главный тренер армейских восходителей, не торопит со штурмом: надо акклиматизироваться, организм должен привыкнуть к жизни, к работе на больших высотах. И спортсмены преодолевают пять перевалов, совершают тренировочные восхождения, поднимаются до шестикилометровой высоты на склоны пика Ленина.

9 августа начальник штурмовой группы мастер спорта Владимир Рацек покидает лагерь, разбитый на высоте четырех с лишним километров (4200 метров). Медленным, до монотонности ровным шагом, пригнувшись под тяжестью объемистых рюкзаков, движется по склону «цепочка» участников штурма.

Так достигают они 6400 метров, и здесь, в мире вечных льдов, одному из участников торжественно вручается кружка талого снега, щедро приправленного клюквенным экстрактом. Альпинисты отмечают день рождения одного из товарищей, а здесь, на высоте, вода и кислота — самые драгоценные дары.

Шестой день движутся по склонам восходители. Все сильнее сказывается высота... Летчик в такой зоне надевает маску, и живительный ток кислорода поддерживает его силы. Но восходитель не может обременять себя лишним грузом. Он идет, преодолевая слабость, и только кровь, громко пульсирующая в висках, да шум в ушах, и стремление лечь, и острая жажда отдыха и неподвижности говорят о том, что надо бороться с горной болезнью. Бороться, чтобы преодолеть!

14 августа у бюста Владимира Ильича Ленина, памятника, высоко поднятого над миром, капитан команды В. Рацек провозглашает здравицу в честь великого знаменосца мира — товарища Сталина. И ветер разносит дружное «ура» над хребтами Памира.

Не в первый раз советские восходители достигают этой вершины. Но если в 1934 году их было трое, то в 1950 году семикилометровой высоты (7127 метров) достигают двенадцать армейских спортсменов.

3. Пик Патриот

В ряду других видов спорта альпинизм занимает особое место. Его выделяет не только то, что спортсмен не вступает здесь в единоборство со своими товарищами-соперниками и что нет стадиона и верных болельщиков, но и то, что нигде воля и сила духа не проявляются с такой выпуклостью, как в поединке с вершинами.

Другая сторона еще ярче подчеркивает существо советского альпинизма, который по праву зовут школой мужества и патриотизма. Альпинист — разведчик науки и исследователь. Он разведывает тайники горной природы, прокладывает пути, которыми пойдут геолог и топограф, рудокоп и синоптик, строитель и гидролог.

Из года в год вносят свой вклад в науку, в познание великой родной земли те, кто отдает разведке горной природы свои отпуска и каникулы, заслуженные и рядовые люди советского высокогорного спорта, и в их рядах увидим мы имена гигиениста А. А. Летавета, математика В. В. Немыцкого, энергетиков Е. А. Казаковой и С. М. Лукомского, архитекторов А. С. Мухина и В. Ф. Гусева, имена конструкторов, слесарей, инструкторов физкультуры, людей самых разнообразных специальностей.

Покорение в 1950 году вершины, которую ее победители, спортсмены общества «Локомотив», предложили назвать пиком Патриот, и было завершением одной из таких разведок.

Спортсмены-железнодорожники разбивают базовый лагерь на развилке ледников Вавилова и Гармо, в отрогах хребта Академии наук (Западный Памир). Огромными, четырехсотметровыми ступенями восходят они на «плечо», поднятое на пятикилометровую высоту... Прорубив траншею в нависшем ледяном карнизе, участники выходят наконец на предвершинный гребень. Девяти часов тяжелой работы потребовали те пятьсот метров высоты, которую удалось набрать им на третий день подъема.

Горная болезнь вывела из строя нескольких участников, и лишь двоим — Борису Гарфу и Петру Поварнину — удалось достичь вершинной точки (6350 метров над уровнем моря).

Молча глядят альпинисты на мир гор. Они определяют пути возможных восхождений на пики Ленинграда, Молотова, «Правды». Внимательно изучают особенности бассейна ледника Беляева. Бросив прощальный взгляд на ледяную стену пика Сталина, гигантские фирновые сбросы, трехкилометровый отвес, вздымающийся над ледяным цирком, восходители начинают спуск.

Цель достигнута! Восхождение, одно из сотен восхождений альпинистского сезона 1950 года, завершено!

Г. Вашкевич.

Из прошлого русского спорта

ПОБЕЖДЕННЫЙ БУРИЛЬОН

Чемпион мира Поль Бурильон, прозванный непобедимым, в 1898 году прибыл в Москву на интернациональные велогонки одновременно с чемпионом Италии Сингросси и англичанином Парльби. Выиграв накануне «Большой Парижский приз», Бурильон охотно согласился на эту поездку.

— Мне нужно отдохнуть после парижских гонок,— заявил он корреспондентам газет, давая понять, что его неожиданная поездка в Россию — не более как прогулка. Француз рассчитывал без особого труда победить русских гонщиков...

В день гонок просторный зал московского манежа был переполнен.

Наконец раздался сигнальный звонок. На дорожке, где только что суетились многочисленные распорядители, показались велосипедисты. Первым катил высокий, длинноногий Бурильон.

За Бурильоном медленно ехали остальные: грузный лысеющий Парльби, маленький подвижной Сингросси, одесский гонщик Сергей Уточкин, богатырски сложенный москвич Григорий Вашкевич, итальянец Дэй и другие.

Никогда еще москвичи не видали столько приезжих знаменитостей.

Жребий свел француза в первом заезде с московским гонщиком Погонкиным-младшим. Им, как и всем остальным, нужно было пройти пять кругов — полторы версты. Четыре круга оба гонщика шли не спеша, как бы присматриваясь друг к другу. Затем Погонкину удалось оторваться от Бурильона, но у самого финиша тот все же достал его и обошел на полколеса.

Во втором заезде встретились Вашкевич и чемпион Англии Парльби. Опытный англичанин следовал неотрывно за русским; иногда он выходил вперед, но ненадолго; заметно было, что он берег силы, стараясь не прозевать «броска» Вашкевича. Тем не менее он ничего не смог сделать: Вашкевич ушел от него.

Следующий заезд составила сильная пара: чемпион России Уточкин и чемпион Италии Сингросси, обладатель «огненного финиша». Не отличаясь сильным темпом на дистанции, Уточкин исключительно резво проходил последние 200 метров. До последнего виража итальянец шел впереди, но на прямой Уточкин обошел его.

Наконец в шестом заезде встретилась основная пара — Бурильон и Вашкевич. Молодой русский гонщик ничем не выдавал своего волнения.

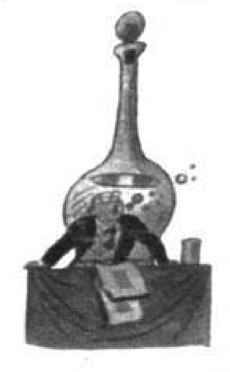
Выстрел стартера гулко прозвучал в притихшем зале. Со старта повел Вашкевич. Он шел быстро, пожалуй, слишком быстро для начала дистанции. Хватит ли у него сил пройти в таком темпе все пять кругов?

Ход Вашкевича был изумительным, он словно сросся с машиной и окрылил ее своей энергией. Финишировать русский гонщик начал примерно за круг; такой длинный — «тягучий» — финиш был под силу только ему одному. Оторвавшись на несколько метров от вконец измотавшегося француза, Вашкевич первый пересек линию финиша.

Из Москвы Бурильон уехал без титула «непобедимый».

И. БОРИСОВ

Copyrighted material

Зачем мы так говорим?

Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ, М. СЛОБОДСКОЙ

Рисунки Влад. Гальба

Казенная фраза... Стандартный ярлык...
Есть разные способы портить язык.
Так будем, друзья, уважать и беречь
Родную великую русскую речь.

1

БЫВАЕТ ТАК... Кружится вентилятор,
Жует деепричастия оратор,
Двойное монотонное жужжанье
Укачивает сонное собранье.

Должно быть, у оратора есть мысли
И, может быть, попытки обобщенья.
Но мысли растворились и повисли —
Осталось только мерное гуденье.
Осталось тусклых фраз чередованье,
Безликих, тертых слов неразбериха
И слушателей тщетное старанье
Уж если и похрапывать, то тихо.
Слова пусты — без веса, без нагрузки
Приходят и уходят налегке —
Оратор говорит хоть и по-русски,
Но все же не на
русском языке.
У речи нет ни формы,
ни обличья,
Словарь — по пальцам
можно перечесть.
Не «нету», а
«отсутствует наличье»,
«Фактически имеем»,
а не «есть».
Он скажет не «сейчас»,
а «на сегодня»,
Не «двое», а
«в количестве до
двух»,
Не «низок», скажет он,
а «недопонят»...
Сейчас он, вроде
тетерева, глух.
Он глух, в свое влюб-
ленный токованье —
Токует, не вдаваясь в толкованье:
«Хромают здесь отдельные моменты,
Но в целом тут проходит красной нитью
Тот факт, что есть расхлябки элементы,
Которые обязан уточнить я!..
А также надо подойти к вопросу»...

Пропало все! К вопросу он прирос.
И, как мундштук потухшей папиросы,
Он будет два часа жевать «вопрос».

«Поднять вопрос» — задача не проста ведь, —
Судьба «вопрос» оратору дала,
Чтоб мог он «провернуть» его, «поставить»
Его «ребром» и «во главу угла».
Чтоб «прояснял» «со всею прямотою»,
Чтоб «заострял» «со всею остротою»
И чтоб «вопрос» он «вскрыл и рассмотрел»,
Насколько «наболел» он и «назрел»...

Томительно кружится вентилятор:
Еще не «закругляется» оратор,
И целый ряд заснул без сновидений,
Под «целый ряд» преамбул и введений...
А ведь во всем трибуна виновата!..
Ведь он не скажет, с девушкой идя:
«Имеется наличие заката,
Отсутствует наличие дождя».
Не будет «ставить он вопрос» о счастье
«По линии любви и в части страсти»
И говорить о нежной красоте,
Которая «на должной высоте».
Шесть этажей без лифта отшагав,
Не скажет: «Есть наличие подъема».
И не заявит, ногу поломав:
«Добился коренного перелома».
Нет, в жизни он нормально говорит —
В его словах поют порою струны,
Живой огонь волнения горит,
Но лишь он доберется до трибуны...

БЫВАЕТ ТАК: кружится вентилятор,
Жует деепричастия оратор,
Двойное монотонное жужжанье
Укачивает сонное собранье...

2

ТАК БЫВАЕТ: очеркиста
Разбудите, и, едва
Пробудясь, он очень быстро
Сложит нужные слова.
Ни секунды перебоя,
Никакой заминки нет —
На задание любое
Есть привычный трафарет:
— Какой «поворот»!
— Решительный!
— А «песни» какие!
— Звонкие!
— А «смех какой»!
— Заразительный!
— Какие «намеки»!
— Тонкие!..
К словам яркими прикололы, —
Готовы определения:
— Как «уголь»!
— Черное золото.
— А «хлопок»!
— Белое золото.
— А «чай»!
— Зеленое золото.
— А «нефть»!
— Здесь «жидкое золото»
Имеется для сравнения.
— Какой будет «взор»!
— Проницательный,
Когда человек
положительный.
— А если герой
отрицательный!
— То взгляд его будет
«пронзительный».
У крепкого пролетария
Глаза «голубые»
и «карие»,
А если герой с переменками,
Глаза будут «серыми», «жидкими»!..
Он в раздумье не застынет:
Нет ни трудности, ни тайн.

Кто верблюд! — «Корабль пустыни!»
Кто «корабль степей»! — Комбайн.
Кто ткачиха! — «Мастер пряжи».
Слесарь! — «Мастер молотка».
У него доярка даже —
«Знатный мастер молока»...
Все не просто, все не чисто —
Что ни слово, то шаблон...

. . . .

Не будите очеркиста,
Ведь во сне не пишет он!..

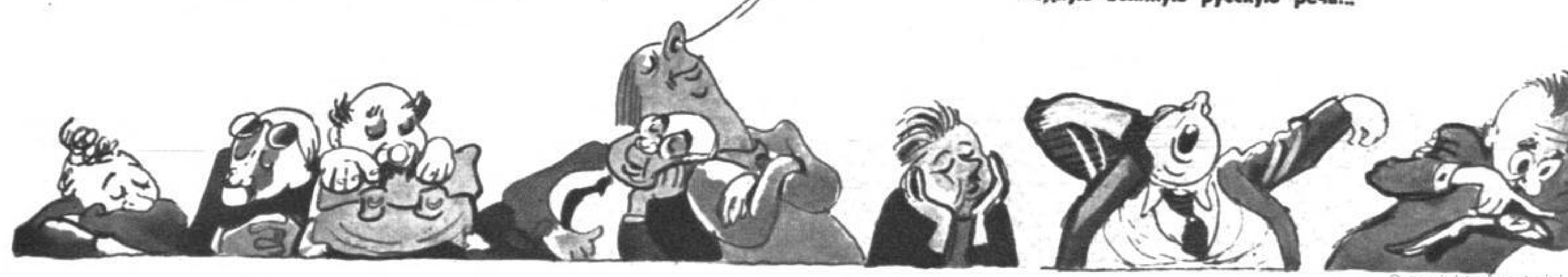
3

БЫВАЕТ: автор разбитной
Иной
Живет далекой стариной
Одной.
Он со старинным
говорком
Знаком
И только древним
языком
Влеком.
«Понеже», «всуе» и
«зане»
Одне
В его писаниях пестрят
Подряд.
Он не напишет:
«Я смотрю» —
А «зрю».
Не «глядя» скажет он,
а «зря».
(И зря!)
Не «город» скажет он,
а «град»

И рад,
Что все слова его
глядят
Назад!
Но не дойдет загробный «глас»
До масс,
Не тронет автор им ни нас,
Ни вас.
Все «словеса» его, увы,
Мертвы,
И понимать их тяжело —
Зело!
Писатель нынче, то есть «днесь»,
Не здесь.
Не современник он никак,
А дьяк.
И все писания его —
Вотще:
Их и читать не станут во-
обще!

Казенная фраза, стандартный ярлык...
Есть разные способы портить язык.
Так будем хранить, уважать и беречь
Родную великую русскую речь!..

Copyrighted material

Кто был автором стихотворения «Декабристам»

Многим читателям хорошо знакомо известное стихотворение «Декабристам», опубликованное почти сто лет тому назад. Стихотворение является ярким показателем революционных, свободолюбивых настроений передовых кругов русского общества, их ненависти к самодержавию и крепостническому рабству. Оно содержит живой, непосредственный отклик на события 14 декабря 1825 года — вооруженное восстание декабристов — и предвещает неминуемое торжество народной революции, которая уничтожит царское самовластие и освободит народ от его поработителей и угнетателей.

ДЕКАБРИСТАМ

Над вашей памятью кровавой
Теперь лежит молвы позор,
Над ней поэт, венчанный славой,
Остановить не смеет взор.
Ваш враг могучий торжествует,
Щадит его судьбы закон,
Лишь власти страсть его волнует
И кажется незыблем трон.
Но вы погибли не напрасно,
Все, что посеяли взойдет,
Чего желали вы так страстно
Все, все исполнится, придет.
Иной восстанет грозный мститель,
Иной восстанет мощный род,
Страны своей освободитель,
Проснется дремлющий народ.
В победный день, в день славной тризны
Свершится роковая месть,
И снова пред лицом отчизны
Заблещет ярко ваша честь.

Это стихотворение было впервые напечатано в 1858 году в журнале «Полярная звезда», издававшемся в Лондоне Герценом и Огаревым. Оно неоднократно перепечатывалось затем в многочисленных сборниках «потаенной» русской революционной поэзии. В России стихотворение «Декабристам» смогло появиться легально в печати только после революции 1905 года.

Несмотря на большую давность опубликования и широкую популярность этого стихотворения, имя его автора оставалось неустановленным. Авторство приписывали Пушкину, Денису Давыдову, Огареву и другим.

Любопытные сведения об авторе стихотворения мною найдены в рукописном сборнике различных редких произведений, составленном известным библиографом и литературным деятелем прошлого века П. А. Ефремовым. Он был одним из деятельнейших собирателей произведений «потаенной» поэзии и, в частности, декабристской.

Составленный Ефремовым сборник хранится в Центральном государственном литературном архиве. Под стихотворением «Декабристам» здесь стоит подпись: И. В. Крюков. К подписи П. А. Ефремов сделал примечание: «Константин Николаевич Бестужев-Рюмин назвал мне имя автора (в Казани), от которого сам получил это стихотворение».

К. Н. Бестужев-Рюмин, видный историк и общественный деятель, был близким другом Ефремова.

Согласно этим достоверным сведениям, автором стихотворения «Декабристам» является казанский поэт И. В. Крюков.

Однако никаких сведений об этом поэте найти не удалось.

Между тем стихотворение «Декабристам» было написано, несомненно, опытным автором, имевшим незаурядное поэтическое дарование и горячо почитавшим революционные традиции декабристов. Это не мог быть, конечно, безвестный, случайный человек. Вероятнее всего, что в сборнике П. А. Ефремова мы имеем дело со случайной опиской в обозначении инициалов Крюкова.

Указание Ефремова, авторитетно устанавливающее фамилию автора стихотворения «Декабристам», позволяет подтвердить имевшиеся предположения о том, что это был Дмитрий Львович Крюков (1809—1845), доктор философии, профессор античной литературы Московского университета, близкий друг Герцена и Огарева, участник их революционного кружка. В «Былом и думах» (ч. IV) Герцен указывает, что Крюков принадлежал к блестящей плеяде передовых русских ученых и мыслителей 40-х годов.

Д. Л. Крюков был уроженцем Казани, сыном художника Льва Дмитриевича Крюкова, преподавателя живописи и рисования в гимназии при Казанском университете, в прошлом крепостного крестьянина, выкупленного на волю ценителями его таланта.

К. Н. Бестужев-Рюмин, живя в молодости в Нижнем-Новгороде, часто бывал в Казани, мог там встретиться с Д. Л. Крюковым и получить от него экземпляр стихотворения «Декабристам».

Л. СВЕТЛОВ

Из зарубежной печати

На процесс Раймонды Дьен — французской девушки-патриотки, легшей на рельсы, чтобы преградить путь поезду с военными материалами, направлявшимися во Вьетнам,— был вызван свидетелем машинист, ведший этот состав. Машинист, которого, кстати сказать, один из судейских чиновников упрекал в том, что он не окатил Раймонду Дьен струей горячего пара, подошел к судейскому барьеру, старательно разминая в зубах жевательную резинку.

— Вы что жуете? — возмущенно воскликнул председатель суда.

Свидетель, глядя судье в глаза, заметил:

— Это, господин председатель, ведь жевательная резинка. Американская... Так что это не должно вас особенно возмущать.

Председатель суда поспешил перейти к другой теме.

* * *

Незадолго до своей смерти знаменитый английский драматург Бернард Шоу написал новую пьесу, которая была поставлена на сцене одного из лондонских театров. На премьеру он разослал много личных приглашений, как своим знакомым, так и лицам, которых он желал сделать предметом своих злых насмешек.

Уинстону Черчиллю Шоу послал приглашение следующего содержания:

«Вы доставите мне удовольствие, посетив мою премьеру в обществе двух друзей, если у вас таковые еще имеются...»

* * *

Американский профессор Джордж Уилер, нашедший в качестве политического эмигранта убежище в Чехословакии, на вопрос, много ли рабочих в США едет на работу в собственных машинах, ответил:

— Я знаю шесть миллионов американских рабочих, которые, если бы у кого-нибудь из них и нашелся автомобиль, не могли бы ездить в нем на работу по той причине, что у них нет никакой работы.

* * *

Несколько иначе, но не менее выразительно охарактеризовала положение рабочих в США Бетти Корвин, заведующая одним из нью-йоркских посреднических бюро по подысканию работы:

— Одаренные, прекрасно знающие свое дело американцы в возрасте старше 32 лет за последние два года находят себе работу с бо́льшим трудом, нежели лошади любого возраста.

* * *

В Гамбурге на балконе здания городского самоуправления услужливые «отцы города» вывесили флаг так называемого европейского военного совета, одного из органов подготовляемой англо-американской агрессии. Вскоре, однако, непрерывно собиравшиеся перед домом группы горожан, со смехом глядевшие и указывавшие пальцами на флаг, вынудили его убрать. Как выяснилось, гамбургцы нашли для сего «стяга» вполне подходящее прозвище. Они окрестили его «черчиллевскими подштанниками».

Два министра

В лейбористском правительстве Англии пост министра иностранных дел занимает Бевин, пост министра здравоохранения — Бивен.

Бивен, Бевин... Кто «полезней»?
Нет, они почти равны.
Лишь один—«министр болезней»,
А другой — «министр войны».

Жюль МОК

Хвастун, обманщик, шантажист,
Душитель правды, жалкий враль,
Маршаллизованный министр
И не француз он, а лаваль.

С. КУКАНОВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Горизонтальное перекрытие в корпусе судна. 8. Болотная птица. 10. Русская народная сказка. 13. Специальность ученого. 14. Типовой образец. 15. Жвачное парнокопытное животное. 16 Записки личного характера, ведущиеся изо дня в день. 17. Птица, сходная с ласточкой. 20. Участник восстания в 1825 году. 23. Кустарниковое или вьющееся растение. 25. Роман Т. Драйзера. 26. Заливной луг. 27. Успех. 28. Сквозная ткань для вышивания. 30. Рабочий типографии. 33. Отделение центрального учреждения. 37. Оптическое стекло. 38. Специалист по улучшению культуры садовых растений. 39. Время, не занятое работой. 42. Приток Днепра. 43. Отделка, нашитая по краю одежды или обуви. 44. Рассказ А. П. Чехова. 45. Гармоническое музыкальное сочетание. 46. Изобретатель стереокино.

По вертикали:

1. Заводская малая печь для плавления чугуна. 2. Место для хранения сжатых хлебов и для молотьбы. 3. Музыкант. 4. Материал для лепки. 5. Персонаж из повести «Тарас Бульба». 6. Подобие, одинаковость. 9. Напряжение силы для достижения цели. 11. Совокупность правил человеческого поведения, установленных государственной властью. 12. Исполнитель произведений искусства. 18. Минерал. 19. Середина дня. 21. Откидная покрышка у механизмов. 22. Совокупность признаков, в которых выражается обобщенный образ. 23. Литературное произведение Галины Николаевой. 24. Момент вступления в спортивное состязание. 28. Областной центр Казахской ССР. 29. Сельскохозяйственная наука. 31. Сибирская река. 32. Обследование и изучение местности по определенному заданию. 34. Известная обувная фабрика. 35. Родственница. 36. Дипломатический представитель. 40. Колонна, столб. 41. Помидор.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 50

По горизонтали:

3. Фазан. 5. Вотум. 7. Бурка. 9. Стартер. 10. Еруслан. 11. Бокал. 12. Енот. 14. Мгла. 17. Перелесок. 21. Кенгуру. 22. Акробат. 23. Саман. 24. Берданка. 25. Конспект. 26. Резак. 28. Чихачев. 29. Коммуна. 30. Остановка. 31. Пакт. 33. Овал. 36. Ротор. 39. Кутаиси. 40. Кутузов. 41. Апорт. 42. Алмаз. 43. Роман.

По вертикали:

1. Палата. 2. Контур. 3. Фонтан. 4. «Ермак». 6. Металл. 7. Барбарис. 8. Апельсин. 13. Одуванчик. 15. Герасимов. 16. Деление. 17. Пулково. 18. Лимузин. 19. Каховка. 20. Балканы. 26. Риторика. 27. Коверкот. 32. Алупка. 34. Абовян. 35. Сигнал. 37. Талон. 38. Стасов.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ. Редакционная коллегия: А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, К. В. СМИРНОВ, А. Н. СТУДИТСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова

А — 09704. Подписано к печати 12/XII 1950 г. 5½ печ. л. Тираж 406 000. Изд. № 702. Заказ 3248. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Copyrighted material

АЛЬПИНИСТЫ В ГОРАХ КАВКАЗА.

Фотоэтюд В. Руйковича

Цена номера 3 руб.

КЕТОВАЯ ИКРА-
ПОЛЕЗНА И ВКУСНА.